

Вестник Московского университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в ноябре 1946 г.

Серия 8 **ИСТОРИЯ**

№ 2 • Том 65 • 2024 • МАРТ–АПРЕЛЬ

Издательство Московского университета

Выходит один раз в два месяца

LOMONOSOV HISTORY JOURNAL

Published once in two months

СОДЕРЖАНИЕ

Ладынин И.А. Манефон о военной истории Египта II тыс. до н.э.: «кейс Сесостриса» (Manetho. Frgg. 34–36)	3
Белянкин Ю.С. Инскрипции XVII в. круга «боголюбцев»: новые разыскания.	19
Иванов А.А. Н.Е. Марков в годы Второй мировой войны: неизвестные страницы биографии	32
Михальченко С.И. Российский период академической карьеры историка А.В. Соловьева (1910-е годы): начало пути в науку	51
Абрамова Н.Г., Голиков А.Г., Круглова Т.А. Хранитель университетских традиций. К 100-летию со дня рождения профессора А.В. Муравьева	63
Камаева (Буреева) Е.В. Денежно-вещевые лотереи ВЛКСМ как источник пополнения бюджета Комсомола в 1957–1985 гг.	83
Устьянцев Г.Ю., Ананьев А.А., Синицына Ю.В., Федорова О.В., Хомченкова И.А., Насырова Р.Р. Этнологический и лингвистический аспекты идентичности марийских этноактивистов. Самосознание и языковые практики	97
Солопова О.В., Демидова Е.Е., Веракса А.Н., Козопольская-Соловьева А.В., Робышев В.О., Роева-Мкртчян Е.Б., Солопов А.П., Дранова М.В. Историко-географический ландшафт миграции в Россию из стран ближнего зарубежья в конце XX — начале XXI в. Взгляд изнутри	120
Шинаков Е.А., Рябчевский Н.Г., Иванчей С.А. Археолого-нумизматические свидетельства событий последней трети XIV в. на юге Карачевского княжества (бассейн р. Навля)	152
Башкирова М.А. Образ крепости в русской архитектуре последней трети XVIII в.: история вопроса и проблема метода	179

CONTENTS

L a d y n i n I.A. Manetho on Egypt's Military History in the Second Millennium B.C.: "the Case of Sesostris" (Manetho. Fragg. 34–36)	3
B e l i a n k i n Iu.S. The 17th-Century Inscriptions of the "Bogolyubtsy" Circle: New Investigations	19
I v a n o v A.A. N.E. Markov during the World War II: Unknown Pages of Biography	32
M i k h a l c h e n k o S.I. The Russian Period of the Academic Career of Historian A.V. Soloviev (1910s): the Beginning of the Path to Science	51
A b r a m o v a N.G., G o l i k o v A.G., K r u g l o v a T.A. Guardian of University Traditions. On the 100th Anniversary of the Birth of Professor A.V. Muravyev	63
K a m a e v a (B u r e e v a) E.V. Cash and Prize Lotteries of the Komsomol as a Source of its Budget from 1957 through 1985	83
U s t y a n t s e v G.Yu., A n a n e v A.A., S i n i t s y n a Ju.V., F e d o r o v a O.V., K h o m c h e n k o v a I.A., N a s y r o v a R.R. Ethnological and Linguistic Aspects of the Identity of Mari Ethnic Activists: Self-Awareness and Language Practices	97
S o l o p o v a O.V., D e m i d o v a E.E., V e r a k s a A.N., K o z o p o l i a n s k a i a - S o l o v e v a A.V., R o b y s h e v V.O., R o e v a - M k r t c h y a n E.B., S o l o p o v A.P., D r a n o v a M.V. The Historical and Geographical Landscape of Migration to Russia from the Near Abroad in the Late 20th and Early 21st Centuries. A View from Within	120
S h i n a k o v E.A., R y a b c h e v s k i i N.G., I v a n c h e i S.A. Archaeological and Numismatic Traces of Events of the Last Third of the 14th Century in the South of the Principality of Karachev (Navlya River Basin)	152
B a s h k i r o v a M.A. The Image of Fortress in Russian Architecture of the Last Third of the 18th Century: the Historiographical Review and the Problem of Method	179

DOI: 10.55959/MSU0130-0083-8-2024-65-2-3-18

И.А. Ладынин

**МАНЕФОН О ВОЕННОЙ ИСТОРИИ ЕГИПТА
II ТЫС. ДО Н.Э.: «КЕЙС СЕСОСТРИСА»
(MANETHO. FRGG. 34–36)**

I.A. Ladynin

**MANETHO ON EGYPT'S MILITARY HISTORY
IN THE SECOND MILLENNIUM B.C.: "THE CASE
OF SESOSTRIS" (MANETHO. FRGG. 34–36)**

Аннотация. Египетский жрец Манефон Севеннитский, создавший в первой половине III в. до н.э. труд об истории Египта на греческом языке, привел в его втором томосе (книге), посвященном событиям II тыс. до н.э., сведения о великих завоеваниях царя XII династии по имени Сесострис, прототипом которого является Сенусерт III. Эти сведения известны в передаче Георгия Синкелла, следовавшего Юлию Африкану, Евсевию Кесарийскому и армянской версии Евсевия, которые воспроизводили не оригинальный текст Манефона, а его эпитому конца эллинистического времени. Анализ этих свидетельств и их сопоставление с данными античной традиции позволяют прийти к выводу, что, судя по всему, эпитоматоры воспроизвели суть сообщений Манефона достоверно. При этом Манефон назвал территории завоеваний Сесостриса, описал его внешность и указал продолжительность его царствования близко к свидетельствам Гекатея

Ладынин Иван Андреевич, доктор исторических наук, профессор Школы исторических наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», доцент кафедры истории древнего мира исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Ladynin Ivan Andreevich, Doctor in History, Professor, School of History, National Research University "Higher School of Economics"; Associate Professor, Department of Ancient History, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University

ladynin@mail.ru; iladynin@hse.ru

ORCID: 0000-0002-8779-993X

Статья подготовлена при поддержке Российского научного фонда (проект № 22-28-01236 «Комплекс представлений египтян I тыс. до н.э. — начала н.э. об истории своей страны и его интеграция в античную картину прошлого»).

This article was prepared with the support of the Russian Science Foundation (project No. 22-28-01236 "The Complex of Ideas of Egyptians in the First Millennium B.C.E. and Early C.E. regarding the History of Their Country and Its Integration into the Ancient Vision of the Past").

Абдерского — придворного историографа сатрапа Египта Птолемея, сына Лага, чьи сведения известны через посредство Диодора Сицилийского. Труд Гекатея был значим для Манефона как произведение официальной историографии династии Птолемеев, а также как обширное и подробное произведение, сведения которого о великом царе-завоевателе далекого прошлого не расходились с тем, что было независимо известно египетскому историку. При этом Манефон использовал форму имени этого царя («Сесострис»), введенную не Гекатеем, а значительно раньше, Геродотом, видимо, ввиду закрепившейся ассоциации этого имени с мотивом завоеваний. Место этого царя в династической последовательности он также определил не согласно Гекатею, а по собственным сведениям, восходившим к иероглифической традиции. Кроме того, Манефон по-видимому разделял мнение Гекатея о том, что именно этот царь был создателем великой межрегиональной державы, объединившей в своем составе всю Азию, причем ко времени завоевания Египта гиксосами власть над этой державой уже перешла к ассирийцам.

Ключевые слова: Древний Египет, Манефон Севеннитский, историческое описание, Сесострис, Сенусерт III, Гекатей Абдерский, Геродот, Ассирия.

Abstract. The Egyptian priest Manetho of Sebennytyos, the author of a work on the history of Egypt written in Greek in the first half of the III century B.C., gave in its second tomos (book) dealing with the events of the second millennium B.C. the information on the conquests of the king Sesostris of Dynasty XII, the historical Senwosret III. This evidence was transmitted by George Synkellos, who followed Julius Africanus, Eusebius of Caesarea, and Eusebius' Armenian version. These authors reproduced an epitome of Manetho's text from the end of the Hellenistic period. The analysis of these testimonies and their comparison with the data from the ancient tradition allows us to conclude that, apparently, epitomators accurately reproduced the essence of Manetho's narration. Moreover, Manetho named the territories of Sesostris's conquests, described his appearance, and indicated the duration of his reign. These reports are close to the accounts of Hecataeus of Abdera, the court historiographer of the satrap of Egypt, Ptolemy, son of Lagus. In turn, the information from Hecataeus is known thanks to Diodorus Siculus. Hecataeus's text was significant for Manetho as a work of official historical writing of the house of Ptolemies. Moreover, it was an extensive and detailed work, and its information about the great conqueror of the distant past was consistent with what was independently known to the Egyptian historian. However, Manetho used the form of the name of this king (Sesostris), introduced not by Hecataeus, but much earlier, by following, apparently due to the established association of this name with military feats. He also determined the place of this king in the dynastic sequence not according to Hecataeus, but following his own information, derived from the hieroglyphic tradition. Besides, Manetho must have shared Hecataeus' view that the king Sesostris founded the great interregional empire, which united Asia and must have passed under the sway of Assyria by the time of the Hyksos invasion of Egypt.

Keywords: Ancient Egypt, Manetho of Sebennytyos, historical writing, Sesostris, Senwosret III, Hecataeus of Abdera, Herodotus, Assyria.

Сведения об истории древнего Египта II тыс. до н.э. отразились в основном во втором томосе труда Манефона Севеннитского, посвященном царствованиям XII–XIX династий. Приводя фантастический срок их общей продолжительности (2121 год при суммировании христианскими хронографами: *Manetho. Fragg.* 55–56a-b¹; от 1967 до 2267 лет при арифметическом суммировании их передачи сроков отдельных династий²), получающийся из-за постулирования строго последовательного правления царей и их домов, удлинения времени XIII и XIV династий, а также гиксосского владычества и дублирования ряда царствований XIX династии, Манефон все же весьма достоверен в передаче последовательности как династий, так и представляющих их царей, хотя и не обошлось без нюансов и некоторых купюр. Однако отец египетской истории перестает быть достоверным, когда дело касается насыщенной военной истории Египта исторических Среднего и Нового царств, и сводит ее буквально к единичным эпизодам — к двум этапам экспансии (при Сесострисе в середине XII династии, см. далее, и при Сетосе-Рамессесе в финале Манефоновой XVIII династии: *Manetho. Fragg.* 50 = *Ios. С. Ар.* I. 15. § 98–102³) и к двум разной длительности периодам чужеземного господства в Египте (завоеванию гиксосами с царствованием их XV и XVI династий и повторению этого завоевания ими в союзе с египетскими прокаженными в финале XIX династии; см. также далее⁴). Это удивляло бы, если бы не было общей чертой античной передачи истории Египта, восходящей, несомненно, к представлениям о своем давнем прошлом самих египтян: как нам уже приходилось говорить, они, не будучи способны практически различить между собой на основании памятников ряд военных событий, совпадающих по своей локализации и направленности (из Египта в Восточное Средиземноморье или оттуда к границам Египта), похоже, были склонны свести их к одному или в крайнем случае к двум этапам, память о которых по каким-то причинам была особенно яркой. Как раз фрагменты труда Манефона хорошо показывают, что такая неспособность была

¹ Здесь и далее фрагменты труда Манефона Севеннитского указаны по изданию: *Manetho. With an English translation by W. G. Waddell.* Cambridge (Massachusetts); London, 1980. (Loeb Classical Library, 350).

² *Ладынин И.А.* «Снова правит Египет!» Начало эллинистического времени в концепциях и конструктах позднеегипетских историографии и пропаганды. СПб., 2017. (Труды Исторического факультета МГУ. Вып. 84. Сер. II: Исторические исследования, 40). С. 250–251, прим. 1.

³ Там же. С. 53–54, прим. 1.

⁴ Там же. С. 55–59.

характерна не только для упрощенного или заведомо тенденциозного восприятия египтянами своего прошлого (его примером служит изложение истории Египта Геродотом⁵), но и для вполне «академических» его версий⁶.

В настоящей работе мы ставим ограниченную задачу: рассмотреть свидетельства второго томоса Манефона о первом в его рамках случае выступления египтян во внешний мир в царствование третьего представителя XII династии Сесостриса, соответствующего историческому Сенусерту III (1872–1853/52 гг. до н.э.⁷). Данное сообщение известно лишь в передаче христианских хронографов (Георгия Синкелла, следовавшего Юлию Африкану и «Хронографии» Евсевия Кесарийского, а также армянской версии последнего труда), причем они передавали не аутентичный текст Манефона, а эпитому его труда, которая была составлена, видимо, на исходе эллинизма и представляла собой список египетских царей с хронологическими сведениями и иногда с краткими историческими комментариями⁸. На сведения этой традиции о Сесострисе обращали сравнительно мало внимания, поэтому, при их компактности, их стоит привести полностью:

Синкелл, согласно Африкану (*Manetho. Frg.* 34.3):

3: Сесострис, 48 лет, который за девять лет подчинил всю Азию и часть Европы до Фракии и всюду возводил памятники согласно свойствам [покоренных] народов, вырезая на стелах для мужественных мужские половые органы, а для трусливых женские, так что он считается египтянами первым после Осириса⁹.

⁵ См. о факторах тенденциозности изложения египетской истории Геродотом: Суриков И.Е. Геродот и египетские жрецы (к вопросу об «Отце истории» как об «отце лжи») // Суриков И.Е. Очерки об историописании в классической Греции. М., 2011. С. 212–231; Ladygin I.A. The “Crisis of the Pyramid Builders” in Herodotus’ Book II and the Epochs of Egyptian History // *Deformations and Crises of the Ancient Civil Communities* / Ed. P.D. Rhodes. Stuttgart, 2015. P. 15–26.

⁶ Ладыгин И.А. Указ. соч. С. 60–65.

⁷ По: Beckerath J. von. *Chronologie des pharaonischen Ägypten: Die Zeitbestimmung der ägyptischen Geschichte von der Vorzeit bis 332 v. Chr.* München; Berlin, 1997. (Münchner ägyptologische Studien, 46). S. 134; ср. с менее вероятной датировкой 1837–1819 гг. до н.э.: *Ancient Egyptian Chronology* / Ed. E. Hornung, R. Krauss, D. Warburton. Leiden, 2006. (Handbook of Oriental Studies. Section One: The Near and Middle East, 83). P. 492.

⁸ Gozzoli R.B. *The Writing of History in Ancient Egypt during the First Millennium B.C. (ca. 1070–180 BC). Trends and Perspectives.* London, 2006. (Golden House Publications Egyptology, 5). P. 193.

⁹ ὁ Ἰσέσωστρις ἔτη μῆ, ὃς ἅπασαν ἐχειρώσατο τὴν Ἀσίαν ἐν ἐνιαυτοῖς ἐννέα καὶ τῆς Εὐρώπης τὰ μέχρι Θράκης, πανταχόσε μνημόσυνα ἐγείρας τῆς τῶν ἐθνῶν σχέσεως, ἐπὶ μὲν τοῖς γενναίοις ἀνδρῶν, ἐπὶ δὲ τοῖς ἀγεννέσι γυναικῶν μόρια ταῖς στήλαις ἐγχαράσσω, ὡς ὑπὸ Αἰγυπτίων μετὰ Ὀσίριν πρῶτον νομισθῆναι.

Синкелл, согласно Евсевию (*Manetho. Frg. 35.3*):

3: Сесострис, 48 лет, о котором говорят, что он был 4 локтей, 3 ладоней и 2 пальцев [роста], который за девять лет подчинил всю Азию и часть Европы до Фракии и всюду возводил памятники согласно свойствам [покоренных] народов, вырезая на стелах для мужественных мужские половые органы, а для трусливых женские, так что он считается египтянами первым после Осириса¹⁰.

Армянская версия Евсевия (*Manetho. Frg. 36.3*):

Сесострис, 48 лет, ростом которого называют четыре локтя и три ладони с двумя пальцами. Он в течение девяти лет подчинил себе Азию, а также часть Европы вплоть до Фракии. Он же повсюду соорудил памятники своего господства в каждом племени, вырезая на столпах у сколько-нибудь могучих племен мужские, а у невоинственных женские половые органы, в знак бесчестия. Почему он у египтян получает ближайшие после Осириса почести¹¹.

В данной традиции в первую очередь, безусловно, бросаются в глаза колоссальный объем завоеваний, приписанных египетскому царю по принципу контаминации в его образе воспоминаний сразу о ряде войн Египта Среднего и Нового царств¹², а также свидетельство о пресловутых стелах с изображениями мужских и женских половых органов. То и другое находят аналогии в сообщениях других авторов V–IV вв. до н.э. о великом египетском царе-завоевателе, известном под разными именами (Сесострис у Геродота, Сесонхосис у ученика Аристотеля Дикеарха Мессенского, согласно схолиям к Аполлонию Родосскому¹³, Сесоосис у придворного историка сатрапа Птолемея Гекатея Абдерского, согласно Диодору Сицилийскому¹⁴). Сходство

¹⁰ ᾧ Σέσωστρις ἔτη μῆ, ὃς λέγεται γεγενῆσθαι πηχῶν δ', παλαιστῶν ᾧ, δακτύλων β' ὃς πᾶσαν ἐχειρώσατο τὴν Ἀσίαν ἐν ἑνιαυτοῖς ἑννέα καὶ τῆς Εὐρώπης τὰ μέχρι Θράκης, πανταχόσε μνημόσυνα ἐγεῖρας τῆς τῶν ἔθνων κατασχέσεως, ἐπὶ μὲν τοῖς γενναίοις ἀνδρῶν, ἐπὶ δὲ τοῖς ἀγενέσι γυναικῶν μόρια ταῖς στήλαις ἐγχαράσσων, ὡς καὶ ὑπὸ τῶν Αἰγυπτίων μετὰ Ὀσίριν νομισθῆναι.

¹¹ *Sesostris annis XLVIII, cuius mensura fertur cubitorum quattuor, palmarumque trium cum digiti duobus. Is universam Asiam annorum novem spatio sibi subdidit, itemque Europae partem usque ad Thraciam. Idem et suae in singulas gentes dominationis monumenta ubique constituit; apud gentes quidem strenuas virilia, apud vero imbelles feminea pudenda ignominiae causa columnis insculpens. Quare is ab Aegyptiis proximos post Osirin honores tulit.*

¹² См., в связи со свидетельствами Геродота (*Hdt. II. 102–110*): Ладынин И.А. Указ. соч. С. 148–161.

¹³ Там же. С. 162–192.

¹⁴ Там же. С. 221–247; о зависимости сведений I книги «Исторической библиотеки» Диодора Сицилийского, посвященной Египту, от сведений труда Гекатея Абдерского, созданного ок. 310-х гг. до н.э., см., с подробными отсылками к литературе: там же. С. 221–222, прим. 1.

это таково, что позволяет поставить вопрос о возможной зависимости от этих авторов сообщений эпитомы Манефона в передаче хронографов. В уже давней статье, посвященной труду Гекатея Абдерского, О. Мёррей не решился высказаться о соотношении в этих сведениях традиции Манефона данных Геродота и Гекатея: фрагменты эпитомы Манефона подробнее сообщений Геродота свидетельствами о продолжительности царствования Сесостриса и его походов, но при этом расходятся с Гекатеем и Диодором в передаче его имени и продолжительности царствования¹⁵. Позднее Д. Редфорд констатировал, что сообщение хронографов «обязано своим наличием и форматом» (owes its presence and format) сведениям Геродота и Гекатея, но, учитывая предубежденность против Геродота самого Манефона, усомнился, что оно исходит от него¹⁶. Р. Гоццоли отметил сходство сообщений эпитомы Манефона со сведениями Геродота за исключением столь колоритного момента, как определение гигантского роста Сесостриса: близкий этому рост в четыре локтя и четыре ладони приписывается царю Сесоосису Гекатеем согласно Диодору (*Diod. I. 55.9*)¹⁷. Правда, Гекатей определяет рост царя в соответствии с величиной его изображений, помещенных в местах его походов, и в этом он не расходится с Геродотом, говорящим о рельефах якобы Сесостриса на дорогах из Эфеса в Фокею и из Сард в Смирну, где тот представлен высотой в четыре с половиной локтя (*Hdt. II. 106. 2–3*). Наконец, с наименьшей конкретностью и, можно сказать, с наибольшей беззаботностью этот вопрос решает недавний исследователь труда Манефона Дж. Диллери. Он вполне уверен, что сведения хронографов восходят к тексту самого Манефона, который, по его мнению, в целом должен был заимствовать этот сюжет и у Геродота, и у

¹⁵ Murray O. Hecataeus of Abdera and Pharaonic Kingship // *Journal of Egyptian Archaeology*. 1970. Vol. 56. P. 162, n. 1; см. *Diod. I.58.3* — о 33-летней продолжительности царствования Сесоосиса.

¹⁶ Redford D.B. Pharaonic Kings-Lists, Annals and Day-Books: A Contribution to the Study of the Egyptian Sense of History Missisauaga, 1986. (Society of the Studies of Egyptian Antiquities' Publications, 4). P. 212. Понятно, что, помимо Манефона, сообщение о Сесострисе могло быть введено и его эпитоматорами, и самими воспринявшими их сведения христианскими хронографами. При этом Редфорд не прав, считая, что сведения о росте Сесостриса (Сесоосиса Гекатея и Диодора) должны восходить к измерениям его статуй перед храмом Гефеста (вероятно, Птаха) в Мемфисе, к восприятию которых якобы привязан образ этого царя (*Ibid.*, со ссылкой на: *Maspero G. La geste de Sésostris // Journal des savants*. 1901. P. 599). Согласно Геродоту, эти статуи были гораздо выше, достигая 30 локтей (*Hdt. II. 110*; ими могли быть колоссы Рамсеса II в Мит-Рахине: *Lloyd A.B. Herodotus, Book II. Commentary 99–188. Leiden, 1988. (Études préliminaires aux religions orientales dans l'Empire romain, 43/3). P. 36–37*), в то время как сведения о росте этого царя восходят к размерам его предполагаемых изображений на памятниках в Малой Азии (см. далее).

¹⁷ Gozzoli R.B. Op. cit. P. 211–212.

Гекатея Абдерского; однако, вероятно, он в особенности использовал для прославления своего героя сведения Гекатея о походах египетского царя Сесоосиса в части Азии, непокоренные Александром¹⁸. Диллери явно имеет в виду сообщение Гекатея и Диодора о походе Сесоосиса в Индию за Ганг и «до самого океана» (*Diod. I. 55.4*), но вообще следов его заимствования Манефоном в конкретных свидетельствах его традиции нет, и тут исследователь позволяет себе хотя и вероятное, но излишне уверенное допущение.

В свое время мы высказали мнение о том, что изложение этого сюжета хронографами во всяком случае должно было следовать эпитоме Манефона и тогда не могло противоречить, а скорее совпадало с его не дошедшим до нас текстом и при этом согласовывалось прежде всего с трудом Геродота¹⁹. Сейчас мы считаем нужным уточнить и существенно пересмотреть наше суждение. Прежде всего, как мы уже отмечали²⁰, сведения хронографов расходятся с Геродотом и при этом сходятся с Гекатеем Абдерским и передающим его Диодором в следующем моменте: Геродот сообщает, что Сесострис ставил стелы с описаниями своих побед над мужественными противниками и с изображениями женских половых органов — в знак победы над противниками малодушными (*Hdt. II. 102.4–5*). Стоит заметить, что подобное описание определенным образом согласуется с реальностью надписей исторического Сенусерта III в Нубии, местами показавшему бойких, действительно именно описывающих его успехи и содержащих соответствующую обценную характеристику — правда, не малодушного врага, а малодушного полководца, который отступил бы перед слабым нубийским противником. Нельзя исключить, что колорит этих текстов, видимо, запомнившихся при их неэпиграфической циркуляции внутри Египта, и привел к прочной ассоциации больших успехов Египта во внешнем мире именно с памятью о Сенусерте III, что мы и видим в рассматриваемой традиции²¹. В отличие от Геродота, как у Гекатея в передаче Диодора (*Diod. I.55.8*), так и у хронографов речь идет о помещении на памятниках египетского царя в соответствующих случаях изображений мужских и женских половых органов. Данная вариация может считаться закономерным огрублением первоначальной версии Геродота; однако очень существенно, что Дикеарх Мессенский, писавший при-

¹⁸ *Dillery J. Cleo's Other Sons: Berossus and Manetho, with an afterword on Deme-trius. Ann Arbor, 2015. P. 25, 313.*

¹⁹ *Ладынин И.А. Указ. соч. С. 42.*

²⁰ Там же. С. 149–150.

²¹ Там же. С. 152–155.

мерно в то же время, около последних десятилетий IV в. до н.э., что и Гекатей, этой вариации не допускает, а передает версию Геродота стяженно, но верно (Schol. Apoll. Rhod. IV. 272–274)²². Мы не знаем более ранних следов этой вариации и в таком случае вероятно, что она появилась около этого же времени, вполне возможно, именно в труде Гекатея Абдерского.

О крайней близости сведений хронографов и Гекатея с Диодором о росте египетского царя-завоевателя уже говорилось в связи с исследовательским мнением Р. Гоццоли: заметим всё же, что они совпадают не полностью, поскольку у хронографов рост царя приведен с характерной, вероятно, нарочитой, убывающей градацией чисел: четыре локтя — три ладони — два пальца. Далее, хронографы приписывают Сесострису войны в течение девяти лет (в согласии с Гекатеем и Диодором: *Diod.* I. 55.10), в ходе которых он завоевал всю Азию и Европу вплоть до Фракии²³. Согласно Гекатею и Диодору, царь Сесоосис завоевал всю Азию, включая «земли скифов до реки Танаис, отделяющей Азию от Европы»²⁴ (id. 4), где возле Меотидского озера «часть египтян осталась... положив начало народу колхов» (id. 4–5); далее он покорил «всю прочую Азию» (явно имеется в виду Малая Азия) и «большинство Кикладских островов», перешел в Европу и прошел «почти всю Фракию», после чего остановился, опасаясь потерять войско «из-за недостатка продовольствия и труднопроходимых мест» (id. 6–7). Очевидно, что и у хронографов, и у Гекатея с Диодором из завоеваний египетского царя исключено пространство Европы между Танаисом и Фракией, т.е. европейская Скифия; между тем Геродот как раз приписывает ее завоевание Сесострису (*Hdt.* II. 103). Разница в этом между Геродотом и Гекатеем с Диодором подчеркивается вариацией в изложении принципиально общего для них сюжета: согласно Геродоту, когда Дарий I пожелал воздвигнуть свою статую в Мемфисе перед храмом Гефеста рядом со статуями Сесостриса, некий египетский жрец воспретил это, заявив, что персидский царь, не сумевший покорить скифов (как известно, именно европейских!) еще не сравнялся с Сесострисом (*Hdt.* II. 110.2–3). Согласно Гекатею и Диодору, жрец в аналогичной ситуации просто сказал, что Дарий еще не превзошел своими делами Сесоосиса, не упоминая специаль-

²² Ладынин И.А. Указ. соч. С. 164.

²³ См. о мотиве похода великого египетского царя против скифов с достижением Фракии: Иванчик А.И. Накануне колонизации: Северное Причерноморье и степные кочевники VIII–VII вв. до н.э. в античной литературной традиции: фольклор, литература и история. М.; Берлин, 2005. С. 190–220. (*Pontus septentrionalis*, 3).

²⁴ Здесь и далее мы приводим перевод «Исторической библиотеки» Диодора Сицилийского по изданию: Диодор Сицилийский. Историческая библиотека. Т. 1 / Пер. и комм. О.П. Цыбенко. СПб., 2022. (Литературные памятники).

но покорения скифов (*Diod. I. 58.4*)²⁵. Наконец, последовательность деяний Сесоосиса, согласно этим авторам, выглядит так: сначала он проводит в Египте серию реформ (в частности, создает боеспособное войско во главе с наделенными землей начальниками: *id. 54*), что занимает некоторое время, явно не меньше нескольких лет; далее он отправляется в походы, занимающие, как уже говорилось, девять лет; и в конце концов занимается обустройством Египта и принадлежащей ему мировой державы, причем в этом контексте упоминается, что он царствовал 33 года (*id. 58.3*). Представляется вероятным, что эти два прямо названных срока могли не пересекаться, составляя в сумме 42 года; в таком случае, добавив к этой сумме еще несколько лет преобразований Сесоосиса в начале его царствования, мы должны получить его общий срок, близкий или равный 48 годам, о которых говорят хронографы (кстати, значительно больший, чем историческое царствование Сенусерта III²⁶).

Таким образом, с одной стороны, схождения между сведениями христианских хронографов, воспроизводящих эпитому Манефона, и традицией Гекатея Абдерского в передаче Диодора можно назвать системными. С другой стороны, если бы сведения Гекатея были воспроизведены в связи с данной позицией царского списка Манефона не им самим, а его эпитоматорами или хронографами, от них можно было бы ожидать более полного, практически буквального воспроизведения этих сведений²⁷. Между тем у хронографов мы как раз видим некоторые вариации по сравнению со сведениями Гекатея: иное, как было сказано, несколько нарочитое определение роста египетского царя-завоевателя, отсутствие особой оговорки о том, подчинил ли он себе Скифию и насколько полно (что в принципе

²⁵ Иванчик А.И. Указ. соч. С. 196–198.

²⁶ Самостоятельное царствование Сенусерта III продолжалось не более 19 лет, хотя далее за ним могло следовать длительное (20-летнее) соправление с его сыном Аменемхетом III (*Ancient Egyptian Chronology. P. 172–173*); однако его войны в любом случае представляются делами его самостоятельного правления, так как стелы в Семне и на острове Уронатри, прославляющие его победы, о которых шла речь выше, датируются его Годом 16 (*Демидчик А.Е. Безымянная пирамида: Государственная доктрина древнегипетской Гераклеопольской монархии. СПб., 2005 (Aegyptiaca, I). С. 151*). В то же время более чем 40-летняя продолжительность царствования Сесоосиса у Диодора может объясняться контаминацией в его образе реминисценций Сенусертов I и III (*Ладынин И.А. Указ. соч. С. 221–238*), при том что царственная доктрина первого из них длилось не менее 45 лет (*Ancient Egyptian Chronology. P. 172*; у Манефона соответствующий Сенусерту I Сесонхосис правит 46 лет: *Manetho. Frgg. 34.1, 35.1*).

²⁷ Пример такого рода мы видим во фрагменте труда христианского автора Иустина Мученика (*Iust. Mart. Coh. ad gent. I.9*), практически полностью воспроизведшего сведения Гекатея и Диодора о законодательной деятельности великого египетского царя (*Diod. I. 94–95*) лишь с заменой его имени — «Сесонхосис» вместо «Сесоосис» (*Ладынин И.А. Указ. соч. С. 243–244, прим. 2*).

служит его прославлению, в то время как описание его «остановки» во Фракии Гекатеем выявляет ограниченность его успехов), суммирование лет его царствования, возможно, отсутствовавшее у Гекатея. Думается, что эти вариации могли быть введены в передачу сведений Гекатея лишь тем ее транслятором, который был заинтересован не просто в воспроизведении этих сведений, а в их определенной обработке исходя из своих целей. Представляется очевидным, что таковым должен был быть сам Манефон, а никоим образом не эпитоматоры и не христианские хронографы.

Наконец, важнейшая вариация в их тексте по сравнению со сведениями Гекатея — это сам выбор формы имени царя-завоевателя: «Сесострис», а не «Сесоосис». Не может быть сомнения, что этот выбор исходит от самого Манефона, определявшего формы имен всех царей в переданной им династической последовательности, и что данная форма имени была воспроизведена вслед за ним эпитоматорами и далее хронографами. Можно сказать, что в этом Манефон действительно следует не Диодору, а Геродоту, используя введенную им и далее довольно устоявшуюся форму имени царя, в делах которого преобладающее место заняли завоевания. Между тем использование разных форм грецизированных имен — характерный прием, применяемый Манефоном для различения царей с совпадающими, как ему известно, египетскими именами: в царской последовательности XII династии он называет ее первого представителя, исторического Сенусерта I «Сесонхосис», то есть именем, с которым со времени трактата Дикеарха Мессенского было ассоциировано качество египетского царя-устроителя, а исторического Сенусерта III, как мы видим, — «Сесострис»²⁸. Это хорошо согласуется с тем, что в сведениях хронографов Сесострис представлен исключительно воителем, хотя у Гекатея четко выражен его аспект устроителя. Подобное «разведение» этих качеств между двумя царями XII династии и ответственный отбор для характеристики второго из них сведений из труда Гекатея тоже не могли быть делом эпитоматоров Манефона или хронографов, а должны были быть осуществлены самим египетским историком.

Вместе с тем решающий аргумент, доказывающий достоверность передачи хронографами информации Манефона о Сесострисе и при этом ее зависимость от сведений Гекатея Абдерского, обнаруживается, на наш взгляд, в цитировании Манефона Иосифом Флавием в трактате «О древности иудейского народа (Против Апиона)». Как известно, Флавий воспроизвел обширные фрагменты подлинного

²⁸ Ладынин И.А. Указ. соч. С. 207–208.

текста Манефона Севеннитского²⁹, содержащие сведения о владычестве в Египте гиксосов, о последующих царствованиях XVIII и XIX династий и о втором нашествии гиксосов в союзе с египетскими прокаженными, стремясь опровергнуть связанную с последним сюжетом и принятую Манефоном версию библейского Исхода (*Manetho. Frg. 42 = Ios. C. Ap. I. 14. § 73–92; Manetho. Frg. 50 = Ios. C. Ap. I. 15–16. § 93–105; Manetho. Frg. 54 = Ios. C. Ap. I. 26–31. § 227–287*). Первое завоевание Египта гиксосами отделено от царствования Сесостриса значительным сроком — по данным эпитомы Манефона в наиболее подробной передаче Синкелла согласно Африкану, четырьмя царствованиями преемников Сесостриса в рамках XII династии с 28 годами (*Manetho. Frg. 34*) и далее XIII и XIV династиями соответственно с 453 и 184 годами (*Manetho. Frgg. 38, 41*). В первом из указанных фрагментов Флавия в связи с царствованием в Египте основоположника XV гиксосской династии Салитиса содержится следующая фраза (*Ios. C. Ap. I. 14. § 77*):

...И он пребывал в Мемфисе, обложив данью верхнюю и нижнюю страны и оставив гарнизоны в самых нужных местах; в особенности же укрепил восточную часть страны, предвидя, что, когда ассирийцы станут сильнее, то они возымеют желание напасть на его царство³⁰.

Очевидно, что опасение гиксоса Салитиса могло иметь какой-то смысл только в том случае, если Ассирийское государство уже начало превращаться в межрегиональную державу, способную распространить свое влияние на Восточное Средиземноморье и, закрепившись здесь, угрожать Египту, чего в историческом XVII в. до н.э., когда произошло завоевание гиксосами Египта, конечно не было. В свое время Д. Редфорд вообще не увидел необходимости как-то исследовать этот «бьющий в глаза анахронизм» (*blatant anachronism*), полагая, что он служит лишь объяснению причин укрепления гиксосами Восточной Дельты и заодно указывает на время формирования данной традиции не позднее реального возвышения Ассирии в I тыс. до н.э.³¹ Вместе с тем этот же ассирийский мотив повторяется далее еще раз при описании ухода гиксосов из Египта по мирному соглашению с египтянами (*Ios. C. Ap. I. 14. § 90*):

²⁹ См. о характере использования текста Манефона Иосифом Флавием, с подробными отсылками к литературе: Там же. С. 32–35.

³⁰ καὶ οὗτος ἐν τῇ Μέμφιδι κατεγίνετο, τὴν τε ἄνω καὶ κάτω χώραν δασμολογῶν καὶ φρουρὰν ἐν τοῖς ἐπιτηδειοτάτοις καταλιπὼν τόποις· μάλιστα δὲ καὶ τὰ πρὸς ἀνατολὴν ἠσφαλίσατο μέρη, προορώμενος Ἀσσυρίων τότε μείζων ἰσχυόντων ἐσομένην ἐπιθυμίαν τῆς αὐτῆς βασιλείας ἐφόδου.

³¹ *Redford D.B. Op. cit. P. 241.*

Однако, опасаясь могущества ассирийцев — ибо те владели Азией, — они в [земле,] именуемой ныне Иудея[,] выстроили город, достаточный для стольких тысяч людей и назвали его Иеросолима³².

Данный пассаж уже не вызывает сомнений в том, что, по мнению Манефона, на протяжении гиксосского владычества Ассирия достигла положения великой межрегиональной державы, владевшей всей Азией. Между тем, по сведениям Гекатея Абдерского согласно Диодору, первым создателем такой державы был египетский царь-завоеватель Сесоосис (*Diod. I. 55.10–12: 56.2–3; 58.1–2*)³³. При этом во II книге Диодора Сицилийского мы встречаем следующие сведения, которые, как минимум, не должны противоречить цитированию Гекатея Диодором в его I книге: в некий момент скифы, первоначально владевшие землями между Кавказом с одной стороны и Меотидой и Танаисом с другой (*Diod. II. 43.2*), расширили свои владения, захватив сначала «обширные земли за Танаисом вплоть до Фракии», а затем, «совершив поход в другом направлении, распространили свое могущество до Нила в Египте» (*id. 4*). Корреляция этого сообщения со сведениями Гекатея о походах Сесоосиса хорошо вырисовывается: если первое расширение владений скифов соответствует появлению Европейской Скифии, которую, как мы говорили, Сесоосис не завоевал, согласно как Гекатею и Диодору, так и Манефону, то второе должно соответствовать некоему моменту уже после завоеваний Сесоосиса, когда, очевидно, скифы смогли перехватить всю созданную им сферу влияния в Азии. Нам приходилось говорить о том, что хорошо известный в античной традиции мотив поражения великого египетского царя от скифов был в изложении Гекатея, видимо, купирован, хотя следы его бытования на уровне некоего прототипа Гекатея остаются заметны: это упоминание о прекращении экспансии Сесоосиса именно во Фракии, по достижении границ Европейской Скифии (см. выше), а также упоминания о высокой укрепленности при Сесоосисе Восточной Дельты (*Diod. I.57.1–4*), согласующиеся со сведениями Помпея Трога о том, что наступление скифов против великого египетского царя разбилось именно об эти рубежи, причем именно после этого скифы широко распространили свое влияние по Азии (*Iust. II. 3.8–17*). Далее, согласно II книге Диодора, от Скифии отделяется царство амазонок с центром в долине Термодонта, соответствующее, как известно исследователям, историческому

³² φοβουμένους δὲ τὴν Ἀσσυρίαν δυναστείαν – τότε γὰρ ἐκείνους τῆς Ἀσίας κρατεῖν – ἐν τῇ νῦν Ἰουδαίᾳ καλουμένη πόλιν οἰκοδομησαμένους τοσαύταις μυριάσιν ἀνθρώπων ἀρκέσουσαν Ἱεροσόλυμα ταύτην ὀνομάσαι.

³³ Ладынин И.А. Указ. соч. С. 234–236.

Хеттскому царству, и начинает экспансию, среди прочего, «завоевав большую часть Азии и распространив свою власть вплоть до Сирии» (*Diod.* II. 46.2). Наконец, ассирийский царь Нин, начав успешные завоевания (*id.* 1), решает «подчинить себе всю Азию между Танаисом и Нилом» (*id.* 2.1)³⁴.

Как нам уже приходилось отмечать, совместно с А.А. Немировским, в этой последовательности событий переход гегемонии в Азии от египетского царя к скифам/амазонкам должен соответствовать фактическому неуспеху Рамсеса II в противостоянии с хеттами и усилению последних, а возвышение Нина — скорому после этого усилению Среднеассирийского царства; как видно, данная последовательность соответствует реальным событиям исторического XIII в. до н.э.³⁵ При этом аналогичную последовательность «владычеств в Азии» констатирует и труд писавшего несколько позднее Диодора Помпея Трога (*Iust.* I. 1–2; II. 3–4)³⁶; иными словами, по крайней мере к финалу эллинизма данная схема могла восприниматься как общеизвестная. Как сказано выше, использованный Диодором в качестве основного источника его I книги труд Гекатея Абдерского о Египте обнаруживает корреляцию с основными компонентами этой схемы; это позволяет думать, что Гекатей воспринимал эту схему в целом, за вычетом такого элемента, как поражение египетского царя скифами, в качестве фона своего изложения в том, что касалось развития событий за пределами Египта, в Азии. Однако сведения хронографов о завоевании Сесострисом всей Азии прекрасно согласуются со сведениями Гекатея о создании египетским царем-завоевателем межрегиональной державы! В таком случае логично думать, что в понимании эпитоматоров Манефона, на которых ориентировались хронографы, — и, несомненно, его самого! — ко времени Сесостриса было отнесено начало этой последовательности событий, которые далее разворачивались так же, как и в учтенной Гекатеем схеме, так что ко времени нашествия на Египет гиксосов, в соответствии с этой последовательностью, в Азии уже «успело» наступить владычество Ассирии. Тогда мы приходим к выводу, что как сведения о Сесострисе хронографов, восходящие к эпитоматорам Манефона, так и текст самого Манефона, переданный Иосифом Флавием и сообщающий

³⁴ Ладынин И.А. От Меотиды до Нила: война египтян со скифами в традициях Гекатея Абдерского и Помпея Трога // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2021. Т. 12. № 12 (110). Абзацы 7, 11–12, 14–15.

³⁵ Ладынин И.А., Немировский А.А. Происхождение и вероятная историческая основа античной традиции о поражении легендарного египетского царя-завоевателя от скифов // *Scripta antiqua: Вопросы древней истории, филологии, искусства и материальной культуры*. Т. 10. М., 2023. С. 11–48.

³⁶ Ладынин И.А. «Снова правит Египет!» С. 251–254.

о более позднем времени, основаны на единой логике, находящей внятные параллели у Гекатея Абдерского, и в таком случае эти сообщения хронографов аутентичны сведениям Манефона.

Подводя некоторый итог нашим наблюдениям, следует сказать о том, почему для Манефона в передаче сюжета о Сесострисе стали так важны сведения Гекатея Абдерского, хотя и в немного преобразованном виде. Манефон, безусловно, сознавал огромные изъяны его сведений о Египте: сам он передал иную, чем Гекатей, и в отличие от него отвечающую исторической реальности последовательность царствований египетских властителей. Однако вообще не считаться с трудом Гекатея он не мог, поскольку этот труд, будучи создан при дворе Птолемея Сотера еще в пору его сатрапии в Египте, должен был восприниматься как своего рода «официоз» начала птолемеевского времени. Кроме того, это и в самом деле было обширное и весьма подробное произведение, едва ли не самое подробное среди грекоязычных трудов, посвященных Египту к началу эпохи эллинизма. При этом Гекатей, как мы видели, необычайно преувеличивал достижения великого египетского царя-завоевателя, время которого, согласно Манефону, было пиком развития Египта в рамках исторического цикла второго тома его труда (по его минованию, очевидно, начиналось движение Египта «по нисходящей» к катастрофе гиксосского завоевания и следующим за этим событиям)³⁷. С этой точки зрения изложение Гекатея было вполне удобным для целей Манефона, тем более, что с его точки зрения, оно, видимо, и не противоречило реальности: как мы говорили в начале нашей работы, Манефон, несомненно, принимал свойственный египетскому историописанию и его античной рецепции принцип контаминации схожих эпизодов экспансии Египта во внешний мир в единичных образах царей-завоевателей.

Для полноты интерпретации сообщений хронографов о Сесострисе остается оговорить значение заключающей их и, очевидно, тоже аутентичной Манефону фразы о том, что египтяне относятся к этому царю как к «первому после Осириса». Мы уже писали³⁸, что значение глагола *νομίζω* в данном контексте вполне может быть «считать» (*own, acknowledge, consider as*) и в таком случае латинский текст армянской версии Евсевия *post Osirin honores tulit* преобразует это сообщение исходя из другого значения этого глагола «почитать» (*esteem, hold in honour*)³⁹. Между тем «считать первым после Оси-

³⁷ Ладынин И.А. «Снова правит Египет!» С. 43–44.

³⁸ Там же.

³⁹ Liddell H.G., Scott R., Jones H.S. A Greek-English Lexicon. Oxford, 1996. P. 1179.

риса» египтяне могли Сесостриса в двух смыслах: с одной стороны, существовало представление, отразившееся в сведениях Дикеарха Мессенского согласно схолиям к Аполлонию Родосскому, о том, что египетского царя-завоевателя помещали в самом начале времен, непосредственно после царствований богов, правда, не за Осирисом, но за его прямым преемником Хором⁴⁰. В таком случае Манефон, конечно, не соглашаясь с этим представлением, должен был объяснить его появление «богоравным» масштабom деяний Сесостриса (что, кстати, хорошо согласовывалось с недавним в его время обожествлением Александра). С другой стороны, Гекатей Абдерский приписывал именно Осирису большой завоевательный поход по ойкумене, в ходе которого тот прошел всю Азию и достиг Фракии, а также Македонии (*Diod.* I. 17.3–20): пределами его завоеваний, согласно некоей надписи на столбе в «Нисе Аравийской», были названы на востоке «необитаемые края Индии», а на севере — истоки Истра (*id.* 27.5). Нет сомнений, что эти мотивы схожи с чисто греческим представлением о легендарных походах Диониса, которому уподоблялся Осирис; однако существенно, что направленность и рубежи его завоеваний примерно согласуются с тем, что тот же Гекатей приписывал египетскому царю Сесоосису. В таком случае можно думать, что Сесострис, согласно Манефону, считался «первым после Осириса» именно в смысле повторения этих великих деяний.

References

Ancient Egyptian Chronology / Ed. by E. Hornung, R. Krauss, D. Warburton. Leiden: Brill, 2006. XI, 517 p. (Handbook of Oriental Studies. Section One: The Near and Middle East, 83).

Beckerath J., von. *Chronologie des pharaonischen Ägypten: Die Zeitbestimmung der ägyptischen Geschichte von der Vorzeit bis 332 v. Chr.* München: Verlag F. von Zabern, 1997. 244 S. (Münchener ägyptologische Studien, 46).

Demidchik A.E. *Bezymyannaya piramida: gosudarstvennaya doktrina drevneegipetskoy Gerakleopol'skoy monarkhii* [The Nameless Pyramid: The State Doctrine of the Ancient Egyptian Heracleopolitan Monarchy]. Saint Petersburg: Aleteia, 2005. 272 p. (Aegyptiaca, I).

Dillery J. *Clio's Other Sons: Berossus and Manetho, with an Afterword on Deme-trius.* Ann Arbor: University of Michigan Press, 2015. XXXVIII, 494 p.

Gozzoli R.B. *The Writing of History in Ancient Egypt during the First Millennium B.C. (ca. 1070–180 B.C.). Trends and Perspectives.* London: Golden House, 2006. XII, 398 p. (Golden House Publications Egyptology, 5).

Ivanchik A.I. *Nakanune kolonizatsii: Severnoe Prichernomor'e i stepnye kočevniki VIII–VII vv. do n.e. v antichnoy literaturnoy traditsii: fol'klor, literatura i istoriya* [On the Eve of Colonization: The Northern Black Sea Region and Steppe Nomads

⁴⁰ Ладынин И.А. «Снова правит Египет!». С. 163, 180–181.

of the Eighth and Seventh Centuries B.C.E. in Ancient Literary Tradition: Folklore, Literature, and History]. Moscow; Berlin: Paleograph, 2005. 312 p. (Pontus septentrionalis, 3).

Ladynin I.A. *The “Crisis of the Pyramid Builders” in Herodotus’ Book II and the Epochs of Egyptian History // Deformations and Crises of the Ancient Civil Communities / Ed. by P.D. Rhodes. Stuttgart: Steiner, 2015. P. 15–26.*

Ladynin I.A. *Ot Meotidy do Nila: vojna egiptyan so skifami v traditsiyakh Gekateya Abderskogo i Pompeya Troga [From Maeotis to the Nile: The War of the Egyptians with the Scythians in the Traditions of Hecataeus of Abdera and Pompeius Trogus] // Elektronnyy nauchno-obrazovatel’nyy zhurnal “Istoriya”. 2021. Vol. 12. N 12 (110).*

Ladynin I.A. *“Snova pravit Egipet!” Nachalo ellinisticheskogo vremeni v kontseptsiyakh i konstruktakh pozdneegipetskoy istoriografii i propagandy [“Egypt Rules Again!” The Beginning of the Hellenistic Period in the Concepts and Constructs of Late Egyptian Historiography and Propaganda]. Saint Petersburg: Izdatel’stvo RKhGA, 2017. 332 p. (Trudy istoricheskogo fakulteta MGU. Issue 84. Series II: Istoricheskie issledovaniya, 40).*

Ladynin I.A., Nemirovskiy A.A. *Proiskhozhdenie i veroyatnaya istoricheskaya osnova antichnoy traditsii o porazhenii legendarnogo egipetskogo tsarya-zavoyevatelya ot skifov [The Origin and Probable Historical Basis of the Ancient Tradition of the Defeat of the Legendary Egyptian Conqueror King by the Scythians] // Scripta antiqua: voprosy drevney istorii, filologii, iskusstva i material’noy kul’tury [Scripta antiqua: Issues of Ancient History, Philology, Art, and Material Culture]. Vol. 10. Moscow: Sobraniye, 2023. P. 11–48.*

Lloyd A.B. *Herodotus, Book II. Commentary 99–188. Leiden: Brill, 1988. VIII, 330 p. (Études préliminaires aux religions orientales dans l’Empire romain, 43/3).*

Maspero G. *La geste de Sésostris // Journal des savants. 1901. P. 599–609.*

Murray O. *Hecataeus of Abdera and Pharaonic Kingship // Journal of Egyptian Archaeology. 1970. Vol. 56. P. 141–171.*

Redford D.B. *Pharaonic Kings-Lists, Annals and Day-Books: A Contribution to the Study of the Egyptian Sense of History. Missisauga: Benben, 1986. XI, 342, [10] p. (Society of the Studies of Egyptian Antiquities’ Publications, 4).*

Surikov I.E. *Gerodot i egipetskie zhretsy (k voprosu ob “ottse istorii” kak ob “ottse lzhi”) [Herodotus and the Egyptian Priests (On the Question of the “Father of History” as the “Father of Lies”)] // Surikov I.E. Ocherki ob istoriopisanii v klassicheskoy Gretsii [Essays on Historical Writing in Classical Greece]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul’tur, 2011. P. 212–231.*

Поступила в редакцию
6 августа 2023 г.

DOI: 10.55959/MSU0130-0083-8-2024-65-2-19-31

Ю.С. Белянкин

**ИНСКРИПЦИИ XVII В. КРУГА «БОГОЛЮБЦЕВ»:
НОВЫЕ РАЗЫСКАНИЯ**

Iu.S. Beliankin

**THE 17th-CENTURY INSCRIPTIONS
BY THE “BOGOLYUBTSY” CIRCLE:
NEW INVESTIGATIONS**

Аннотация. Кружок ревнителей благочестия, или «боголюбцев», оказал ключевое влияние на раскол Церкви и всего русского общества, на проведение книжной sprawy и развитие церковных институтов. Помимо прочего, его представители составляли ядро книжной учености того времени. Записи на книгах, принадлежащие этим выдающимся деятелям русской книжной культуры и церковной истории XVII в., — важный исторический источник. В представленной статье вводятся в научный оборот ранее неизвестные инскрипции, сохранившиеся преимущественно на экземплярах старопечатных кириллических изданий и принадлежащие как персоналиям, входившим в число ревнителей древнего благочестия, так и некоторым людям, непосредственно связанным с этим кругом. Речь идет о вкладных и владельческих записях на книгах, когда-то находившихся в руках Григория Неронова, царского духовника Стефана Внифантьева (Вонифатьева), преподающего Дионисия Зобниновского, епископа Александра Вятского. Рассматриваемые в статье записи в большинстве своем выявлены в недавно описанных государственных и малоизвестных частных собраниях и не фигурировали ранее в библиографии. Наибольшее число обнаруженных экземпляров относится к книгам из собрания Стефана Внифантьева, все они вышли на Московском Печатном дворе в начале 1650-х гг. и содержат собственноручные записи-автографы владельца. Не менее интересна судьба книжного вклада епископа Александра Вятского в Коряжемский

Белянкин Юрий Сергеевич, кандидат исторических наук, заведующий сектором изучения особо ценных фондов Центра по исследованию проблем развития библиотек в информационном обществе, Российская государственная библиотека

Beliankin Iurii Sergeevich, PhD Candidate in History, Head, Department for the Study of Especially Valuable Collections, Center for Research on Library Development Issues in the Information Society, Russian State Library

bys86@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-1236-7953

монастырь: сохранившаяся и описываемая в статье книга прослеживается по монастырской документации XVII в. Существенное дополнение к известному в историографии корпусу сохранившихся книжных вкладов преподобного Дионисия Зобниновского составили обнаруженные два старопечатных издания, которые стали вкладом на помин души скончавшегося вскоре вкладчика. В статье, кроме того, приводится запись, сделанная от имени Григория Неронова, еще одного ключевого участника событий церковной истории середины XVII в., который был хорошо знаком как с преподобным Дионисием, так и с епископом Александром и Стефаном Внифантьевым.

Ключевые слова: старопечатные книги, записи на книгах, археография, ревнители благочестия, Стефан Внифантьев (Вонифатьев), Григорий Неронов.

Abstract. The circle of zealots of piety, or “*Bogolyubtsy*”, had a key influence on the schism of the Church and the entire Russian society, as well as on the conduct of book correction and the development of church institutions. Among other things, its representatives formed the core of book scholarship of that time. Notes in books belonging to these outstanding figures of Russian book culture and church history of the 17th century are an important historical source. This article introduces previously unknown inscriptions into scholarly circulation, preserved mainly on copies of old printed Cyrillic editions. They belong both to individuals who were part of the zealots of old piety and to some people directly associated with this circle. The author deals with donation and ownership notes in books that once belonged to Grigoriy Neronov, the czar’s confessor Stefan Vnifant’iev (Vonifat’iev), Reverend Dionysius (Zobninovskiy), and Bishop Alexander of Vyatka. The notes examined in the article were mostly identified in recently described state and little-known private collections and were not previously listed in bibliographies. The largest number of discovered copies belongs to the collection of Stefan Vnifant’iev; all were printed at the Moscow Print Yard in the early 1650s and contain the owner’s handwritten autograph notes. No less interesting is the fate of the book donation by Bishop Alexander of Vyatka to the Koryazhma Monastery: the preserved and described book is traced through the monastery’s documentation of the 17th century. A significant addition to the known historiographical corpus of preserved book donations by Reverend Dionysius (Zobninovskiy) are the two old printed editions discovered, which became donations in memory of the recently deceased donor. Furthermore, the article provides a note made on behalf of Grigoriy Neronov, another key participant in the church history events of the mid-17th century, who was well acquainted with Reverend Dionysius, Bishop Alexander and Stefan Vnifant’iev.

Keywords: old printed books, notes in books, archaeography, zealots of piety, Stefan Vnifant’iev (Vonifat’iev), Grigoriy Neronov.

* * *

Ревнители благочестия или «боголюбцы» — одно из важнейших явлений русской церковной, культурной и литературно-книжной

жизни XVII в. Кружок «боголюбцев»¹ оказал ключевое влияние на ход отечественной истории, прежде всего — на раскол Церкви и всего русского общества, течение книжной sprawy и развитие церковных институтов. Круг людей, входивших в это сообщество, оформился в 1640-е гг., его организующим «центром» был протопоп Стефан Внифантьев², туда же входили, среди прочих, протопоп Аввакум, патриарх Никон, Иоанн (Григорий) Неронов. Поэтому чрезвычайно важны находки новых книг и инскрипций, которые принадлежали причастным к кругу ревнителей благочестия.

Ближайшим покровителем одного из главных деятелей кружка боголюбцев и впоследствии участника раннего этапа церковного раскола, Иоанна (Григория) Неронова, считается преподобный Дионисий Зобниновский, выдающийся знаток книжности и церковный иерарх. Некоторое время Неронов жил в кельях у Дионисия Зобниновского и получил священный сан благодаря его же покровительству. Два найденных нами книжных вклада преподобного Дионисия Зобниновского служат весомым дополнением к истории жизни этого выдающегося церковного деятеля и святого. Речь идет об апрельской Минее Московского печатного двора (МПД. 17.02.1625)³ и следованной Псалтыри (МПД. 08.09.1632)⁴. До сего дня в источниках имелись сведения о некоторых вкладах преподобного Дионисия, в том числе книжных, самый ранний из них связан, как можно предполагать, с пострижением в Старицкий монастырь на рубеже XVI–XVII вв., когда среди прочего он пожертвовал «книг трие Трефолая... да два Октаи на осмь гласов, да Устав, да Соборник»⁵. Запись-автограф Дионисия с этими сведениями сохранилась на одном из вложенных в Старицкий монастырь Октоихов. Будучи уже архимандритом Троице-Сергиева монастыря Дионисий вложил рукописный Пролог XVI в. (ОР РГБ. Ф. 247. № 462). Кроме того, в историографии известны рукописные Миней служебная на апрель и Пролог на «сентябрьскую» часть года, которые стали вкладами Дионисия, как и в случае с найденными нами экземплярами, по себе и по своим родителям.

¹ Новейшая монография по этой теме: *Лавров А.С., Морохин А.В.* «Ревнители благочестия»: очерки церковной и литературной деятельности. М., 2021.

² Именно так протопоп Стефан (которого традиционно именуют Вонифатьевым) указывает свою фамилию в записи, цитируемой в настоящей статье.

³ Старопечатные и рукописные кириллические книги XVII — начала XX вв. из собрания Ржевской Покровской старообрядческой общины: Каталог / Под ред. Ю.С. Белянкина. Вып. 1: Старопечатные книги XVII века. Рукописи старообрядческой традиции. Ржев, 2022. № 8.2.

⁴ Частное собрание М.С. Бывшева (г. Москва).

⁵ См.: *Флоря Б.Н.* Дионисий (Зобниновский) // Православная энциклопедия. Т. 15. М., 2007. С. 257–267.

В апрельской Минее 1625 г. на л. 1–165 по нижним полям прослеживается запись каллиграфическим полууставом: «Лета 7141-го мая в 9 день [1633] сию книгу месяца апрель дал в дом Пречистыя Богородицы в Старицкой монастырь Живоначальные Троицы Сергиева монастыря архимандрит Дионисей по себе и по своих родителей будущего ради покоя и вечных благ наслаждения». Преподобный Дионисий преставился в том же мае 1633 г., так что данный вклад можно рассматривать как последнее прижизненное его распоряжение, когда он успел позаботиться о памяти по себе и передал в монастырь книгу для поминовения — своего собственного и родителей. Дионисий Зобниновский служил вплоть до последнего дня и скончался во время пострижения в великую схиму. Место вклада также не случайно, поскольку именно в Старице прошло его детство и там же он принял постриг в Старицком монастыре после потери жены и детей. К 1610 г. преподобный Дионисий последовательно побывал на должности настоятеля Успенского Старицкого монастыря, а затем возглавил Троице-Сергиеву обитель. Как известно, Дионисий Зобниновский, наряду с троицкими монахами Арсением Глухим и Антонием (Крыловым), а также Иваном Наседкой занимался в 1610-е гг. книжной справой на материале Требника. В дальнейшем справа с участием этих ученых троицких старцев коснулась таких типов книг, как Триодь Цветная, Октоих и Минеи (месячные и общая). Вторая обнаруженная нами запись датируется почти тем же временем, что и первая, с небольшой разницей в несколько дней — 1 мая 1633 г. В данном случае следованная Псалтырь была вложена в Нектарьеву пустынь. Запись (л. 210 об.) также сделана на помин себя и «по своих родителей», иноческие имена которых указаны Дионисием: инок Феодосий и инокия Улья. Нектарьева пустынь также находилась в Тверской области, во времена Дионисия Зобниновского, пережив Смутное время, она пребывала в упадочном состоянии.

Дионисий Зобниновский, как уже отмечалось, покровительствовал протопопу Иоанну (Григорию) Неронову, который известен как важнейший участник общественной и церковной жизни эпохи никоновских реформ. Нами обнаружена неизвестная в историографии вкладная запись Неронова на печатном московском Апостоле середины XVII в.⁶ Запись скорописью XVII в. по нижним полям листов сообщает: «Сию книгу глаголемую Апостол печатной по обещанию положил Михаилу архангелу что в Саре казанския

⁶ Книга из собрания старообрядца-федосеевца Ф. Травина (дер. Фомина гора, Верховажский р-н Вологодской обл.).

пречистыя протопоп Григорей Неронов в дом безвыносно по своих родителей». В этой записи присутствуют все детали, которые позволяют без сомнения атрибутировать книгу как принадлежавшую протопопу Казанского собора Иоанну Неронову. Вклад совершен в село Архангельское на Саре в Пошехонском уезде (церковь не сохранилась). Судьбы Неронова и Аввакума были в чем-то похожи, первый из них также сменил не одно место жизни и служения и не один приход. Как и протопоп Аввакум, протопоп Иоанн Неронов нашел свое место в Москве благодаря Стефану Внифантьеву и был известен своими горячими проповедями и обличениями. В 1655 г. Неронов принял постриг под именем Григория, нашел убежище и укрытие у Стефана Внифантьева и после пострига оказался под церковным судом, инициированным патриархом Никоном за активное сопротивление Неронова реформам. Спустя два года Неронов вошел в церковное общение с «официальной» церковью, однако вскоре после ухода Никона с престола обратился к царю Алексею Михайловичу с челобитной о проведении церковного собора и избрании нового патриарха. Несмотря на то что Неронов не был таким же последовательным и бескомпромиссным сторонником «старого обряда», как товарищ Неронова и Внифантьева по кругу ревнителей благочестия протопоп Аввакум, он, тем не менее, сразу предложил государю вернуться к дореформенной практике и упразднить реформы. В 1666–1667 гг. Неронов снова вошел в столкновение с церковными властями из-за суда над Аввакумом и сам был предан суду, после чего уже не выступал против реформ, отбыл наказание в Иосифо-Волоцком монастыре и занял свое место в церковной иерархии патриаршей Церкви.

Запись в рассматриваемом экземпляре «Апостола», что примечательно — одного из трех изданий уже времени патриарха Никона 1650-х — 1660-х гг., была сделана после пострига Ивана-Григория (1655 г.), однако более точно хронологически локализовать период совершения вклада затруднительно. Можно предполагать, что вклад был сделан до 1666 г., т.е. в период пребывания Неронова в Москве, так как в записи он еще именуется казанским протопопом, т.е. по месту службы — в Казанском соборе на Красной площади. В данном случае инскрипцию нельзя признать автографом, потому что в продолжении записи говорится о ее авторе — одном из клириков той Архангельской церкви, куда по указанию Неронова, по-видимому, был сделан и подписан его книжный вклад. В качестве сравнения приведем запись-автограф Неронова на московской декабрьской служебной Минее (07.VII.1645), сделанную им на вкладе царицы

Марии Ильиничны по ее указу⁷. В этой записи, как и в рассмотренной выше, Неронов называет себя казанским протопопом, а палеографические особенности его почерка не требуют комментариев. Неронов именуется еще мирским именем. Интересно, что Миняя была вложена в то же село «на Саре», что и новонайденный «Апостол»: «Пожаловала государыня благочестивая царица и великая княгиня Мария Ильична книгу сию в Вологоцкой уезд в пустыню на Сару к церкви нерукотворенного образа <...> и к церкви благовещению пресвятыя Богородицы»⁸. По сути двумя описанными в настоящей статье книгами ограничивается круг книжных памятников, сохранившихся на сегодняшний день и доказанно связанных с Иваном Нероновым.

Еще одним весьма близким к Григорию Неронову человеком выступал епископ Вятский и Великопермский Александр. Большая часть его церковной биографии связана с крупным северным монастырем — Николо-Коряжемским, где Александр принял монашество в 1631 г. и в дальнейшем трудился на разных должностях и поприщах, был казначеем, а в 1643 г. был поставлен игуменом. Протопоп Иван (Григорий) Неронов был сослан за свою антиреформенную деятельность в Спасо-Каменный монастырь на Кубенском озере летом 1653 г., где будущий епископ Александр пребывал в качестве архимандрита. Неронов был с большим уважением принят в монастыре лично Александром, однако через некоторое время их личные отношения испортились в силу радикальных взглядов Ивана Неронова на церковную жизнь. Тем не менее, Александр негласно поддерживал противников церковных реформ, соратников Неронова. В 1657 г. епископ Коломенский Александр, сменивший пострадавшего за «старую веру» епископа Павла Коломенского, был переведен на Вятскую кафедру, что произошло, нельзя исключить, в связи с его поддержкой «раскольников». После ухода патриарха Никона епископ Александр более открыто обозначил свою позицию в отношении реформ, однако не решался полностью порвать с церковными и светскими властями и продолжал занимать церковные посты, одновременно с этим оказывая помощь старообрядцам, в том числе ближайшим сподвижникам Неронова. На печально известном Соборе 1666–1667 гг. епископу Александру все же пришлось представить свой «Покаянный свиток» для получения прощения за свои взгляды и деяния.

⁷ Поздеева И.В. Коллекция старопечатных книг XVI–XVII вв. из собрания М.И. Чуванова: каталог. М., 1981. Рис. 16.

⁸ Там же. № 119.

В контексте нашей темы важно то, что епископ Александр владел личным книжным собранием и совершил много книжных вкладов, которые в 1650–1670-е гг. поступали в Николо-Коряжемский монастырь, где начал свой путь епископ Александр⁹. Им было пожертвовано более тридцати старопечатных книг и рукописей, из числа которых на сегодня в библиографии было известно место хранения 13 экземпляров. Среди них наиболее известен и ценен рукописный сборник с автографом епископа Александра из собрания Рогожского кладбища (ОР РГБ. Ф. 247. № 667). Нам, кроме того, удалось выявить еще один неизвестный в историографии экземпляр¹⁰, принадлежавший Александру и вложенный в Николо-Коряжемский монастырь. О его существовании сообщают источники XVII в. Это «Беседы на 14 посланий апостола Павла» Иоанна Златоуста в киевском издании 1623 г. Согласно частично сохранившейся на нижних полях листов записи на экземпляре, издание было вложено «Лета 7182-го генваря в 11 день» преосвященным Александром «во свое обещание». Содержание записи полностью совпадает с монастырской документацией: «Да во 182-м году генваря в 11 день положил он же, великий господин преосвященный Александр, епископ, <...> книга в десь Максима Грека, писмо книжное, 141 глава, книга в десь Беседы на 14 послания святаго апостола Павла, печать киевская»¹¹.

Протопоп Иоанн Неронов был ближайшим к Стефану Внифантьеву, руководителю «боголюбцев», человеком. В библиотеках Московской духовной академии и Саратовского государственного университета¹², а также в московском библиофильском собрании нами обнаружено четыре неизвестных в библиографии экземпляра старопечатных изданий Московского Печатного двора с владельческими и вкладными записями Стефана Внифантьева — духовника царя Алексея Михайловича и протопопа кремлевского Благовещенского собора. Стефан Внифантьев скончался в 1656 г. на Валдае, в самый разгар реформаторской деятельности патриарха Никона при поддержке Алексея Михайловича, не увидев, какая участь постиг-

⁹ Бубнов Н.Ю. Александр (еп. Вятский и Великопермский) // Православная энциклопедия. М., 2000. С. 488–490.

¹⁰ Книга из московского собрания Л.В. Шулякова.

¹¹ Срезневский В.И. Сведения о рукописях, поступивших в рукописный отдел БАН в 1900 и 1901 гг. СПб., 1901. Прил. 1. С. 188 [Кормовая книга Николо-Коряжемского монастыря].

¹² Частное собрание М.С. Бывшева (Евангелие учительное 1652 г., Миняя служебная на февраль 1646 г.); Библиотека Московской Духовной академии, инв. № 7319 (Службник 1652 г.); ОРКиР ЗНБ Саратовского государственного университета (Требник 1651 г.), инв. № 616.

ла близких ему людей. Внифантьев не относится напрямую к числу деятелей старообрядческой оппозиции, однако неизменно был связан с ними. Личность эта во всех отношениях знаковая для русской истории XVII в. Книжное знание Стефана Внифантьева очевидно, с самого начала своей деятельности при царском дворе он регулярно обращается к молодому царю с «учительным» словом, предлагает книги для душеполезного чтения. Об этом сохранились известия протопопа Аввакума, Иоанна Неронова и других. Те же Аввакум Петров и Иван Неронов выехали в Москву из Нижегородского края благодаря Стефану Внифантьеву. С началом реформ патриарха Никона протопоп Стефан Внифантьев остался на стороне «официальной» Церкви, и его пути с основателями старообрядческого «раскола» разошлись.

Количество книг, бывших в личном употреблении ключевых персоналий той эпохи и доказательно атрибутированных им, крайне невелико. Это справедливо и в отношении Стефана Внифантьева. В нашем случае речь идет об экземплярах Евангелия учительного (МПД. 12.06.1652), февральской Минеи (МПД. 25.01.1646), Служебника (МПД. 18.10.1652) и Требника (26.IX.1651).

По нижним полям начальных листов первой из названных книг, Евангелия учительного, следует владельческая запись скорописью XVII в.: «Книга Христова Евангелие протопопа Стефана Внифантьева келейное». В этой части записи присутствуют три важных элемента, со всей уверенностью демонстрирующие принадлежность книги, а также, как будет показано ниже, и самой записи, Стефану Внифантьеву. Это сочетание его имени и сана протопопа. Запись более пространна, чем просто констатация факта владения, и своим содержанием также косвенно свидетельствует в пользу авторства протопопа Стефана Внифантьева: «И кто станет сию книгу держати у себя и тому поучаться закону Господню дни и нощи по сей книге, а за нас по [ней] Бога молити и родители наши поминать незабвенно спасения ради своего и братию нашу подавати и всех слушающих аще кто святых книги четет и о том беседует». Автор записи вполне в духе Внифантьева делает акцент на необходимости книжного «почитания» и связи его со спасением души. Чрезвычайно ценно и то, что, исходя из записи, перед нами именно келейная книга Внифантьева, на которой он оставляет памятную инскрипцию для будущих ее владельцев.

В опубликованных документах Московского Печатного двора есть данные о приобретении Внифантьевым нововышедших изданий МПД. Так, в 1650 г. он купил Евангелие толковое повседневно

на Печатном дворе¹³. Судьба этого экземпляра в настоящее время неизвестна. Из сохранившихся экземпляров с доказанными автографами Внифантьева до сих пор можно было говорить лишь о двух книгах. Это, во-первых, октябрьская Минья служебная печатника Ивана Андроникова Невежина (М., 23.09.1609; НБ МГУ. № 88. Инв. 2396-2-85). Приведем для сравнения запись на этом экземпляре, скорописью XVII в. (начало утрачено): «...ноября в 17 день книгу глаголемую месяца октября благовещенскои протопоп Стефан что у государя на сенях в Касимов уез[д] в благовещенскую вотчину в село в Занин (?) починок в церковь Живоначальные Троицы и хто будет у тои церкви священник и им бы по сеи книги великого Бога молить церковное пение по уставу петь единогласно, а за государя царя и великаго князя Алексея Михайловича всеа Руси, и за его благоверную царицу и великую княгиню Марью Ильиничну о душевном спасении и многолетном здравии Бога молить и их государьских родителе[и] поминать, да и мене грешнаго в молитвах незабвенна учинить и родители наши поминать. А из церкви сих книг бы не отдавать во веки некончаемая. Аминь». В данной записи присутствует только имя вкладчика и его духовный сан, вклад по-видимому совершен в вотчину, принадлежавшую Благовещенскому собору, где служил протопопом Стефан Внифантьев. Как и в найденной нами записи, здесь инскрипция довольно пространна, показывает непосредственную близость вкладчика к царской семье (хотя «этикетное» упоминание государя в записях встречается иногда и без очевидной связи вкладчика с ними). Экземпляр НБ МГУ поступил из экспедиционных находок из старообрядческой среды и тоже был найден сравнительно недавно, в 1984 г.¹⁴

Во-вторых, это рукописный «Катехизис» Лаврентия Зизания XVII в. из фондов ОР РГБ (Ф. 209. № 452). Рукопись содержит краткую владельческую запись Стефана Внифантьева по листам, наиболее лаконичную из имеющихся на сегодня вариантов. Однако палеографический анализ и сопоставление с найденной нами «келейной» записью в печатном Евангелии не оставляет сомнений также в принадлежности записи руке Внифантьева («Стефана Внифантьева»). Интересно, что в рукописи сохранилась позднейшая запись некоего книготорговца и «купецкого человека» Сергея Митрофанова, к ко-

¹³ Читатели изданий московской типографии в середине XVII в. / Публикация документов и исследование С.П. Луппова. Л., 1983. С. 111.

¹⁴ Поздеева И. В., Ерофеева В. И., Шитова Г. М. Кириллические издания, XVI в. — 1641 г.: Находки археографических экспедиций 1971–1993 гг., поступившие в Научную библиотеку Московского университета. М., 2000. С. 94.

тому, по-видимому, рукопись попала в процессе своих передвижений после «выбытия» из книжницы Внифантьева.

Рассматриваемый нами новонайденный печатный экземпляр Евангелия с автографом протопопа Стефана Внифантьева содержит другие записи, отчасти раскрывающие судьбу книги после того, как она сменила владельца. Что самое интересное, эта несколько более поздняя запись связана с селом Лопатищи, принадлежавшем сыну боярина Василия Петровича Шереметева Петру. В.П. Шереметев упомянут в Житии протопопа Аввакума: «И за сие меня боярин Василей Петрович Шереметев, едучи в Казань на воеводство в судне, браня много и велел благословить сына своего, бритобратца. Аз же не благословил, видя любодейный образ. И он меня велел в Волгу кинуть»¹⁵. В продолжении записи в Евангелии 1652 г. приводится следующая информация: «Сия книга Евангелие Желтоводского монастыря черного диякона Иринарха а отдал сию книгу в вотчину Петра Василевича Шереметева в село Высокое в церковь святых апостолов Петра и Павла при священнике Василии да при дьячке Феодоре Леонтъеве а за сию книгу священнику за меня Бога молити и родители поминать вечным поминовением незабвенно а сия моя книга дана в церковь безвыносно доколе сия святая церковь стоит а сию книгу купил я у старца Леонтия что был в белцах Лаврентей, а прозвище Белай, а жил в селе Лопатищах, а отдал я сию книгу в церкву лета 7163 генваря в 13 день [1655 г.], а как Бог по мою душу сошлет и их имена поминать вечным поминком беспереводно». Таким образом, к началу 1655 г. Евангелие, которым в предыдущие два-три года по-видимому владел Стефан Внифантьев, уже было вложено новым владельцем на помин души в шереметьевское село Высокое, а вкладываемая книга при этом «мигрировала» на предыдущем этапе из нижегородского села Лопатищи, в котором служил Аввакум Петров. Очевидно, что первым среди всех поминаемых в записях владельцев был именно Внифантьев, который мог приобрести экземпляр на Печатном дворе или же получить безденежно после выхода тиража как особо близкий ко двору человек, что было нормальной практикой в то время. Это во всех смыслах уникальное сочетание фактов (от Макарьева монастыря до бояр Шереметевых) и обстоятельств, сошедшихся в судьбе старопечатного экземпляра.

Запись на втором найденном нами неизвестном экземпляре (на листах 1–26; Минея служебная на февраль) из собрания Стефана

¹⁵ Житие протопопа Аввакума им самим написанное и другие его сочинения. М., 1960. С. 62.

Внифантьева содержит, в отличие от Евангелия учительного, дату, которая читается как 22 декабря 1652 г. («в лето 7161 году декабря в 22 день»). Как и в Минее из Научной библиотеки МГУ, в рассматриваемой записи вкладчик именует себя «благовещенской протопоп Стефан Внифантьев что у государя на сеньях». Эта формулировка не оставляет сомнений для атрибуции. В отличие, опять же, от инскрипции на Евангелии учительном в данном случае запись посвящена вкладу на помин родителей Стефана Внифантьева: «по своих родителей и по странных братии». Последняя фраза, по-видимому, подразумевает странствующих Христа ради, или, говоря современным языком, — паломников. Вклад совершен в Старицкий уезд в «монастырь к церкви Вознесения Господня Опекаловой пустыни». Упомянутая обитель находилась в Ржевском районе Тверской области. Опекалов Вознесенский монастырь находился под покровительством князей Старицких и во второй половине XVI в. переживал период расцвета, чего не скажешь о последующих десятилетиях. В начале 1650-х гг. игумен Иосифо-Волоцкого монастыря Зосима обратил внимание на пребывавшую в упадке пустынь и способствовал ее восстановлению, впоследствии она была приписана к Волоцкому монастырю. Нельзя исключать, что именно с этим «возобновлением» Опекалова монастыря и был связан вклад Стефана Внифантьева 1652 г. Данная находка ценна и тем, что материального наследия, в том числе книжного, от Опекаловой пустыни практически не сохранилось. Едва ли не единственным артефактом считается рукописный Канонник 1552 г. из собрания Троице-Сергиевой Лавры (ОР РГБ. Ф. 304.1. № 257) с писцовой записью Иосифа Опекалова, упоминающей Опекалов монастырь. Минея, вложенная Стефаном Внифантьевым, таким образом, становится еще одним свидетельством истории обители.

Запись Стефана Внифантьева на московском издании Служебника датирована 17 мая 1654 г. («в лето 7162-го»). Себя владелец именует «духовник государев священной протопоп». Данная инскрипция краткая и представляет собой, по-видимому, владельческую удостоверяющую запись. Наконец, в записи на печатном Требнике объединены основные звания и титулы Стефана Внифантьева: здесь он именует себя «благовещенской протопоп что у государя на Сеньях ево государев духовник». Книга была вложена в церковь «великаго святителя и чудотворца Филиппа митрополита московскаго и всея Расии». Запись сделана 1 октября 1652 г. на праздник Покрова Богородицы, что отмечено в тексте. Эта дата наиболее близка дате в записи на февральской Минее (декабрь 1652 г.). Как и в этой Минее,

в записи на Требнике вкладчик велит поминать не только своих родителей и молиться о себе самом, но и, на первом месте, молиться о «его царском многолетнем здорovie и родители поминать царские». В 1715 г. поп церкви Козьмы и Дамиана «что в кремле у духовникова двора» Симеон Васильев променял этот дораскольный Требник на новое издание, что было обычной практикой в процессе ротации церковного книжного фонда.

Стефан Внифантьев, как очевидно, делал книжные вклады и владел многими другими книгами. Об этом свидетельствуют такие источники, как синодики и вкладные книги монастырей — Соловецкого, того же Макарьева Желтоводского, Ростовского Борисоглебского и ряда иных. Однако до наших дней, как показано выше, сохранились единичные экземпляры с доказанными автографами Внифантьева на книгах.

Значение представленных в статье книжных находок трудно переоценить, даже несмотря на то, что речь не идет о целой библиотеке или собрании. Книги, связанные с важнейшими личностями русской истории, особенно допетровского периода, всегда являлись особо ценными памятниками, и обнаружение каждого, не известного ранее, приносит новое в раскрытие их личности, жизни и деятельности. Ревнителю древнего благочестия — ядро книжной учености и инициаторы церковных реформ, остро назревших и даже требуемых на разных уровнях церковной жизни в то время. Материальное наследие, личные вещи, в первую очередь книги, связанные с их деятельностью, представляют собой ценные исторические артефакты, освещают черты их личного благочестия и коммеморативные практики.

References

Bubnov N.Yu. *Aleksandr (ep. Vyatskiy i Velikopermskiy)* [Alexander (Bishop of Vyatka and Velikopermskiy)] // *Pravoslavnyaya entsiklopediya* [Orthodox Encyclopedia]. Vol. 1. Moscow: Tserkovno-nauchny tsentr “Pravoslavnyaya entsiklopediya, 2000. P. 488–490.

Chitateli izdaniy moskovskoy tipografii v seredine XVII v. [Readers of Moscow Printing House Editions in the Mid-17th Century] / Publication of Documents and Research by S.P. Luppov. Leningrad: Nauka, 1983. 167 p.

Florya B.N. *Dionisiy (Zobninovskiy)* // *Pravoslavnyaya entsiklopediya* [Orthodox Encyclopedia]. Vol. 15. Moscow: Tserkovno-nauchny tsentr “Pravoslavnyaya entsiklopediya”, 2007. P. 257–267.

Lavrov A.S., Morokhin A.V. “*Revniteli blagochestiya*”: *ocherki tserkovnoy i literaturnoy deyatel'nosti* [“Zealots of Piety”: Essays on Church and Literary Activities]. Saint Petersburg: Nauka, 2021. 333 p.

Pozdeeva I.V. *Kollektsiya staropechatnykh knig XVI–XVII vv. iz sobraniya M.I. Chuvanova: katalog* [Collection of Old Printed Books of the 16th and 17th Centuries from the Collection of M.I. Chuvanov: Catalogue]. Moscow: GBL, 1981. 162 p.

Pozdeeva I.V., Erofeeva V.I., Shitova G.M. *Kirillicheskie izdaniya, XVI v. — 1641 g. Nakhodki arkhograficheskikh ekspeditsiy 1971–1993 gg., postupivshie v Nauchnyu biblioteku Moskovskogo universiteta* [Cyrillic Editions, 16th Century — 1641. Finds of Archaeographic Expeditions 1971–1993, Received by the Scientific Library of Moscow University]. Moscow: Izdatel'stvo MGU, 2000. 404 p.

Sreznevskiy V.I. *Svedeniya o rukopisyakh, pechatnykh izdaniyakh i drugikh predmetakh, postupivshikh v Rukopisnoye otdelenie Biblioteki Imperatorskoy Akademii nauk v 1900 i 1901 gg.* [Information about Manuscripts, Printed Editions, and Other Items Received by the Manuscript Department of the Library of the Imperial Academy of Sciences in 1900 and 1901]. Saint Petersburg: Tipografiya Imperatorskoy Akademii nauk, 1901. Appendix 1. P. 89–197.

Staropechatnye i rukopisnye kirillicheskie knigi XVII — nachala XX vv. iz sobraniya Rzhhevskoy Pokrovskoy staroobryadcheskoy obshchiny: katalog [Old Printed and Manuscript Cyrillic Books from the 17th through the Early 20th Centuriy from the Collection of the Rzhev Pokrovskaya Old Believer Community: Catalogue] / Ed. by Iu.S. Beliankina. Issue 1. *Staropechatnye knigi XVII veka. Rukopisi staroobryadcheskoy traditsii* [Old Printed Books of the 17th Century. Manuscripts of the Old Believer Tradition]. Rzhev: [s. n.], 2022. 128 p.

Поступила в редакцию
4 июля 2023 г.

DOI: 10.55959/MSU0130-0083-8-2024-65-2-32-50

А.А. Иванов

Н.Е. МАРКОВ В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: НЕИЗВЕСТНЫЕ СТРАНИЦЫ БИОГРАФИИ

A.A. Ivanov

N.E. MARKOV DURING THE WORLD WAR II: UNKNOWN PAGES OF BIOGRAPHY

Аннотация. Предмет исследования данной статьи — биография и политические взгляды бывшего лидера Союза русского народа, депутата Государственной думы Российской империи, председателя Высшего монархического совета в эмиграции Н.Е. Маркова (Маркова 2-го) периода Второй мировой войны. Реконструкция политической биографии Маркова в 1939–1945 гг. осуществляется в исторической науке впервые. На основе методов историзма, научной объективности, агрегации, исторической реконструкции и интерпретации автор предпринял попытку беспристрастного научного анализа позиции, занятой Марковым в отношении нацистской Германии, СССР, советского руководства, русского народа. Исследование основано на неизвестных ранее публицистических работах Маркова, материалах эмигрантской периодической печати и зарубежных архивов. Значительная часть источников вводится в научный оборот впервые. Акцентируется внимание на том, что, пойдя на сделку и сотрудничество с германскими нацистами, Марков продолжал оставаться сторонником православной самодержавной монархии. Не разделяя неоязыческих взглядов нацистов и рассматривая фашистские диктатуры лишь как этап на пути возвращения к традиционной монархии, политик-монархист вместе с тем стал убежденным сторонником не только немецкого вторжения в СССР, но и победы Германии с последующим установлением германского влияния на Россию. Непримируемая борьба с коммунизмом, антисемитизм, масонофобия и ненависть к СССР и его руководителям завели Маркова, всю жизнь позиционировавшего себя как радетеля за интересы России и русских, в стан врагов собственной страны и народа. Поддержав немецкую агрессию

Иванов Андрей Александрович, доктор исторических наук, профессор кафедры новейшей истории России Института истории Санкт-Петербургского государственного университета

Ivanov Andrey Aleksandrovich, Doctor in History, Professor, Department of Contemporary History of Russia, Institute of History, Saint Petersburg State University

andrey.a.ivanov@spbu.ru

ORCID: 0000-0001-6438-5200

против СССР в 1941 г., Марков до конца Великой Отечественной войны продолжал работать на рейх, а происходившие на родине политико-идеологические перемены — национально-патриотическую риторику властей, возрождение церковной жизни, возвращение исторической преемственности — расценивал исключительно как тактический ход большевиков, а не эволюцию советского строя. В статье также приводятся уточненные сведения о последних годах жизни Маркова и обстоятельствах его смерти.

Ключевые слова: политическая биография, политик-монархист, русская эмиграция, нацистская Германия, антисемитизм, сотрудничество с нацистами.

Abstract. The article examines the biography and political views of N.E. Markov (Markov the Second), the former leader of the Union of the Russian People, deputy of the State Duma of the Russian Empire, and chairman of the Supreme Monarchist Council in exile, during the period of the World War II. The reconstruction of his political biography from 1939 to 1945 is being undertaken in historical science for the first time. Using methods of historicism, scientific objectivity, aggregation, historical reconstruction and interpretation, the author attempts an impartial analysis of Markov's stance towards Nazi Germany, the USSR, Soviet leadership and the Russian people. The research is based on previously unknown journalistic works by Markov, materials from émigré periodicals and foreign archives. A significant portion of these sources is being introduced into scholarly circulation for the first time. Emphasis is placed on the fact that, while Markov entered into a deal and cooperation with the German Nazis, he remained a supporter of an Orthodox autocratic monarchy. Not sharing the neopagan views of the Nazis and viewing fascist dictatorships only as a stage on the way to a traditional monarchy, Markov nevertheless became a staunch supporter not only of the German invasion of the USSR but also of Germany's victory with the subsequent establishment of German influence over Russia. His uncompromising fight against communism, his anti-Semitism, masonic phobia, hatred of the USSR and its leaders led him, who throughout the life identified himself as a champion of Russia's and Russians' interests, into the camp of enemies of his own country and people. By supporting the German aggression against the USSR in 1941, Markov continued to work for the Reich until the end of the Great Patriotic War. He viewed the political and ideological changes occurring in the Soviet Union (the official national-patriotic rhetoric, the revival of church life, and the return of historical continuity) exclusively as a tactical move by the Bolsheviks, not an evolution of the Soviet system. The article also provides clarified information about his last years and circumstances of his death.

Keywords: political biography, monarchist politician, Russian emigration, Nazi Germany, anti-Semitism, collaboration with Nazis.

* * *

Биография последнего председателя Главного совета Союза русского народа (СРН), депутата III и IV Государственных дум и лидера правой эмиграции Николая Евгеньевича Маркова (1866–1945) всё еще полна «белых пятен». Несмотря на то что за последние десяти-

летия вышел ряд работ, посвященных его жизни и политической деятельности¹, включая и эмигрантский период², последние годы жизни бывшего вождя черной сотни оставались для исследователей terra incognita. Было известно, что Марков, проживавший со второй половины 1935 г. в Германии, активно сотрудничал с нацистами, редактируя русскоязычную версию антисемитского журнала «Мировая служба», однако отношение правого политика-эмигранта к начавшейся в сентябре 1939 г. Второй мировой войне, а затем, с июня 1941 г., и Великой Отечественной, ранее не исследовалось. Так, в частности, в одной из новейших статей Д.И. Стогов отмечает, что «сведения о последних годах жизни Н.Е. Маркова крайне ограничены» и, повторяя данные, уже приводившиеся ранее в работах историков, приходит к выводу, что политик «вплоть до самой кончины, даже в условиях нацистской диктатуры ... оставался верен монархическим идеалам и в меру своих сил и возможностей пытался консолидировать разрозненные правые организации русского зарубежья»³.

Касаясь жизни Маркова в этот период, авторы статей о нем, как правило, вынуждены ограничиваться цитатой из монографии С.А. Степанова: «В идейном отношении Марков был ближе к [П.Н.] Краснову, тем более что он всегда симпатизировал фашистскому режиму. Однако (по крайней мере, в моем распоряжении) нет достоверных сведений об активном сотрудничестве бывшего лидера черносотенцев с нацистами во время Отечественной войны. Возможно, он, не найдя для себя приемлемого решения, самоустранился, или же это произошло просто в силу преклонного возраста и состояния здоровья»⁴. Отсутствие в исторической науке сведений об отношении Маркова к трагическим событиям Второй мировой войны объяснимо, так как в России источников, раскрывающих эти сюжеты, практически нет, однако обращение к материалам, сохра-

¹ См., например: *Иванов А.А. Вождь черной реакции: Николай Евгеньевич Марков*. СПб., 2023.

² *Иванов А.А. «Берлинский зубр». Марков 2-й на чужбине // Родина. 2009. № 4. С. 92–94; Иванов А.А., Машкевич С.В., Пученков А.С. Неизвестные страницы эмигрантской биографии Н.Е. Маркова (по материалам личных писем политика) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 1. Ч. 2. С. 79–85; Они же. «Царь и народ: вот формула нашего времени». О взглядах Н.Е. Маркова в 1930-е гг. // Новейшая история России. 2014. № 1. С. 140–156; *Стогов Д.И. Н.Е. Марков: жизнь и деятельность русского монархиста в изгнании // Русско-Византийский вестник. 2021. № 4 (7). С. 116–127.**

³ *Стогов Д.И. Указ. соч.* С. 126.

⁴ *Степанов С.А. Черная сотня. Что они сделали для величия России? М., 2013. С. 607.*

нившимися в библиотеках и архивах зарубежья, позволяет прояснить этот непростой и «неудобный» вопрос. Хотя многое в биографии Маркова в период 1939–1945 гг. остается неясным, сегодня можно значительно расширить имеющиеся в историографии сведения.

Вопреки сложившемуся представлению о том, что Марков отошел от активной деятельности в годы Второй мировой войны, политик-эмигрант, которому к ее началу было уже 73 года, продолжал борьбу и отказываться от нее не собирался. Отношения Маркова с германскими нацистами были непростыми. Возлагая определенные надежды на фашистские диктатуры в Европе, он продолжал оставаться православным монархистом, который хотя и был готов пойти на тактический союз с национал-социализмом, но отдавал себе отчет в том, что последний отнюдь не является панацеей для России. Как отмечает современный немецкий историк, Марков, сотрудничая с нацистами, сам нацистом не стал, так как «на протяжении всей своей жизни оставался русским патриотом, православным христианином и монархистом, видя в фашизме лишь переходный этап от демократии к автократии»⁵. Еще в 1934 г. Марков в одном из частных писем отмечал, что «никакие новые “измы”, хотя бы и фашизм, не способны спасти Россию»⁶.

Рецепт воскрешения национальной России, предлагаемый Марковым, выглядел следующим образом: «Необходим мистический переворот в духовном настроении, необходимо воскрешение искренней — почти младенческой веры в Бога и в царя, Помазанника Божия»⁷. Очевидно, что Марков видел в «царьке»⁸ Гитлере и нацистах лишь меньшее зло по сравнению с коммунизмом и демократией, но отнюдь не желанный для него идеал. Как справедливо отмечал Р.Ш. Ганелин, «старое монархическое черносотенство и фашизм далеко не во всем между собой совпадали»⁹. Расходился Марков с гитлеровцами и на почве христианства. Для воспитанного в православии и всегда выступавшего поборником христианской

⁵ *Hagemester M. Markow, Nikolaj // Handbuch des Antisemitismus. Bd. 2: Personen. Berlin, 2009. S. 520.*

⁶ Columbia University Libraries, Rare book and Manuscript Library, Bakhmeteff archive (далее — BAR). N.E. Markov Papers. Collection. Box 1. Письмо от 9 февраля 1934 г.

⁷ Ibid.

⁸ «Гнусная демократия трещит по всем швам, везде появляются царьки. За царьками придут и настоящие Цари», — писал Марков в частном письме летом 1934 г. (Цит. по: *Иванов А.А., Машкевич С.В., Пученков А.С. «Царь и народ: вот формула нашего времени»... С. 147).*

⁹ *Ганелин Р.Ш. Н.Е. Марков 2-й о своем пути от черносотенства к гитлеризму // Труды по иудаике. Серия «История и этнография». Вып. 5. Евреи в России: История и культура. Сб. науч. трудов / Отв. ред. Д.А. Эльяшевич. СПб., 1998. С. 214.*

веры Маркова было немислимым отказаться от нее в угоду сиюминутным политическим и материальным выгодам. Уже при устройстве в «Мировую службу» камнем преткновения стала религия. Как отмечал эмигрантский биограф Маркова, «национал-социалисты на религии сильно косились, он же отказывался идти даже против не православных». В результате «пришли к соглашению, русский отдел [журнала] будет заниматься только антисемитской пропагандой»¹⁰.

Работая над русскоязычным приложением к германской «народно-антисемитской» газете “Der Judenkenner” — «Жидовед», выходящим под девизом «Бог, Нация, Труд. Слава России!»¹¹, Марков, как отмечали «Последние новости», стал публиковать на ее страницах «рассуждения о подлинном православии». Последнее обстоятельство, отмечала парижская газета, смотрелось особенно пикантно, учитывая, что высоким покровителем «Жидоведа» был «открытый и воинствующий неоязычник» регирунгсрат Э. Пистор¹². Когда выяснилось, что немцев, вызвавших его переводить его книгу «Войны темных сил», не устраивает то, что произведение написано с христианских позиций, Марков посоветовал им «лучше обратиться к советской литературе, где их антихристианская щепетильность не наткнется ни на веру, ни на Бога». «Не знаю, как решится дело, но превращать антисемитизм в антихристианство я ни в каком роде не стану, хотя бы пришлось подохнуть с голода», — негодуя, заявлял он племяннику¹³. Однако эти расхождения с нацистами не мешали Маркову сотрудничать с ними на почве антисемитизма и антикоммунизма и возлагать надежды на рейх как на силу, способную сокрушить СССР и его большевистское руководство. 23 августа 1939 г. Марков писал в частном письме известному правоведа, этнографу, видному деятелю славянского движения, а в прошлом — члену Русского собрания А.А. Башмакову о своей работе в «Мировой службе»: «Лично я удовлетворен этого рода деятельностью, ибо приходится работать в той самой области, которая меня всегда интересовала и в которой я имею некоторую осведомленность»¹⁴.

¹⁰ BAR. N.E. Markov Papers. Collection. Box 1. P. 14.

¹¹ Кудряцев В.Б. Периодические и неперидические коллективные издания русского зарубежья (1918—1941): Журналистика. Литература. Искусство. Гуманитарные науки. Педагогика. Религия. Военная и казачья печать: Опыт расширенного справочника: в 2 ч. Ч. 1. М., 2011. С. 299.

¹² Фортунно. Русские расисты в Берлине // Последние новости. 1936. № 5333. 17 мая. С. 3.

¹³ BAR. N.E. Markov Papers. Collection. Box 1. Письмо от 9 января 1935 г.

¹⁴ Беклемишева М.М. Обзор личного фонда А.А. и М.Н. Башмаковых в Бахметьевском архиве Колумбийского университета (Нью-Йорк, США) // Исторический журнал: научные исследования. 2023. № 6. — URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69335 (дата обращения 12.06.2023)

В 1939 г. за несколько месяцев до начала войны в одном из немецких документов отмечалось, что «известный борец с международными [коммунистическими] организациями старик Николай Марков» в докладе «По пятам за Коминтерном» доказывал «органическую связь между немецким и русским народами» и разоблачал генерала А.И. Деникина, «ведущего проплаченную травлю Германии»¹⁵. Доклад этот, прочитанный 4 апреля 1939 г. в берлинском Шуберт-холле, очень показателен, поскольку как нельзя лучше иллюстрирует политические взгляды Маркова перед самым началом Второй мировой войны. Ранее содержание доклада историкам не было известно, так что имеет смысл остановиться на нем особо. Начав свое выступление с того, что его сердце «болит за Россию», Марков рисовал полную ужасов картину «сатанинского» господства над страной «иудо-советской власти»¹⁶. Отвергая мысль о том, что советская власть может эволюционировать, правый политик убеждал, что германская военная агрессия против СССР должна приветствоваться «русской национальной эмиграцией», так как какими бы ни были планы немцев в отношении России, это будет меньшим злом по сравнению с тем, что уже более 20 лет происходит под властью Интернационала. «... Интернационал, систематически истребляющий русский народ и разлагающий его душу, есть главный враг, враг настолько опаснейший всех других, что мы, русские, должны его считать единственным врагом России. И потому должны бороться только против него. И потому всякий неприятель иудейского интернационала есть наш союзник, какие бы планы он ни лелеял на счет будущей России»¹⁷.

Касаясь вопроса об интервенции еще в 1927 г., Марков признавал, что иностранное нашествие на СССР будет преследовать свои корыстные цели и может даже привести к расчленению страны. Но это не останавливало его в поддержке самой идеи интервенции. В связи с этим правый публицист пытался рассеять сомнения эмигрантов: «...Теперь возникла реальная опасность возможного расчленения России. Конечно, такое расчленение будет лишь временным. Конечно, расчлененная на части Россия воскреснет, как воскрес сказочный богатырь; воскреснет, как только явится на Русь царевич-спаситель и вспырнет куски тела богатырские сперва мертвой, а потом живой водой. — Мертвой водой междоусобной войны и живой водой всероссийского соединения... Но все же страшит нас, в

¹⁵ Петров И.Р. Особенная статья или вопросы финансирования // Livejournal. — URL: <https://labas.livejournal.com/866514.html> (дата обращения: 24.05.2023).

¹⁶ Патриотизм на запятках Коминтерна // Новое слово. 1939. № 23 (247). 4 июня. С. 6.

¹⁷ То же // 1939. № 24 (248). 11 июня. С. 5.

ужас приводит мысль, что спасение русского народа от истребления и гибели духовной может обойтись столь дорогой ценой, — уничтожением (хотя бы и временным) великой Империи Российской»¹⁸. Однако страх этот, полагал Марков, следовало преодолеть ради спасения народа от «злодейской власти интернационала» и «кровавой тирании». «Поэтому, — заключал он, — мы должны помогать всякому нападению на большевистскую власть. Поэтому мы должны приветствовать всякую интервенцию в СССР. Мы должны так поступать потому, что наш первый долг — освободить русский народ из большевицкой петли. Наш второй долг — не допустить конечного разделения Российского государства. А ежели такое бедствие все же, вопреки нашим усилиям, произойдет, ежели алчность, зависть и близорукость иностранных победителей большевицкой силы подвигнут их на умерщвление единой России, — мы выполним свой третий долг...»¹⁹.

В 1930-е гг. позиция Маркова в вопросе об интервенции не изменилась, но при этом он отказывался понимать русских эмигрантов, которые *приветствовали* расчленение страны. «С негодованием и отвращением наблюдаю я, как многие не только инородцы, влиятельные и откормленные на русских хлебах и отогретые за русской пазухой, но и доподлинные русские, даже Рюриковичи, холодно и корыстно обсуждают вопрос, как бы поспособнее раскромсать Россию и накроить из дорогого отечества “побольше враждебных русскому народу государств”. <...> Впрочем, все это естественно: где рыкают львы, там воют и шакалы», — отмечал он в частном письме²⁰.

Считая, что Красная армия не сможет оказать серьезного сопротивления вермахту, Марков предполагал, что после поражения СССР и крушения коммунистической власти Россия будет вынуждена подчиниться германскому политическому и экономическому влиянию. «Нашему русскому патриотизму, — отмечал он, — конечно, тяжело выслушивать поставленный ... диагноз, но ведь при тяжелых болезнях важнее и необходимее всего, чтобы диагноз был верен. Приятные диагнозы при тяжелых болезнях ставят не доктора, а шарлатаны»²¹. К таким шарлатанам Марков относил бывшего лидера кадетской партии П.Н. Милюкова, младороссов и генерала А.И. Деникина. Бывшему вождю Белого движения доставалось от Маркова за то, что тот выступал против интервенции, хотя и не исключал

¹⁸ Марков Н.Е. Иностранное вмешательство // Двуглавый орел. 1927. № 9. С. 6.

¹⁹ Там же.

²⁰ VAR. N.E. Markov Papers. Collection. Вох 1. Письмо от 6 декабря 1934 г.

²¹ Патриотизм на запятках Коминтерна // Новое слово. 1939. № 23 (247). 4 июня. С. 6.

борьбы с советской властью исключительно русскими силами. Считая, что эмиграции не по силам победить РККА, свалить «миллионную армию ГПУ», а затем еще и одолеть интервентов, Марков неожиданно для многих выступил против лозунга Белого движения «За великую, единую и неделимую Россию». Отмечая, что такой лозунг подходил царской России, где он был «не только теорией, но и жизненной действительностью», докладчик объявлял его провальным для реалий Гражданской войны. Он ставил в упрек Деникину то, что тот своим «теоретизированием» и «твердокаменной нетерпимостью» оттолкнул в годы Гражданской войны от русского антибольшевистского лагеря Польшу, Финляндию, Кавказ и даже петлюровцев, которые при прагматичном подходе могли бы стать временными союзниками в борьбе с большевизмом, но при этом «нанимался к англичанам и французам». «Как с писаной торбой носился “теоретик” с лозунгом “единая и неделимая Россия” и плодил России врагов»²². Призывая эмиграцию не повторять ошибок Деникина, Марков резюмировал: «Выступление генерала Деникина [против возможного германского вторжения] — прямая измена делу России. Ведь для освобождения поработанного русского народа особенно важны и нужны соучастие и дружба сильнейших соседей России — Германии и Японии. И вот их-то и объявляет генерал Деникин историческими врагами России, их и отталкивает от России своими клеветническими и ложными обвинениями. Вместо того чтобы привлечь России возможных друзей и союзников, он грозит им несуществующими штыками»²³.

Марков утверждал, что распространение германского влияния на Россию пойдет последней только на пользу. Делая экскурс в русскую историю, докладчик старался убедить своих слушателей, что со времен призвания варягов и до последних дней существования Российской империи немецкий элемент играл исключительно благотворную роль в жизни страны. Отмечая, что в жилах многих представителей русского культурного слоя текла немецкая кровь, Марков заключал: «...Германская примесь к славянской крови правящего отбора давала весьма благоприятные результаты для роста и укрепления России как государства. Германская кровь вносила элементы строя, меры и порядка, как раз те элементы, которых всегда недоставало даровитой, но беспорядочной славянской природе»²⁴. Уподобляя русско-германское взаимодействие сплаву хрома и стали,

²² Там же.

²³ Там же. С. 7.

²⁴ То же // 1939. № 24 (248). 11 июня. С. 4.

в результате которого образуется более твердый металл, Марков приходил к выводу, что только восстановление в освобожденной от большевиков России правящего класса с немецкой кровью позволит возродить государственные традиции и воссоздать великую державу. «Необходимо новое “призвание варягов”», — поучал Марков²⁵.

Отвечая на выпады Маркова, Деникин с негодованием отмечал, что этот «новоявленный национал-социалист» в ожидании германского похода на СССР «с верноподданным усердием подносит» своим немецким хозяевам: «Русский не есть только славянин, но славянин с примесью немца; и только при наличии этого сочетания выявляется вся чистота русского характера»²⁶.

Подобные рассуждения Маркова, который, сам имел в роду немало предков немецкой крови²⁷, не удивительны, особенно учитывая настроения, царившие в рейхе. Ведь еще в 1925 г., выступая против евразийства, Марков критиковал русский народ за то, что он чаще склонялся в своей истории к Востоку, чем к Западу, в результате чего в его натуре проявлялись непротивленчество, поражение, «авось, небось, как-нибудь и над всем этим анархическое “ничаво”»²⁸. Эта «азиатчина», полагал Марков, выражавшаяся в неуважении к закону, правилам, порядку, стремлении к хаосу и довела страну до большевизма. Всё государственное и культурное в стране, уверял политик, появилось благодаря западному влиянию. В статье 1927 г. Марков ставил в пример русским немецкую склонность к порядку, сплоченности и послушанию, отмечая, что хотя Бог и не обделил русских талантами, этих «немецких» черт характера им всегда не хватало²⁹. А в 1939-м, отмечая в числе национальных достоинств русских терпимость, гостеприимство, находчивость, сообразительность, отсутствие страха перед смертью, приспособляемость к самым сложным условиям жизни, религиозность, богатое воображение, правый политик ставил им в упрек «природную склонность к неумеренности всякого рода, нелюбовь к порядку и

²⁵ Патриотизм на запятках Коминтерна. С. 5.

²⁶ Деникин А.И. Мировые события и русский вопрос. Париж, 1939. С. 36. О том же см.: Берлин П. Страницы прошлого. Опыт облагораживания немецкой кровью // Новое русское слово. 1945. № 12284. 16 декабря. С. 2.

²⁷ В 1915 г. в ответ на обвинения в германофильстве Марков заявлял: «Было у меня в роду по женским линиям немало предков немецкой крови, но ... выводить из сего, будто я не русский, а немец, может только помешанный на чистых кровях мозг... национал-психопата» (Марков Н.Е. Отповедь иудинной печати // Вестник Союза русского народа. 1915. № 207. С. 4).

²⁸ Доклад Н.Е. Маркова. (Корреспонденция из Парижа) // Высший монархический совет. 1925. № 139. С. 5.

²⁹ Марков Н.Е. Русское в Германии // Двуглавый орел. 1927. № 13. С. 12.

жажду своеволия»³⁰. Удивительно в рассуждениях Маркова периода нацистской диктатуры другое: как автор ярких антинемецких речей, произнесенных в годы Первой мировой войны, в которых германцы назывались носителями ветхозаветной морали, высокомерными наследниками ницшеанских идей, «зверьями в образе человеческом», считающими людьми только себя, а остальные народы — вьючным скотом и рабами³¹, мог не заметить этих грехов за нацистами, к которым данные характеристики подходили гораздо больше, нежели к немцам кайзеровских времен. Очевидно, что не видеть этого он не мог, но «обстоятельства» заставляли его закрывать на это глаза.

Доклад Маркова наделал немало шума и вызвал критику даже правых эмигрантских изданий. Издававшаяся в Софии «Наша газета» требовала устранения Маркова из общественной жизни русской эмиграции, отмечая, что тот стал «хуже иудея» и «своим позорным подхалимством старается убить у русского человека веру в свои духовные силы»³². Соглашаясь с такой оценкой, напечатавшее доклад Маркова берлинское «Новое слово» отмечало: «Марков II принадлежит к определенному сектору эмиграции, увы, не в пример другим, чрезвычайно энергичному, настойчивому. Ознакомление читателя (хотя бы раз в год!) со взглядами этого “ломтя” политической эмиграции не может лечь общим пятном на газету, которая в ряде статей за подписью своего редактора и ответственных сотрудников на протяжении пяти лет усердно отмежевываются от лагеря “особенной стати”. Во всяком случае, мы полностью присоединяемся к выводу “Нашей газеты”: “...в борьбе с большевизмом и еврейством — избави Господи опираться на собственных столпов и столбов: сделают как раз то, что нужно и большевизму, и еврейству”»³³.

Вторая мировая война и особенно нападение Германии на СССР, как справедливо отмечает С.А. Степанов, «поставили русскую эмиграцию перед тяжелейшим нравственным выбором». «Выразить солидарность с Советским Союзом означало отказаться от многолетней борьбы с большевистским режимом, встать на сторону фашистской Германии означало предать собственный народ, обреченный гитлеровцами на рабство. Эмигранты, в том числе те, чьи имена были символами белого движения, решали эту дилемму

³⁰ Патриотизм на запятках Коминтерна // Новое слово. 1939. № 24 (248). 11 июня. С. 4.

³¹ Иванов А.А. Отношение к Германии и немцам правого депутата Н.Е. Маркова накануне, во время и после Первой мировой войны // Таврические чтения 2014. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность. Сб. науч. ст. / Под ред. А.Б. Николаева: В 2-х ч. Ч. 2. СПб., 2015. С. 135–137.

³² «Хуже иудея» // Наша газета. 1939. № 41. 31 июля. С. 3.

³³ Печать // Новое слово. 1939. № 32 (256). 6 августа. С. 3.

по-разному»³⁴. Свой выбор сделал и Марков, и выбор этот оказался весьма предсказуемым.

Немецкое вторжение 22 июня 1941 г. Марков приветствовал. В редакционной заметке выпуска «Мировой службы», вышедшего сразу после начала войны, выражалось удовлетворение тем, что Гитлер начал борьбу с «иудо-большевистскими властителями в Москве» и «преисподним царством» с целью «освободить не только Европу, но и весь мир от тяготевшей над всеми страшной опасности» — «всемирного революционного переворота»³⁵. Издание подчеркивало, что Красная армия «это не армия для защиты русской земли от внешнего врага», а «армия нападения, которая должна огнем и мечом добывать иудеям мировое владычество»³⁶. В духе нацистской пропаганды виновниками гибели советских солдат объявлялись «еврейские комиссары», принуждавшие бойцов к «бессмысленному сопротивлению германской вооруженной силе»³⁷.

Как сообщал эмигрантский «Социалистический вестник», с началом войны против СССР «Марков стал особенно активен». Правда, публичных выступлений он избегал, и «было, кажется, всего только одно собрание, устроенное им в Берлине в конце 1941 года»³⁸. О том, что Марков в это время «восхвалял гитлеризм», писало и «Новое русское слово»³⁹. Имеются сведения, что в 1941—1942 гг. Марков редактировал нерегулярно выходившее антисемитское издание «под красочным названием» «Жидоед»⁴⁰, выступавшее против евреев и коммунистов⁴¹; был «главным советником по вопросам “жидо-масонства” при Юлиусе Штрейхере и ... “научным консультантом” в розенберговском “Институте по изучению еврейства”»⁴².

³⁴ Степанов С.А. Указ. соч. С. 606.

³⁵ Мировая борьба с иудо-большевизмом вступила в решительную фазу // Мировая служба. 1941. № 13–14. С. 2.

³⁶ Красная армия — орудие иудейской власти // Мировая служба. 1941. № 15–16. С. 2.

³⁷ Там же. С. 3.

³⁸ Н—ский Б. [Николаевский Б.И.] Зловещая фигура старой России // Социалистический вестник. 1948. № 1. (604). С. 18.

³⁹ Там, где идут бои. Курск // Новое русское слово. 1941. № 10487. 5 ноября. С. 2.

⁴⁰ Видимо, имеется в виду издание «Жидовед». Еще в 1935 г. сообщалось, что редактором анонимного русскоязычного антисемитского листка, имевшего заголовок «Жидовед», оказался Н.Е. Марков. Комментируя это открытие, «Новое русское слово» заключало: «человек, можно сказать, нашел себя» (Марков 2-й в Берлине // Новое русское слово. 1935. № 8312. 2 ноября. С. 2).

⁴¹ Николаевский Б. Пораженчество 1941–1945 годов и генерал А. А. Власов // Новый журнал. 1948. Т. 19. С. 238–239; О कोरोков А. Особый фронт. Немецкая пропаганда на Восточном фронте в годы Второй мировой войны. М., 2007. С. 203.

⁴² Николаевский Б. На путях объединения демократии // Новое русское слово. 1950. № 14121. 24 декабря. С. 3.

Во время войны Марков продолжал публиковаться в нацистских изданиях, причем статьи этого периода нередко выходили на немецком языке. Среди них на данный момент известны его антисемитские публикации 1944 г., в которых правый политик повторял свои более ранние выпады против еврейства, писал о роли иудаизма в русской истории («с 17 века по 17-й год»), разоблачал «еврейско-коммунистическую» революцию в России и «доказывал», что в СССР вся власть оказалась в руках евреев, являвшихся «врагами русского крестьянства»; обличал коллективизацию, карательную политику большевиков⁴³. Что касается русскоязычного издания «Мировой службы», то оно широко цитировало Гитлера, публиковало панегирики Розенбергу и распространяло нацистскую пропаганду. Надеясь заполучить читателей на территории СССР, редакция с 1943 г. перешла на новое правописание, а на страницах журнала появился цикл материалов, посвященных революционному движению в России, имевший ярко выраженный антисемитский характер. Материалы эти выходили без подписи, но их стиль практически не оставляет сомнений в том, что автором являлся Марков. Немногочисленные русскоязычные публикации Маркова, выходившие в 1940-е гг. под его собственным именем, касались тех же тем. В статье, посвященной Ленину, он развивал версию о еврейском происхождении большевистского лидера и обличал его как жестокого и бесчеловечного диктатора⁴⁴. В другой публикации, придерживаясь той же риторики, Марков не жалея красок писал о борьбе еврейства против русской монархии⁴⁵. Статья «Иудеи у власти в Советском Союзе», как видно уже из заглавия, продолжала цикл антисемитских работ Маркова, но кроме того, она была направлена против красного террора, Коминтерна и политики советской власти в целом⁴⁶. В рамках концепции «всемирного еврейского заговора» Марков называл советскую власть «покорной исполнительницей иудейских планов» и врагом русского народа.

Эта же тема была продолжена в следующей статье Маркова, в которой акцент делался на событиях 1930-х гг. — коллективизации,

⁴³ *Markow N.E.* Der Jude ist der Parasit des Bauerntum. Frankfurt/Main, 1944; *Idem.* Die Rolle des Judentums in Rußland seit seinem Erscheinen im 17. Jahrhundert bis zu seiner Machtergreifung 1917. Frankfurt/Main, 1944.

⁴⁴ Ленин до революции 1917 года. Статья Н.Е. Маркова // Мировая служба. 1943. № 13. С. 1–6.

⁴⁵ Роль иудеев в России со времен их появления в 17 веке вплоть до захвата власти в 1917 году. Статья Н.Е. Маркова, бывшего председателя Союза русского народа и члена Государственной думы // Мировая служба. 1943. № 16. С. 1–9.

⁴⁶ Иудеи у власти в Советском Союзе. Статья Н.Е. Маркова // Мировая служба. 1943. № 23–24. С. 1–6; Иудеи у власти в Советском Союзе. (Отрывки из статьи Н.Е. Маркова) // Казачьи ведомости. 1944. № 9–10. С. 5–8.

раскулачивании и «кровавых расправах ... со старшими командирами и офицерами Красной армии»⁴⁷. Но примечательна эта статья другим. В ней Марков дал оценку Великой Отечественной войны, в точности повторяющую тезисы германской пропаганды. Публицист заверял своих читателей, что СССР готовился к нападению на своих соседей, чтобы «в подходящую минуту поднять у них революцию», а гитлеровская Германия «расстроила этот план и заставила Советский Союз воевать ранее намеченного ... срока»⁴⁸. Марков прославлял «победоносные германские армии» и утверждал, что русский народ, ненавидя советскую власть, не проявлял к оккупантам враждебности, встречая их как освободителей. Тяжелые поражения Красной армии и коллаборационизм, продолжал Марков, заставили перепуганное советское руководство перейти к новой политике «советско-российского национализма», и «все то, что в течение 20 лет подвергалось официально осмеянию и поношению, как по шучьему велению стало прославляться и ставиться в пример». «Оплеванная история России, — писал он, — подверглась решительному пересмотру, и изумленные комсомольцы внезапно узнали, что и до Октябрьской революции в России творились великие дела и действовали герои. В их честь были учреждены военные ордена Александра Невского, Суворова, Кутузова, Богдана Хмельницкого. Были восстановлены офицерские и генеральские чины и мундиры по образцу царской армии и официально упразднены политические комиссары при воинских частях. Из советских газет полились водопады патриотических призывов со ссылками на историческое призвание и права России. В Москве открылся общеславянский конгресс, на котором выступили “представители” всех славянских народов и призвали к беспощадной борьбе с Германией, как историческим врагом славянства... <...> Распущен Коминтерн. Запрещено распевать интернациональный гимн. <...> Россию оплевали и самое имя ее уничтожили, а “Великую Русь” теперь воспевают»⁴⁹.

Казалось бы, такая эволюция советского строя вполне могла смягчить отношение бывшего вождя «черной сотни» к СССР, однако этого не произошло. Попытки выстроить преемственность между Российской империей и Советским Союзом Марков называл «лицемерием, доведенным до наглости», и «всесоветским маскарадом», устроенным властью «лишь по крайней необходимости», чтобы привлечь на свою сторону широкие народные массы, не желавшие «лить

⁴⁷ Новая идеологическая политика Советского Союза. Статья Н.Е. Маркова // Мировая служба. 1944. № 8. С. 1–3.

⁴⁸ Там же. С. 2.

⁴⁹ Там же.

кровь и умирать ради ненавистной интернациональной советской системы». Поэтому, заключал Марков, как только грозная опасность минует, эта политика тут же будет свернута и «правлящий интернационал ни на минуту не замедлит расправиться со всеми своими маршалами, генералами и орденоносцами, которые взаправду поверят в наступление новой национальной эпохи и проявят признаки настоящего российского патриотизма»⁵⁰. Напоминая, как в свое время большевиками была свернута новая экономическая политика (НЭП), в которой многие увидели перерождение советского строя, Марков предрекал ту же участь и «НИПу» — новой идеологической политике, объявленной из тактических соображений в годы войны. Не имея возможности откровенно высказывать в журнале, издаваемом немцами, свои мысли о желательном для России будущем, Марков заключал: «Народ нельзя обманывать без конца. Мы думаем, что иудо-советская игра в возрождение российского национализма окажется игрой с огнем. И в этом огне сгорит сама иудо-советская власть»⁵¹. Последняя статья Маркова увидела свет в январе 1945 г. Однако посвящена она оказалась не текущему моменту, а роли масонства в развязывании Первой мировой войны...⁵²

Эмигрантское социалистическое издание утверждало, что Марков «полностью поддерживал борьбу Гитлера» и влиял «на постановку русской пропаганды в министерстве Геббельса»⁵³, но подтвердить или опровергнуть это утверждение пока не представляется возможным. Однако находившиеся в эмиграции меньшевики укоряли Маркова не столько за сотрудничество с гитлеровцами, сколько за то, что во время войны он оказался противником Русской освободительной армии (РОА) генерала-коллаборациониста А.А. Власова. «...За кулисами, — писал автор статьи о Маркове в “Социалистическом вестнике” меньшевик Б.И. Николаевский, — именно он стал центральной фигурой той группы старых русских эмигрантов, которая оказывала противодействие т. н. “власовскому движению”, как движению, развертывавшемуся под демократическими лозунгами и упорно отказывавшемуся поднять боевое антисемитское знамя». При этом, если верить свидетельству Николаевского, «под влиянием именно Маркова 2-го была предпринята направленная против “власовских” планов попытка формирования под Ораниенбаумом особых русских частей под покровительством СС, — так называемого “Русского

⁵⁰ Там же. С. 2–3.

⁵¹ Там же. С. 3.

⁵² Марков Н.Е. Роль масонства в сараевском убийстве 1914 года // Мировая служба. 1945. № 1-2. С. 1–4.

⁵³ Н—ский Б. [Николаевский Б.И.] Зловещая фигура старой России. С. 18.

боевого союза”, военным руководителем которого был полк[овник] Гиль-Радионо́в»⁵⁴.

В то, что Марков выступал против власовцев, легко поверить: для него, как и для большинства представителей старой монархической эмиграции, они, декларировавшие свою приверженность идеалам февральской революции 1917 г. и демократическим ценностям, мало чем отличались от других социалистов. Но что касается эсэсовского отряда, созданного пленным полковником РККА В.В. Гилем (псевдоним Родионо́в или Радионо́в), который в 1943 г. снова перешел на советскую сторону и возглавил Антифашистскую партизанскую бригаду, то тут, скорее всего, Николаевский что-то напутал. Организация Гиля называлась иначе, под Ораниенбаумом не находилась, к моменту ее возникновения Власов еще не был пленен, да и едва ли Марков мог играть существенную роль при ее создании. Хотя нельзя не признать, что название организации, созданной по инициативе немецких спецслужб весной 1942 г., — «Боевой союз русских националистов», а тем более ее первое наименование — «Национальная партия русского народа» — вполне могло импонировать бывшему лидеру СРН.

Благодаря выявленным исследователем русской эмиграции И.Р. Петровым в архиве Бад Арольсена «заявлению о месте жительства иностранца» Н.Е. Маркова⁵⁵, заполненному 12 мая 1944 г., и свидетельству о его смерти, стало возможным прояснить и некоторые другие биографические сведения последнего года жизни правого политика. Интересно, что свою фамилию тот указал как Марков-Муринов (Markoff-Murinoff), т. е. воспользовался в качестве второй ее части одним из своих эмигрантских псевдонимов⁵⁶. Девичью фамилию своей покойной матери Н.Н. Детловой он указал не по-русски, а по-немецки: фон Детлофф (v. Detloff). В графе «профессия» Марков обозначил себя как писатель и служащий. В анкете также было указано, что гражданства, за исключением прежнего, русского, он не имел, обладая в Третьем рейхе лишь паспортом иностранца; религию исповедовал «русскую православную», принадлежал к «арийской расе» и являлся «белым русским» (weißrussisch). Из документа также следует, что право проживания на территории нацистской Германии политик-эмигрант имел на основании работы в «Мировой

⁵⁴ Там же. С. 18–19.

⁵⁵ *Петров И.Р.* От Союза русского народа до «зголошения побуту чужинця» // Livejournal. — URL: <https://labas.livejournal.com/1216907.html> (дата обращения 24.05.2023).

⁵⁶ Еще в парижский период Марков сообщал своему племяннику: «На адрес обязательно пиши N.E. Markoff-Murinoff, а то здесь завелся другой Nicolas Markoff». (BAR. N.E. Markov Papers. Collection. Box 1. Письмо от 15 октября 1931 г.).

службе», зарплата в которой являлась для него основным источником существования. Документ позволяет проследить и перемещения Маркова по стране: с августа 1935 по декабрь 1936 г. он проживал в Эрфурте, затем, в связи с переездом «Мировой службы», перебрался во Франкфурт на Майне, где «спокойно и достаточно»⁵⁷ прожил до конца марта 1944 г. Гостиница, в которой проживал Марков во Франкфурте, сгорела во время бомбардировки, видимо, тогда же погибли и многие его документы, включая недописанные мемуары. В конце марта 1944 г. Марков вслед за редакцией «Мировой службы» переехал в Бад Швальбах. Последним его пристанищем стал курортный Висбаден, где он и скончался 22 апреля 1945 г. в возрасте 79 лет⁵⁸. Дожить до полного краха нацистской Германии и связанных с ней надежд Н.Е. Маркову не пришлось, смерть забрала его за считанные дни до капитуляции рейха.

Вопреки существующим в исторической литературе предположениям, что Марков погиб во время союзнической бомбардировки Висбадена (как отмечает А.В. Серегин, «последний раз свидетели видели его на улице во время авианалета 20 апреля, идущего в сторону бомбоубежища»⁵⁹) или стал жертвой сотрудников советских спецслужб⁶⁰, умер он естественной смертью у себя дома. В свидетельстве о смерти Маркова причина его кончины не указывалась, в документе лишь сообщалось, что он отошел в мир иной в 10 часов в квартире по адресу Blumenstraße, 1⁶¹. Однако информация о болезни, ставшей причиной смерти, сохранилась в метрике, составленной клиром русской православной церкви св. Елисаветы в Висбадене. Из документа следует, что «курский помещик, б[ывший] член российской Государственной думы, писатель Николай Евгеньевич Марков» умер от уремии. Отпевание и погребение Маркова на русском православном кладбище в Висбадене, расположенном на горе Нероберг, совершал настоятель висбаденской церкви протоиерей Павел Адамантов⁶². Могила Маркова с крестом из черного мрамора сохранилась и поныне⁶³. Надежда Владимировна Маркова пережила своего мужа на

⁵⁷ BAR. N.E. Markov Papers. Collection. Box 1. P. 15.

⁵⁸ *Петров И.П.* От Союза русского народа ...

⁵⁹ *Серегин А.В.* Монархические организации русской эмиграции в Европе в 1919–1933 годах. Структура. Идеология. Деятельность. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2010. С. 319.

⁶⁰ *Смолин М.Б.* Монархический ригоризм Имперского Зубра // Марков Н.Е. Войны темных сил. Статьи. 1921–1937. М., 2002. С. 22.

⁶¹ *Петров И.П.* От Союза русского народа ...

⁶² Выписка из метрической книги предоставлена автору М.В. Вершевской.

⁶³ *Вершевская М.В.* Могилы рассказывают историю. Русская православная церковь святой Елисаветы и русское кладбище в Висбадене. СПб., 2008. С. 119.

9 лет, скончавшись 11 марта 1954 г. в 85-летнем возрасте «от немощи возраста и слабости сердца», 14 марта была отпета тем же священником и погребена с мужем в одной могиле⁶⁴.

Поскольку в конце апреля 1945 г. миру было явно не до кончины старика-монархиста, его смерть оказалась незамеченной и не вызвала никаких откликов. Вспомнили о нем лишь к концу 1947 г., причем в эмиграции ходили слухи, что умер Марков то ли в Западной Германии в 1946–1947 гг.⁶⁵, то ли в Америке, куда он якобы переехал после окончания Второй мировой войны⁶⁶. Откликаясь на смерть вождя русских правых, «Социалистический вестник» писал: «В его лице в могилу ушла одна из наиболее зловещих фигур старой России, — человек, который более, чем кто-либо другой сделал для перенесения погромного антисемитизма на мировую арену»⁶⁷. Более сдержанным был некролог, помещенный в парижский «Русской мысли». Сообщая о кончине Маркова, редакция ограничилась размещением на своих страницах текста, присланного «друзьями покойного из Америки». «Из жизни ушел один из видных представителей русской монархической мысли, б[ывший] председатель Высшего монархического совета. Убежденный сторонник самодержавной власти в том виде, в каком она исторически сложилась у нас, Н.Е. Марков отрицал все другие монархические формы правления для России. Власть русского самодержавного царя, покоящаяся на божественном помазании, по мнению Н.Е., была единственно разумной и единственно возможной у нас правительственной системой. Свои идеи Н.Е. защищал и до революции, и в эмиграции с большой прямолинейностью и упорством»⁶⁸.

Мы не знаем и наверное уже никогда не узнаем, какие мысли посещали Маркова в апреле 1945 г., какие чувства испытывал политик-монархист, когда победа СССР в войне уже ни у кого не вызывала сомнений. Не знаем мы и того, как менялись (и менялись ли?) его взгляды на войну по мере того, как рассеивались иллюзии многих эмигрантов, выступивших в 1941 г. в поддержку немецкой агрессии в надежде на то, что она станет освободительным походом против большевизма. Очевидно, что к концу войны ни у кого уже не могло оставаться сомнений в том, каковы были истинные планы немецких нацистов в отношении нашей страны и русского народа, радетелем

⁶⁴ VAR. N.E. Markov Papers. Collection. Box 1. P. 15; Ibid. Письмо Т.Н. Марковой от 18 марта 1954 г.; Сообщение М.В. Вершевской.

⁶⁵ Николаевский Б. На путях объединения демократии. С. 3.

⁶⁶ Н—ский Б. [Николаевский Б.И.] Зловещая фигура старой России. С. 19.

⁶⁷ Там же.

⁶⁸ Смерть Н.Е. Маркова // Русская мысль. 1947. № 34. 6 декабря. С. 4.

за интересы которого всегда выступал Марков. Осознавал ли он, что неутомимая борьба с коммунизмом, антисемитизм и масонофобия завели его в конце жизни в стан врагов собственной страны и народа?

В своих редких выступлениях в печати политик-эмигрант оставался непримиримым противником советской власти, но при этом, по понятным причинам, уклонялся от оценки «восточной» политики нацистов и избегал какой-либо конкретики в вопросе о будущем страны. Надежды Маркова на крушение советской власти рухнули, но его предположения, что война пробудит в народе патриотизм и будет способствовать возрождению православной веры и традиций прошлого⁶⁹, в значительной степени оправдались, хотя сам он этих перемен так и не принял. Та политическая идея, приверженцем которой всю свою сознательную жизнь был Марков и за осуществление которой он так упорно боролся — идея православной самодержавной русской монархии, потерпела крах. «Красная империя» Сталина хотя и позаимствовала многие атрибуты дореволюционного прошлого, строилась на принципиально иных основах. Но судьба была к Маркову благосклонна — он не дождался позора капитуляции Германии, избежал советского суда, мирно уйдя из жизни восьмидесятилетним стариком в тот момент, когда для таких, как он, уже не оставалось места в новых исторических реалиях.

References

Beklemisheva M.M. *Obzor lichnogo fonda A.A. i M.N. Bashmakovykh v Bakhmet'evskom arkhive Kolumbijskogo universiteta (New York, SShA)* [Review of the Personal Collection of A.A. and M.N. Bashmakov in the Bakhmeteff Archive of Columbia University (New York, USA)] // *Istoricheskiy zhurnal: nauchnye issledovaniya*. 2023. N 6. P. 153–165.

Ganelin R.Sh. *N.E. Markov 2-y o svoem puti ot chernosotentstva k gitlerizmu* [N.E. Markov II on His Path from Black Hundreds to Hitlerism] // *Trudy po iudaike* [Works on Judaica]. Series *Istoriya i etnografiya* [History and Ethnography]. Issue 5. *Evrei v Rossii. Istoriya i kultura: sbornik nauchnykh trudov* [Jews in Russia. History and Culture: A Collection of Scholarly Works] / Ed. by D.A. Elyashevich. Saint Petersburg: Izdatel'stvo Bukovskogo, 1998. P. 211–218.

Hagemeister M. *Markow, Nikolaj* // *Handbuch des Antisemitismus*. Bd. 2. Personen. Berlin: K.G. Saur, 2009. 445 S.

Ivanov A.A. “Berlinskiy zubr”. *Markov 2-y na chuzhbine* [“Berlin Bison”. Markov II in Exile] // *Rodina*. 2009. N 4. P. 92–94.

Ivanov A.A. *Otnoshenie k Germanii i nemtsam pravogo deputata N.E. Markova nakanune, vo vremya i posle Pervoi mirovoi voyny* [The Attitude towards Germany and the Germans of Right-Wing Deputy N.E. Markov on the Eve, during and after the World War I] // *Tavricheskie chteniya 2014. Aktual'nye problemy parlamentarizma*:

⁶⁹ См.: Иванов А.А., Машкевич С.В., Пученков А.С. «Царь и народ: вот формула нашего времени»... С. 145—146.

istoriya i sovremennost'. Mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya. Sbornik nauchnykh statei [Tauride Readings 2014. Current Issues of Parliamentarism: History and Modernity. International Scientific Conference. Collection of Scientific Articles] / Ed. by A.B. Nikolaev. In 2 parts. Part 2. Saint Petersburg: ElekSis, 2015. P. 133–140.

Ivanov A.A. *Vozhd' chernoi reaksii: Nikolay Evgen'yevich Markov* [Leader of the Black Reaction: Nikolai Evgenievich Markov]. Saint Petersburg: Vladimir Dahl, 2023. 639 p.

Ivanov A.A., Mashkevich S.V., Puchenkov A.S. *Neizvestnye stranitsy emigrantskoi biografii N.E. Markova (po materialam lichnykh pisem politika)* [Unknown Pages of N.E. Markov's Emigration Biography (Based on the His Personal Letters)] // *Istoricheskoe, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kulturologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*. 2014. N 1. Part 2. P. 79–85.

Ivanov A.A., Mashkevich S.V., Puchenkov A.S. "Tsar' i narod: vot formula nashego vremeni". O vzglyadakh N.E. Markova v 1930-e gg. ["The Tsar and the People: This is the Formula of Our Time." About the Views of N.E. Markov in the 1930s] // *Noveishaya istoriya Rossii*. 2014. N 1. P. 140–156.

Kudryavtsev V.B. *Periodicheskie i neperiodicheskie kollektivnye izdaniya russkogo zarubezh'ya (1918–1941)*. Zhurnalistika. Literatura. Iskustvo. Gumanitarnye nauki. Pedagogika. Religiya. Voennaya i kazach'ya pechat': opyt rasshirenogo spravochnika [Periodic and Non-Periodic Collective Publications of the Russian Emigration (1918–1941). Journalism. Literature. Art. Humanities. Pedagogy. Religion. Military and Cossack Press: An Extended Directory]. In 2 parts. Part 1. Moscow: Russkiy put', 2011. 936 p.

Okorokov A. *Osobyi front. Nemetskaya propaganda na Vostochnom fronte v gody Vtoroi mirovoi voiny* [Special Front. German Propaganda on the Eastern Front during the World War II]. Moscow: Russkiy put', 2007. 288 p.

Petrov I.R. *Osobennaya stat' ili voprosy finansirovaniya* [Special Stature or Financing Issues]. — URL: <https://labas.livejournal.com/866514.html>

Petrov I.R. *Ot Soyuza russkogo naroda do "zgoloshcheniya pobutu chuzhintsa"* [From the Union of the Russian People to the "Declaration of Residence for a Foreigner"]. — URL: <https://labas.livejournal.com/1216907.html>

Seregin A.V. *Monarkhicheskie organizatsii russkoi emigratsii v Evrope v 1919–1933 godakh. Struktura. Ideologiya. Deyatel'nost'* [Monarchist Organizations of the Russian Emigration in Europe in 1919–1933. Structure. Ideology. Activity]: PhD Candidate in History Dissertation. Moscow: MPGU, 2010. 398 p.

Smolin M.B. *Monarkhicheskiy rigorizm Imperskogo Zubra* [Monarchist Rigorism of the Imperial Bison] // Markov N.E. *Voiny temnykh sil. Stat'i* [Wars of the Dark Powers. Articles]. 1921–1937. Moscow: Moskva, 2002. P. 5–22.

Stepanov S.A. *Chernaya sotnya. Chto oni sdelali dlya velichiya Rossii?* [Black Hundred. What Did They Do for the Greatness of Russia?]. Moscow: Yauza-Press, 2013. 672 p.

Stogov D.I. *N.E. Markov: zhizn' i deyatel'nost' russkogo monarkhista v izgnanii* [N.E. Markov: Life and Activities of a Russian Monarchist in Exile] // *Russko-Vizantiyskiy vestnik*. 2021. N 4 (7). P. 116–127.

Vershevskaia M.V. *Mogily rasskazyvayut istoriyu. Russkaya pravoslavnaya tserkov' svyatoi Elisavety i russkoe kladbishche v Visbadene* [Graves Tell a Story. Russian Orthodox Church of Saint Elizabeth and Russian Cemetery in Wiesbaden]. Saint Petersburg: ANTT-Print, 2008. 143 p.

Поступила в редакцию
6 июля 2023 г.

DOI: 10.55959/MSU0130-0083-8-2024-65-2-51-62

С.И. Михальченко

**РОССИЙСКИЙ ПЕРИОД АКАДЕМИЧЕСКОЙ КАРЬЕРЫ
ИСТОРИКА А.В.СОЛОВЬЕВА (1910-е ГОДЫ):
НАЧАЛО ПУТИ В НАУКУ**

S.I. Mikhailchenko

**THE RUSSIAN PERIOD OF THE ACADEMIC CAREER
OF HISTORIAN A. V. SOLOVIEV (1910s):
THE BEGINNING OF THE PATH TO SCIENCE**

Аннотация. Статья посвящена российскому этапу жизни и деятельности русского и югославского историка, правоведа и литературоведа Александра Васильевича Соловьева (1890–1971). К настоящему времени достаточно подробно изучено наследие Соловьева эмигрантского периода его жизни (с 1920 г.), когда он, преподавая в Белградском и Сараевском университетах Югославии, а после 1952 г. — в Женевском университете в Швейцарии, создал многочисленные работы по истории права южных славян периода Средневековья, а также по истории и истории литературы средневековой Руси. Российские же годы оказались в тени этих достижений. В статье делается попытка восполнить этот пробел. Характеризуется юридический факультет Варшавского университета, где обучался Соловьев. Отмечается роль профессоров Ф.Ф. Зигеля, И.А. Малиновского, Е.В. Спекторского в его образовании и особая роль Зигеля в формировании у будущего ученого интереса к истории славян и славянского права. На основании неопубликованных архивных документов показано, что магистерская подготовка Соловьева совпала с введением в конце 1915 г. разряда присужде-

Михальченко Сергей Иванович, доктор исторических наук, профессор, директор Института экономики, истории и права Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского,

Mikhailchenko Sergey Ivanovich, Doctor of Historical Sciences, Professor, Director, Institute of Economics, History and Law, Bryansk I.G. Petrovsky State University

smikh10@mail.ru

ORCID 0000-0002-6809-9305

Статья подготовлена при поддержке Российского научного фонда (проект № 22-28-00024 «Историки русского права в европейской эмиграции: научные воззрения и коммуникация (1920-е — 1940-е гг.)»).

This article was prepared with the support of the Russian Science Foundation (project No. 22-28-00024 “Historians of Russian Law in European Emigration: Scientific Views and Communication (1920s–1940s)”).

ния ученых степеней по истории русского права, что привело к изменению системы магистерских испытаний профессорских стипендиатов. Вводятся в научный оборот документы внутреннего делопроизводства Варшавского университета (за 1914–1917 гг.), которые показывают становление подготовки магистрантов по истории русского права. Впервые характеризуются ранние источниковедческие работы А.В. Соловьева 1916–1917 гг. Одна из них посвящена уникальной, выявленной Соловьевым галицко-русской грамоте 1414 г. Еще одна его статья рассказывает о вновь открытом переводе Литовского Статута. В ней делается вывод о серьезном влиянии этого перевода на Соборное уложение 1649 г. Удалось также установить принадлежность Соловьеву статьи об американских университетах, опубликованной в журнале «Вопросы педагогики» в 1913 г. Таким образом, представлен портрет А.В. Соловьева — студента, профессорского стипендиата и начинающего преподавателя Варшавского/Донского университета.

Ключевые слова: Варшавский/Донской университет, Ф.Ф. Зигель, И.А. Малиновский, Е.В. Спекторский, профессорские стипендиаты, история русского права.

Abstract. The article examines the Russian period of the life and work of the Russian and Yugoslav historian, legal scholar and literary critic Aleksandr Vasilievich Soloviev (1890–1971). Up to now, the legacy of his emigration period (from 1920) has been studied in considerable detail. During this time, while teaching at the Universities of Belgrade and Sarajevo in Yugoslavia, and later at the University of Geneva in Switzerland (from 1952), he composed numerous works on the legal history of the southern Slavs during the Middle Ages, as well as on the history and literature of medieval Russia. However, his Russian years have remained overshadowed by these achievements. This article attempts to fill this gap. It characterizes the Faculty of Law at Warsaw University, where Soloviev studied, noting the influence of professors F.F. Siegel, I.A. Malinovsky, and E.V. Spektorsky on his education, with a special emphasis on Siegel's role in fostering Soloviev's interest in Slavic history and law. Based on unpublished archival documents, it is shown that Soloviev's master's preparation coincided with the introduction of a new system for awarding academic degrees in Russian legal history at the end of 1915, leading to changes in the system of master's examinations for professorial fellows. The article introduces internal administrative documents of Warsaw University (1914–1917), which demonstrate the development of master's training in Russian legal history. For the first time, early source studies by A.V. Soloviev from 1916–1917 are characterized. One of these studies deals with a unique Galician-Russian charter from 1414, discovered by Soloviev. Another article discusses the newly discovered translation of the Lithuanian Statute. Soloviev concludes that this translation had a significant influence on the *Sobornoye Ulozhenie* of 1649. Additionally, the author has established Soloviev's authorship of an article on American universities, published in the journal "Issues of Pedagogy" in 1913. Thus, Soloviev is presented as a student, professorial fellow and novice lecturer at the Warsaw/Don University.

Keywords: Warsaw/Don University, F.F. Siegel, I.A. Malinovsky, E.V. Spektorsky, professorial fellows, history of Russian law.

Александр Васильевич Соловьев (1890–1971) — известный ученый-историк. Автор многочисленных книг и статей, он вошел в науку прежде всего как исследователь права южных славян, а также их генеалогии. Кроме того, он являлся автором ряда работ по древнерусской истории и истории древнерусской литературы, в том числе о «Слове о полку Игореве»¹. Его биография и творчество эмигрантского периода конца 1920-х — начала 1970-х гг. уже неоднократно привлекали внимание как отечественных, так и иностранных исследователей². Частично опубликована обширная переписка Соловьева этого времени, хранящаяся в различных архивах в России и за рубежом³. Менее изучены ранние годы творчества Соловьева, условия, в которых формировался его будущий научный потенциал. Начальные годы академической биографии Соловьева важны еще и потому, что позволяют показать эволюцию некоторых практик подготовки кадров высшей квалификации в России на сломе эпох на примере историков русского права. Поэтому предлагаемая статья относится в большей степени к проблемному полю истории высшего образования, нежели к историографии.

Александр Васильевич Соловьев родился 18 сентября 1890 г. в Калише, центре самой западной губернии входившего в состав Российской империи Царства Польского. Его отец, Василий Федорович, был председателем съезда мировых судей, поэтому дальнейший путь Александра после окончания Шестой Варшавской гимназии в 1908 г. на юридический факультет Варшавского университета был законо-

¹ См.: *Soloviev A.A. jr. A Bibliography of the publications of Dr. Alexander V. Soloviev, 1890–1971, professor at the Universities of Belgrade, Sarajevo and Geneva* // Записки Русской Академической группы в США. Нью-Йорк, 1976. Т. X. С. 221–229.

² Андреев Н.А. В. Соловьев (18 сентября 1890 г. — 15 января 1971 г.) // Записки Русской Академической группы в США. Нью-Йорк, 1976. Т. X. С. 215–220; Аврамович С. Житие и труды Александра Соловьева, корифея истории права // Русская эмиграция в Югославии. М., 1996. С. 237–250; Черных А.П. Геральдика в научном наследии А.В. Соловьева // Signum. Вып. 4. М., 2009. С. 96–108; Антошин А.В. Научные связи А.В. Соловьева в эмиграции в 1950–1960-е годы (по материалам Русского архива Лидса) // Славяноведение. 2010. № 4. С. 49–54; Бондарева Е.А. Превратности судьбы А.В. Соловьева // Pax Rossica. Русская государственность в трудах историков зарубежья. М., 2012. С. 224–234; 125 година од рођења Александра Васильевича Соловјева / Уредници З.С. Мирковић, Н. Кришљанин. Београд, 2016; Воробьева И.Г. Правовое положение средневекового Дубровника в трудах русского историка А.В. Соловьева // Вестник Тверского государственного университета. 2017. № 2. С. 73–91.

³ Баран Х., Душечкина Е.В. Вокруг «Слова о полку Игореве». Из переписки Р.О. Якобсона и А.В. Соловьёва // Славяноведение. 2000. № 4. С. 50–78; Михальченко С. И., Пчеленок А. В. Письма А.В. Соловьёва А.В. Флоровскому (из собрания Архива Российской академии наук) // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2022. Т. 9. № 4 (36). С. 241–255.

мерен. Русский университет на территории Царства Польского, основанный в 1869 г., переживал тогда сложные времена⁴. Только что восстановивший набор студентов после перерыва на революционное лихолетье в 1905–1908 гг., университет (в том числе юридический факультет) лишился многих преподавателей. Как отмечал работавший в это время в университете профессор-правовед Е.В. Спекторский, «перед войной формальный академический ценз преподавателей варшавского юридического факультета заметно понизился. Было немало доцентов из магистрантов, еще не дописавших или вообще не написавших магистрантских диссертаций. Временное чтение лекций по пустовавшим кафедрам для обеспечения полноты преподавания поневоле приходилось поручать не специалистам»⁵. В итоге, например, историю русского права в 1908/1909 учебном году читали хотя и крупные ученые в своих областях, но не являвшиеся прямыми специалистами по предмету, — профессор по кафедре истории славянских законодательств Ф.Ф. Зигель и профессор по кафедре международного права В.Н. Александренко⁶.

С другой стороны, на факультете продолжали преподавать вернувшиеся к работе из вынужденного трехлетнего простоя высококвалифицированные специалисты: энциклопедию (теорию) права читал профессор Е.В. Спекторский, римское и гражданское право — известный в будущем цивилист В.И. Синайский, государственное право — В.А. Савальский, уголовное право — В.В. Есипов. Особенностью учебного плана варшавского юрфака было наличие в нем так называемых дополнительных предметов, в том числе — русской и всеобщей истории и русской словесности. Возможно, это обстоятельство (русскую историю читал маститый профессор И.П. Козловский) наряду с педагогическим мастерством и знаниями Ф.Ф. Зигеля привели к тому, что Соловьев заинтересовался историей и историей литературы. Соловьев закончил юридический факультет со степенью кандидата права — в Варшавском университете, в отличие от других университетов империи, сохранялась эта степень для выпускников, представивших специальные кандидатские сочинения. Соловьев представил диссертацию на тему «История выдачи преступников в международных отношениях России».

⁴ Иванов А.Е. Русский университет в Царстве Польском. Из истории университетской политики самодержавия: национальный аспект // Отечественная история. 1997. № 6. С. 27–33.

⁵ Спекторский Е.В. Воспоминания. Рязань, 2020. С. 85.

⁶ Михальченко С.И. Юридический факультет Варшавского университета. 1869–1917 гг.: Краткий исторический очерк. Брянск, 2000. С. 14.

В отзыве рецензировавшего диссертацию специалиста по международному праву и.д. доцента В.А. Овчинникова подчеркивалась необычная для сочинений такого уровня новизна: Соловьев представил множество не известных ранее, почерпнутых из средневековых документов сведений о выдаче преступников. Рецензент отмечал также «большую самостоятельность и добросовестное исследование им ... материала»⁷.

Интерес к историко-литературной тематике у Соловьева был настолько глубок, что в год окончания юридического факультета он сразу же поступил на славяно-русское отделение историко-филологического факультета, полный курс которого закончил уже в эвакуации, в Ростове-на-Дону в 1915 г.⁸ В студенческие годы появляются и первые печатные работы Соловьева. Это рецензия на первый выпуск Трудов Петербургской Педагогической академии⁹ и изложение доклада об истории американских университетов на заседании Педагогического кружка при Варшавском университете¹⁰. Причем авторство второго текста удалось установить на основании сведений из протокола заседания общества, в самой же статье автор не указан. В протоколе заседания кружка от 6 ноября 1911 г. говорится: «Председатель предлагает собранию заслушать обещанный на V заседании доклад об американских университетах и предлагает слово автору, студенту-юристу IV курса Александру Васильевичу Соловьеву». И здесь же в сноске указывается, что доклад г. Соловьева в обработке секретаря Кружка Л.Н. Песоченского напечатан во 2-м номере журнала «Вопросы педагогики»¹¹. Стоит отметить, что краткое изложение выступления присутствует и в протоколе заседания¹², таким образом, в одном номере журнала текст, хотя и в разном объеме, фактически напечатан дважды. Обе статьи носят исключительно информационный характер и интересны только как первый опыт литературного творчества Соловьева. В годы обучения на юридическом факультете Соловьев также входил в студенческую издательскую комиссию, отбиравшую для публикации лекции

⁷ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 733. Оп. 155. Д. 1170. Л. 9–9 об.

⁸ Андреев Н. Указ. соч. С. 215; Денковић Д. Ђ. Александар Васиљевич Соловјев (1890—1971) // Анали Правног факултета у Београду. 1971. Година XIX. Број 4. С. 465.

⁹ Соловьев А.В. [Рец.]: I выпуск Трудов Петербургской Педагогической академии «Начало Дела» // Вопросы педагогики. Варшава, 1912. № 1. С. 156–161.

¹⁰ [Соловьев А.В.] Американский университет // Вопросы педагогики. Варшава, 1913. № 2. 1 паг. С. 52–55.

¹¹ Заседание XIV // Там же. 2 паг. С. 49.

¹² Там же. С. 50–51.

профессоров. Так, например, был издан курс энциклопедии права Е.В. Спекторского¹³.

Параллельно с обучением на историко-филологическом факультете Соловьев с апреля 1914 г. по апрель 1916 г. был оставлен для приготовления к профессорскому званию по кафедре истории русского права¹⁴. Спекторский называл инициатором оставления Соловьева приехавшего из Томска на работу в университет осенью 1913 г. И.И. Малиновского, незадолго перед тем защитившего докторскую диссертацию по истории права Великого княжества Литовского. И действительно, 10 января 1914 г. на заседании совета факультета Малиновский обратился к совету с просьбой об оставлении А.В. Соловьева при кафедре истории русского права на два года¹⁵. Но нельзя не согласиться с близко общавшимся с Соловьевым в эмиграции историком искусства Н. Андреевым, который упоминает также Ф. Зигеля среди инициаторов оставления Соловьева при кафедре: Зигель знал Соловьева все годы его студенчества, а Малиновский — только последний год. И, кстати, именно Зигеля Соловьев называл позже своим учителем¹⁶. К тому же, Зигель в это время был деканом факультета. (Однако стоит подчеркнуть, что сам Зигель, видимо, не видел в Соловьеве своего возможного преемника, так как у него был свой собственный профессорский стипендиат — оставленный с 1 января 1915 г. и специализирующийся по истории хорватского права Е.Г. Данилов¹⁷).

Став «магистрантом», Соловьев активно приступил к работе. Тем более, что ему по правилам того времени была предоставлена весьма обширная инструкция по подготовке к сдаче магистерских экзаменов. Составленная И.А. Малиновским и Е.В. Спекторским, она начиналась с неприятной для историков права констатации: «Ученой степени по истории русского права нет, а потому лицу, желающему посвятить себя изучению этой научной дисциплины, надлежит выдержать магистерский экзамен по одной из юридических наук — по государственному праву, уголовному или гражданскому»¹⁸. Соловьев выбрал государственное право. Составители инструкции учли

¹³ [Спекторский Е.В.]. «Энциклопедия права» проф. Спекторского. Б. м., [1909]. См.: Спекторский Е.В. Воспоминания. С. 158.

¹⁴ Михальченко С.И. Юридический факультет... С. 18; РГИА. Ф. 733. Оп. 155. Д. 1170. Л. 6.

¹⁵ Archiwum Państwowe w Warszawie (APW). Z. 241. S. 484. Ark. 29.

¹⁶ Soloviev A. Théodore Taranovski (1875–1936) // Archives d'Histoire du droit Oriental. 1937. T. 1. P. 393.

¹⁷ APW. Z. 241. S. 670. Ark. 1–7

¹⁸ РГИА. Ф. 733. Оп. 155. Д. 1170. Л. 14.

исторические интересы соискателя магистерской степени и предложили оставить объем материала по государственному праву «в пределах, необходимых для надлежащего уяснения истории русского права», которое и предлагалось поставить по объему подготовки на первое место. Далее в инструкции подробно перечислялись авторы, чьи сочинения нужно было изучить. Специально подчеркивалось, что при изучении средневекового периода, кроме трудов и источников по истории права Московского царства, нужно не забыть и о праве Литовско-Русского государства¹⁹.

Первый год «магистратуры» Соловьева прошел достаточно успешно. Во всяком случае, именно так посчитали вначале руководитель его подготовки И.А. Малиновский, а затем и член Ученого комитета Министерства народного просвещения профессор Н.О. Куплеваский, высоко оценившие отчет Соловьева. В заключении Ученого комитета подчеркивалось, что автор отчета «отнесся к своему делу серьезно, что можно видеть из множества мотивированных положений, касающихся разных сочинений из тех областей науки, которые он изучал». Куплеваский особенно отметил изучение Соловьевым многочисленных памятников русского и литовско-русского права. При этом к отчету были приложены две (несохранившиеся) работы, подготовленные Соловьевым: «Обозрение древних грамот как источников русского права» и «Что понималось под “Русской землей” в IX–XIV веках» (вторая тема будет много позже продолжена ученым). Особо отмечалось, что, хотя автор не получает стипендии, его деятельность вполне сравнима и даже превосходит работу профессорских стипендиатов, содержание получающих²⁰. К сожалению, информация о магистрантской подготовке Соловьева в следующие годы пока не обнаружена.

Несомненно, ей во многом мешали внешние обстоятельства. В-первых, в связи с отступлением русской армии Варшавский университет в июне 1915 г. был спешно эвакуирован и в итоге разместился в Ростове-на-Дону. Эвакуация конечно не способствовала научным занятиям, тем более что большая часть библиотеки осталась в оккупированной немцами Варшаве. Во-вторых, в течение 1915 г. развернулась счастливо закончившаяся для историков русского права эпопея с введением разряда степеней по истории русского права. Идея эта высказывалась еще в первые годы XX в., однако тогда ее реализовать не удалось. Но после того как 28 марта 1915 г. на со-

¹⁹ Там же. Л. 15 об.

²⁰ РГИА. Ф. 733. Оп. 155. Д. 1170. Л. 41–41 об.

вещании профессоров русской истории и истории русского права была обсуждена, а затем подана в Министерство народного просвещения подписанная известными историками права профессорами М.Ф. Владимирским-Будановым, М.Н. Ясинским и А.Н. Филипповым записка с просьбой о разрешении ввести разряд²¹, 27 ноября 1915 г. последовал циркуляр за подписью министра графа П.Н. Игнатъева о введении присуждения таких степеней²². Ранее бо́льшая часть магистрантов по кафедре истории русского права получала степени по государственному праву, меньшая — по уголовному и гражданскому.

Введение нового разряда привело к необходимости изменить магистерские испытания. В каких-то университетах это удалось сделать оперативно. Так поступил, например, Юрьевский университет в отношении своего профессорского стипендиата И.И. Яковкина, который был оставлен по кафедре истории русского права, но готовился к защите по гражданскому праву. После получения известий о введении разряда юридический факультет предложил Яковкину к середине января 1916 г. составить программу по истории русского права, по которой он и должен был бы держать экзамен²³. В Варшавском же университете решение вопроса затянулось. После появления циркуляра министра и введения разряда последовал запрос также переехавшего из Варшавы в Ростов попечителя Варшавского учебного округа о необходимости «высказывания мнения» по поводу сущности и содержания экзаменов для магистрантов истории русского права²⁴. Министерство до этого определило их в следующем виде: история русского права и одна из отраслей на выбор (государственное, гражданское или уголовное право). Кроме того, по желанию университетов, могла вводиться еще русская история²⁵. Варшавский университет несколько раз отвечал, что спорить по этому поводу нечего, так как представитель университета И.А. Малиновский участвовал в совещании историков и голосовал за эти экзамены. Окончательный ответ ушел в Петроград уже в новой России — 9 марта 1917 г. ректор университета С.И. Вехов ответил министру,

²¹ Там же. Л. 70–72; О степенях магистра и доктора истории русского права // ЖМНП. 1916. Февраль. С. 168–174; *Бухерт В.Г.* Совещания профессоров русской истории и истории русского права российских университетов (Москва, 26–28 марта 1915 г.) // Археографический ежегодник за 2009–2010 гг. М., 2013. С. 188–189.

²² Государственный архив Ростовской области (ГАРО). Ф. 527. Оп. 1. Д. 118. Л. 69.

²³ Письмо Ф.В. Тарановского М.А. Дьяконову от 15.12.1915 // Архив РАН. Ф. 639. Оп. 1. Д. 401. Л. 19–20

²⁴ ГАРО. Ф. 527. Оп. 1. Д. 118. Л. 67–67 об, 73–78.

²⁵ Там же. Л. 69.

что циркуляр и записка «по своему существу не вызывали никаких недоумений или возражений»²⁶.

К этому времени Соловьев начал, вероятно, преподавательскую деятельность. Об этом приходится говорить с осторожностью, поскольку его первой должностью на факультете была должность ассистента по юридическому факультету²⁷. На нее могли назначаться оставленные при кафедрах, но функции их не были детально прописаны²⁸. Во всяком случае, в обозрении преподавания по факультетам они не значились, т.е. постоянных занятий не вели.

Еще одной стороной научной биографии Соловьева этих лет было его участие в работе существовавшего при университете Общества истории, филологии и права. Так, на одном из заседаний в 1916 г. он выступил с явно вызванным реалиями военного времени докладом «К вопросу об идее всемирного владычества Римской и Германской империй», а в начале 1917 г. вошел в состав сформированной обществом комиссии с целью издания указателя исторических обществ России²⁹.

Между тем Ростов в 1917–1920 гг. оказался в гуще событий Гражданской войны. За исключением краткого периода с января по май 1918 г., вплоть до января 1920 г. город был занят белыми. (При этом с мая по декабрь 1918 г. в нем находился и немецкий экспедиционный корпус, для жителей города это было одно «из трагических переживаний», как вспоминал позже профессор университета, специалист по финансовому праву А.А. Вилков³⁰). Пребывание под властью белых для Донского университета означало возможность работать по старым дореволюционным правилам. Продолжали защищаться диссертации, сдавались магистерские экзамены (на территории Советской России с 1 октября 1918 г. ученые степени были упразднены и официальные диспуты по защите диссертаций прекратились). В 1917–1918 гг. сдал магистерские экзамены, а затем по прочтении двух пробных лекций получил звание приват-доцента и Соловьев. В 1918–1919 гг. он преподавал вместе с профессорами И.А. Мали-

²⁶ Там же. Л. 73.

²⁷ Краковский К.П. Нить времени. Ч. 2: История юридического факультета Варшавского-Донского-Ростовского университета. Т. 1: 1804–1924. Ростов-на-Дону, 2005. С. 267–268.

²⁸ Императорский Московский университет: 1755–1917: Энциклопедический словарь / Сост. А.Ю. Андреев, Д.А. Цыганков. М., 2010. С. 36.

²⁹ Краковский К.П. Указ.соч. С. 267–268.

³⁰ Михальченко С.И. Письма А.А. Вилкова Е.В. Спекторскому как исторический источник (по материалам Архива Республики Словении) // Документ. Архив. История. Современность. Материалы VII Всерос. науч.-практич. конф. с междунар. участием, посвященной 80-летию Исторического ф-та УрФУ. Екатеринбург, 16–18 ноября 2018 г. Екатеринбург, 2018. С. 329.

новским и П.В. Верховским историю русского права и параллельно русскую историю в Ростовском археологическом институте³¹. Детали сдачи им экзаменов и преподавания ввиду плохой сохранности архива университета этого времени установить пока не представляется возможным. В середине декабря 1919 г. ему был предоставлен месячный отпуск в Германию и Польшу (в местечке Лососна у Кузницы Белостоцкой, недалеко от входившего тогда в состав Польши Гродно, у Соловьевых было поместье) «для ликвидации имущественных дел и свидания с семьей»³². Посещавшая в 1920 г. занятия в университете (правда, не на юридическом, а на историко-филологическом факультете) Н. Берберова вспоминала, что «профессора были замучены страхом и голодом, большинство из них перешло из Варшавского университета, люди тусклые и старомодные»³³. Соловьеву в это время было 30 лет, и назвать его «тусклым и старомодным» было никак нельзя, но и ему в итоге не нашлось места в Ростове. Его командировка превратилась в длительную эмиграцию.

Научное творчество Соловьева предэмиграционных лет представлено, по сути, только двумя опубликованными статьями. При этом даже точную тему его магистерской диссертации, утраченной в начале эмиграции в Болгарии, установить не удалось. По сведениям С. Аврамовича, она была посвящена «законодательству, регулирующему выдачу уголовных преступников между Россией и Польшей»³⁴ и тем самым пересекалась с темой написанной ранее кандидатской диссертации. Между тем опубликованные источниковедческие работы не вполне коррелируют с упомянутой темой.

В издававшемся бывшим ректором Варшавского университета академиком Е.Ф. Карским «Русском филологическом вестнике» Соловьевым была опубликована небольшая заметка «Галицко-русская грамота 1414 года»³⁵. Грамота была обнаружена Соловьевым в Московском архиве Министерства иностранных дел и опубликована как, с одной стороны, редкий документ на русском (а не на польском) языке по истории Галицкой Руси, а с другой, — «как не встречавшийся до сих пор... образец юридической сделки на недвижимость, в которой обоими контрагентами являются женщины»³⁶. Вторая работа, также являясь источниковедческой, представляет

³¹ Краковский К.П. Указ.соч. С. 288; Андреев Н. Указ. соч. С. 215.

³² Краковский К.П. Указ. соч. С. 290.

³³ Берберова Н. Курсив мой: Автобиография. М., 2015. С. 128.

³⁴ Аврамович С. Указ. соч. С. 239.

³⁵ Соловьев А.В. Галицко-русская грамота 1414 года // Русский филологический вестник. 1916. № 4. С. 281–282.

³⁶ Там же. С. 281.

собой значительно бóльшую по объему статью, посвященную вновь открытому переводу Литовского Статута³⁷. Главным выводом Соловьева по итогам анализа нового перевода Статута и его сравнения с текстом Соборного уложения, был вывод о серьезном влиянии его на Уложение³⁸. Материалы Соловьева дополняли вышедшие незадолго перед этим статьи Ф.В. Тарановского, И.И. Лаппо, П.П. Смирнова и других авторов.

Дальнейшее научное творчество Соловьева, как и его академическая карьера, связаны уже с эмигрантским периодом. При этом заложенные в годы студенчества и магистратуры интерес к истории (в том числе, истории права) славян и истории древнерусской литературы вылились затем во многие десятки блестящих книг и статей, не теряющих своего значения до сих пор.

References

125 godina od rođenja Aleksandra Vasiljevića Solovjeva [125 Years Since the Birth of Aleksandr Vasilievich Soloviev] / Editors Z.S. Mirković, N. Kršljanin. Belgrade: Pravni fakultet, 2016. 326 p.

Andreev N. A. V. *Soloviev (18 sentyabrya 1890 g. — 15 yanvary 1971 g.)* [A.V. Soloviev (18 September 1890 — 15 January 1971)] // *Zapiski Russkoy Akademicheskoy gruppy v SShA* [Notes of the Russian Academic Group in the USA]. Vol. X. New York: Association of Russian-American Scholars in the U.S.A., 1976. P. 215–220.

Antoshin A.V. *Nauchnye svyazi A.V. Solovieva v emigratsii v 1950–1960-e gody (po materialam Russkogo arkhiva Lidsa)* [Scientific Connections of A.V. Soloviev in Emigration in the 1950s–1960s (Based on Materials from the Russian Archive of Leeds)] // *Slavyanovedenie*. 2010. N 4. P. 49–54.

Avramovich S. *Zhitiye i trudy Aleksandra Solovieva, korifeja istorii prava* [The Life and Works of Aleksandr Soloviev, the Eminent Scholar of Legal History] // *Russkaya emigratsiya v Yugoslavii* [Russian Emigration in Yugoslavia]. Moscow: Indrik, 1996. P. 237–250.

Baran K., Dushechkina E.V. *Vokrug “Slova o polku Igoreve”*. *Iz perepiski R.O. Jakobsona i A.V. Solovieva* [Around “The Tale of Igor’s Campaign”. From the Correspondence of R.O. Jakobson and A.V. Soloviev] // *Slavyanovedenie*. 2000. N 4. P. 50–78.

Berberova N. *Kursiv moy. Avtobiografiya* [The Italics Are Mine. An Autobiography]. Moscow: AST, 2015. 687 p.

Bondareva E.A. *Prevratnosti sud’by A.V. Solovieva* [The Vicissitudes of A.V. Soloviev’s Fate] // *Pax Rossica. Russkaya gosudarstvennost’ v trudakh istorikov zarubezh’ya* [Russian Statehood in the Works of Emigrant Historians]. Moscow: Veche, 2012. P. 224–234.

Bukher V.G. *Soveshchaniya professorov russkoy istorii i istorii russkogo prava rossijskikh universitetov (Moskva, 26–28 marta 1915 g.)* [Meetings of Professors of Russian Universities (Moscow, 26–28 March 1915)].

³⁷ Соловьев А.В. Вновь открытый Московский перевод Литовского статута // Исторические известия, издаваемые Историческим обществом при Московском университете. 1917. № 1. С. 25–48.

³⁸ Там же. С. 47.

sian History and Russian Legal History at Russian Universities (Moscow, 26–28 March 1915)] // *Arkheograficheskiy ezhegodnik za 2009–2010 gg.* [Archeographic Annual for 2009–2010]. Moscow: Nauka, 2013. P. 180–195.

Chernykh A.P. *Gheraldika v nauchnom nasledii A.V. Solovieva* [Heraldry in the Scientific Legacy of A.V. Soloviev] // *Signum*. 2009. Issue 4. P. 96–108.

Denković D.Đ. *Aleksandar Vasiljević Solovjev (1890–1971)* // *Anali Pravnog fakulteta u Beogradu*. 1971. Year XIX. N 4. P. 465–467.

Imperatorskiy Moskovskiy universitet. 1755–1917: entsiklopedicheskiy slovar' [Imperial Moscow University. 1755–1917: An Encyclopedic Dictionary] / Comp. by A.Yu. Andreev, D.A. Tsygankov. Moscow: ROSSPEN, 2010. 894 p.

Ivanov A.E. *Russkiy universitet v Tsarstve Pol'skom. Iz istorii universitetskoy politiki samodержaviya: natsional'nyy aspekt* [Russian University in the Kingdom of Poland. From the History of University Policy under the Autocracy: A National Aspect] // *Otechestvennaya istoriya*. 1997. N 6. P. 27–33.

Krakovskiy K.P. *Nit' vremeni. Part 2. Istoriya yuridicheskogo fakul'teta Varshavskogo-Donskogo-Rostovskogo universiteta* [The Thread of Time. Part 2. History of the Law Faculty of Warsaw-Don-Rostov University]. Vol. 1: 1804–1924. Rostov-on-Don: Yug, 2005. 390 p.

Mikhalchenko S.I. *Pis'ma A.A. Vilkova E.V. Spektorskomu kak istoricheskiy istochnik (po materialam Arkhiva Respubliki Sloveniya)* [Letters of A.A. Vilkov to E.V. Spektorsky as a Historical Source (Based on Materials from the Archive of the Republic of Slovenia)] // *Dokument. Arhiv. Istoriya. Sovremennost'. Materialy VII Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem, posvyashchennoy 80-letiyu istoricheskogo fakul'teta UrFU* [Document. Archive. History. Modernity. The Acta of the 7th All-Russian Scientific-Practical Conference with International Participation Dedicated to the 80th Anniversary of the History Faculty of UrFU]. Yekaterinburg: Izdatel'stvo UrFU, 2018. P. 326–330.

Mikhalchenko S.I. *Yuridicheskiy fakul'tet Varshavskogo universiteta. 1869–1917 gg. Kratkiy istoricheskiy ocherk* [The Law Faculty of Warsaw University. 1869–1917. A Brief Historical Essay]. Bryansk: Izdatel'stvo BGPU, 2000. 154 p.

Mikhalchenko S.I., Pchelenok A.V. *Pis'ma A.V. Solovieva A.V. Florovskomu (iz sobraniya Arkhiva Rossiyskoy akademii nauk)* [Letters from A.V. Soloviev to A.V. Florovsky (from the Collection of the Archive of the Russian Academy of Sciences)] // *Vestnik Omskogo universiteta. Series "Istoricheskie nauki"*. 2022. Vol. 9. N 4 (36). P. 241–255.

O stepenyakh magistra i doktora istorii russkogo prava [On the Degrees of Master and Doctor of Russian Legal History] // *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. 1916. February. P. 168–174.

Soloviev A.A., Jr. *A Bibliography of the Publications of Dr. Alexander V. Soloviev, 1890–1971, Professor at the Universities of Belgrade, Sarajevo, and Geneva* // *Zapiski Russkoy Akademicheskoy gruppy v SShA* [Notes of the Russian Academic Group in the USA]. Vol. X. New York: Association of Russian-American Scholars in the U.S.A., 1976. P. 221–229.

Vorobyova I.G. *Pravovoe polozhenie srednevekovogo Dubrovnik v trudakh russkogo istorika A.V. Solovieva* [The Legal Status of Medieval Dubrovnik in the Works of Russian Historian A.V. Soloviev] // *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2017. N 2. P. 73–91.

Поступила в редакцию
15 мая 2023 г.

DOI: 10.55959/MSU0130-0083-8-2024-65-2-63-82

Н.Г. Абрамова, А.Г. Голиков, Т.А. Круглова

**ХРАНИТЕЛЬ УНИВЕРСИТЕТСКИХ ТРАДИЦИЙ.
К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
ПРОФЕССОРА А.В. МУРАВЬЁВА**

N.G. Abramova, A.G. Golikov, T.A. Kruglova

**GUARDIAN OF UNIVERSITY TRADITIONS.
ON THE 100th ANNIVERSARY OF THE BIRTH
OF PROFESSOR A.V. MURAVYEV**

Аннотация. Статья посвящена профессору исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова А.В. Муравьёву, 100-летие со дня рождения которого отмечается в 2024 г. Его судьба тесно связана с историей нашей страны и Московского государственного университета. Ветеран Великой Отечественной, он прошел дорогами войны, был тяжело ранен, имел пражительственные награды. А.В. Муравьёв стоял у истоков создания на факультете кафедры отечественного источниковедения, много сил вложил в ее становление и развитие, на протяжении нескольких лет возглавлял ее,

Абрамова Надежда Григорьевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры источниковедения исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Abramova Nadezhda Grigorievna, PhD Candidate in History, Associate Professor, Department of Source Studies, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University
istochmsu@list.ru

ORSID: 0009-0002-8966-1069

Голиков Андрей Георгиевич, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой источниковедения исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Golikov Andrey Georgievich, Doctor in History, Professor, Head, Department of Source Studies, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University

golikov@hist.msu.ru

ORSID: 0000-0002-2443-2882

Круглова Татьяна Александровна, кандидат исторических наук, доцент кафедры источниковедения исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Kruglova Tatiana Aleksandrovna, PhD Candidate in History, Associate Professor, Department of Source Studies, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University

kruglova008@list.ru

ORCID: 0000-0002-3532-4924

затем был заместителем заведующего кафедрой. Он руководил музейной группой, заложившей основы для современного этапа изучения истории первого российского университета и создания его музея. Он был известным специалистом в области отечественной средневековой культуры, истории русского города XVIII в., автором фундаментальных исследований и публикаций по специальным и вспомогательным историческим дисциплинам, прежде всего — палеографии и исторической географии. А.В. Муравьев оставил по себе память не только как автор учебников, учебных и методических пособий, учебных программ, но и высококвалифицированный преподаватель. Под его научным руководством подготовлено несколько десятков дипломных работ, защищены кандидатские диссертации. На факультете он читал общие и специальные лекционные курсы, вел семинарские и практические занятия по источниковедению, исторической географии, русской палеографии, исторической хронологии, исторической метрологии, руководил студенческими практиками. Профессиональную работу с учениками он всегда совмещал с личным общением, отчего пользовался в студенческой среде большим уважением. Освещая в данной публикации деятельность профессора А.В. Муравьева, коллеги отдают ему дань уважения как ветерану Великой Отечественной войны, человеку и патриоту, ученому, автору большого количества научных и учебно-методических работ, многие из которых сохраняют значение и в наши дни. В память о профессоре А.В. Муравьеве на историческом факультете МГУ с 1996 г. проводятся Муравьевские научные чтения

Ключевые слова: кафедра источниковедения, традиции исторического факультета, юбилей ученого, Музей МГУ, Муравьевские чтения, М.Н. Тихомиров, И.Д. Ковальченко.

Abstract. This article is dedicated to Professor Anatoliy Vasilievich Muravyev of the Faculty of History at Lomonosov Moscow State University, whose 100th birthday is celebrated in 2024. His fate is closely intertwined with the history of Russia and Lomonosov Moscow State University. A veteran of the Great Patriotic War, he walked the roads of war, was seriously wounded, and received government awards. Muravyev was at the forefront of establishing the Department of Russian Source Studies at the faculty, investing significant effort in its formation and development. He led it for several years and then served as the deputy head of the department. He managed the museum group, laying the foundation for studying the history of Russia's first university and creating its museum. He was a renowned specialist in Russian medieval culture and history of eighteenth-century Russian towns and excellent university professor. Muravyev is an author of fundamental publications in specialized and auxiliary historical disciplines, primarily paleography and historical geography, textbooks, study guides and instructional programmes. Dozens of diploma theses and PhD candidate dissertations were defended under his direction. He delivered general and specialized lecture courses, conducted seminars and practical classes on source studies, historical geography, Russian paleography, historical chronology and metrology at the university. Muravyev supervised student practices. He always combined professional work with personal communication, earning great respect among students. By highlighting Professor Muravyev's activities in

this article, his colleagues pay tribute to him as a veteran of the Great Patriotic War, patriot, scholar and author of a large number of scientific, educational and methodological works, many of which remain significant today. In his memory the Faculty of History has held Muravyev scientific readings at Moscow State University since 1996.

Keywords: Department of Source Studies, the Faculty of History's traditions, scholar's anniversary, Moscow State University Museum, Muravyev readings, M.N. Tikhomirov, I.D. Kovalchenko.

* * *

Анатолий Васильевич Муравьев (21 января 1924 г. — 5 марта 1993 г.) принадлежал к тому поколению университетских ученых, чья жизнь делилась на три основных этапа: школа — Великая Отечественная война — Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова. Большая часть жизни А.В. Муравьева, почти пятьдесят лет, неразрывно связана с университетом. А.В. Муравьев был серьезным ученым, замечательным преподавателем, интересным и доброжелательным человеком, а это сочетание чрезвычайно значимо в профессорской деятельности. Профессиональную работу с учениками он всегда совмещал с личным общением, отчего пользовался в студенческой среде большим уважением. О разнообразии научных интересов А.В. Муравьева свидетельствуют его труды по палеографии, исторической географии, истории культуры, а также тематика дипломных работ и кандидатских диссертаций, подготовкой которых он руководил. А.В. Муравьев возглавил созданную на историческом факультете музейную группу, возобновившую под его руководством работу по истории Московского университета.

На одной из конференций, посвященной памяти ученого, заместитель декана исторического факультета МГУ профессор Л.С. Леонова отметила, «как много внес А.В. Муравьев в становление и развитие истфака. Как преподаватель, он производил незабываемое впечатление. В нем органически сочетались интеллектуальное и нравственное начала, исключительная порядочность и оптимизм»¹.

Родился Анатолий Васильевич в г. Ряжск Рязанской области в семье служащего. По достижении 18 лет в 1942 г. юноша был призван в армию, через несколько месяцев получил воинскую специальность электротехника-подрывника. С июля 1942 г. до сентября 1943 г. находился в действующей армии на Калининском, Воронежском,

¹ Научная конференция «Проблемы истории отечественной культуры (IX–XX вв.)» // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2001. № 6. С. 111–112.

Центральном фронте. После тяжелого ранения в сентябре 1943 г. и последовавшего длительного лечения в госпиталях был демобилизован как инвалид Великой Отечественной войны в звании гвардии старшины. За боевые заслуги А.В. Муравьев был награжден в 1944 г. Орденом Красной Звезды. Позже его воинские и трудовые заслуги были отмечены Орденом Отечественной войны I степени (1985), Почетной грамотой Президиума Верховного Совета РСФСР (1980) и девятью медалями. После создания в университете Совета ветеранов Великой Отечественной войны именно он стал первым председателем секции Совета на историческом факультете и возглавлял ее с 1974 г. до 1987 г., когда Совет был реформирован в объединенный Совет ветеранов войны и труда МГУ.

Подготовку к профессиональной деятельности историка Анатолий Васильевич начал в МГУ в 1944 г., сдав вступительные экзамены на историческом факультете. Три дня во второй половине сентября, в течение которых абитуриент преодолел пять экзаменационных испытаний, провели границу между «фронтовым» и «мирным» этапами в его жизни. Позже А.В. Муравьев вспоминал: «И все пошло, как теперь иногда говорят, своим “путем”: лекции, семинары, языковые занятия, более чем скромные студенческие обеды в столовой, разговоры об истории и “за жизнь” в курилках». Он всегда с теплотой говорил о своих учителях: «...лекции заставляли думать. Впрочем, умение пробудить интерес, заставить задуматься над сказанным было присуще многим нашим учителям»². Но среди всех — а он слушал лекции профессоров М.О. Косвена, Б.Д. Грекова, С.В. Бахрушина, К.В. Базилевича и др. — выделял профессора М.Н. Тихомирова, в семинаре которого занимался на кафедре истории СССР, затем под его руководством учился в аспирантуре, написал кандидатскую диссертацию. Имя его было свято для Анатолия Васильевича. Он приложил много усилий, чтобы сохранить основанную учителем кафедру отечественного источниковедения как самостоятельное учебное подразделение и продолжить традиции одной из лучших исторических школ — школы своего учителя академика М.Н. Тихомирова.

Академик М.Н. Тихомиров, в свою очередь, высоко оценивал молодого ученого. При формировании кадров созданной в 1952 г. первой в нашей стране специальной кафедры источниковедения одним из первых в штат был зачислен А.В. Муравьев, который проработал здесь до конца жизни, пройдя путь от преподавателя до профессора.

² *Муравьев А.В. Мои учителя // Московский университет. 1984. № 36 (3417). 14 мая.*

После ухода с руководства кафедрой ее создателя академика М.Н. Тихомирова, Анатолий Васильевич исполнял обязанности заведующего этим факультетским подразделением в 1962–1966 гг., а в 1967–1976 гг. являлся заместителем заведующего.

О положительных результатах деятельности своего преемника на административной должности М.Н. Тихомиров высказался в письме от 22 февраля 1965 г. ректору МГУ академику И.Г. Петровскому: «На мой взгляд, кафедра за последние годы окрепла, но нуждается в окончательном оформлении ее руководства, которое временно возложено на кандидата исторических наук, доцента Анатолия Васильевича Муравьева... эта кандидатура является наиболее целесообразной»³. Предлагая оставить молодого ученого руководителем кафедры, академик обосновал свое мнение тем, что тот «успешно руководил кафедрой», сочетая административную работу с научной и учебной. М.Н. Тихомиров видел в А.В. Муравьеве «молодого растущего исследователя как раз в области источниковедения, которым занимаются в наших вузах еще недостаточно», который «ведет... подготовительную работу» к написанию докторской диссертации. Эта положительная оценка деятельности А.В. Муравьева показывает, что за десять лет работы на кафедре он стал уникальным для того времени специалистом в области отечественного источниковедения, а также незаменимым преподавателем. А.В. Муравьев, однако, кафедру не возглавил, и причиной тому стало, скорее всего, отсутствие у него в тот момент звания доктора исторических наук, впрочем, защита докторской диссертации по разным причинам так и не состоялась. Но именно ему была отведена роль надежного помощника и соратника И.Д. Ковальченко, возглавившего кафедру источниковедения в 1966 г. Одновременно А.В. Муравьев сохранял преданность принципам научной, педагогической, научно-организационной деятельности, которые были привиты ему М.Н. Тихомировым. Об этом свидетельствуют его выступления и статьи, посвященные памяти учителя⁴.

С приходом И.Д. Ковальченко в истории кафедры начался новый важный период, в течение которого Анатолий Васильевич содействовал обеспечению преемственности в учебной работе препода-

³ Архив РАН. Ф. 693 (М.Н. Тихомиров). Оп. 3. Д. 203. Л. 1.

⁴ *Муравьев А.В.* Население г. Дмитрова в первой четверти XVIII в. // Новое о прошлом нашей страны. Памяти академика М.Н. Тихомирова. М., 1967. С. 329–336; *Он же.* Спецкурс М.Н. Тихомирова «Приказное делопроизводство в XVII в.» // Археографический ежегодник за 1968 год. М., 1970. С. 318–323; *Тихомиров М.Н.* Российское государство XV–XVII вв. / Под ред. А.В. Муравьева, С.О. Шмидта, В.Б. Павлова-Сильванского. М., 1973; *Ковальченко И.Д., Муравьев А.В.* М.Н. Тихомиров и Московский университет // Археографический ежегодник за 1983 год. М., 1985. С. 200–201.

вателей и сохранению сформированного его учителем уникального коллектива специалистов.

Научные интересы и научная деятельность А.В. Муравьева многогранны⁵.

Одним из научных направлений, которым, начиная с учебы в аспирантуре и многие годы после нее основательно занимался А.В. Муравьев, стало изучение истории русских городов первой четверти XVIII в. В 1956 г. он защитил кандидатскую диссертацию по теме «Образование магистратов и первые годы их деятельности (по материалам Московской губернии)»⁶. Постановку проблемы можно назвать новаторской. Это была актуальная, но системно не исследованная проблема реформы городского управления 1720-х гг. на примере Москвы и городов Московской губернии.

После защиты диссертации ученый подготовил и опубликовал ряд статей, посвященных образованию Московского магистрата, демографическим проблемам посадского населения Москвы и Дмитрова, классовой борьбе в русских городах⁷, что дает основание предположить, что он собирался написать докторскую диссертацию, продолжавшую изучение городов первой четверти XVIII в. По оценкам историков, «статьи и публикации... А.В. Муравьева сыграли роль важного этапа в исследованиях городского населения Петровской эпохи»⁸.

Однако с середины 1960-х гг. научные интересы историка изменились. В своем «Докладе о педагогической и научной деятельности и. д. профессора кафедры источниковедения истории СССР исторического факультета Московского государственного университета

⁵ Подробнее о вкладе А.В. Муравьева в развитие исторической науки см.: *Круглова Т.А.* Анатолий Васильевич Муравьев // Кафедра источниковедения исторического факультета Московского университета / Под ред. проф. А.Г. Голикова. СПб., 2019. С. 79–109. (Труды исторического факультета МГУ. Вып. 142. Сер. II: Исторические исследования, 85).

⁶ *Муравьев А.В.* Образование магистратов и первые годы их деятельности: По материалам Московской губернии: дис. ...канд. ист. наук. М., 1956.

⁷ *Муравьев А.В.* Посадское население Москвы в первой четверти XVIII века // Научные доклады высшей школы. Исторические науки. 1959. № 4. С. 97–105; *Он же.* Из материалов по истории классовой борьбы в русском городе начала XVIII в. // Археографический ежегодник за 1959 год. М., 1960. С. 157–163; *Он же.* Из истории образования финансового аппарата России в 20-х годах XVIII века // Археографический ежегодник за 1962 год. М., 1963. С. 254–259; *Он же.* Образование Московского магистрата // Вестник Московского университета. Серия История. 1963. № 3. С. 64–68; *Он же.* Из истории классовой борьбы в Калужском посаде первой четверти XVIII в. // Археографический ежегодник за 1964 год. М., 1965. С. 371–385; *Он же.* Население г. Дмитрова в первой четверти XVIII в. // Новое о прошлом нашей страны. Памяти академика М.Н. Тихомирова. М., 1967. С. 329–336.

⁸ *Володихин Д.М.* А.В. Муравьев как историк русского города // От Московского государства к Российской империи. М., 1998. С. 3–5.

им. М.В. Ломоносова Муравьёва А.В.» за тридцать лет работы в университете, подготовленном для получения ученого звания профессора в 1983 г., он указал, что его научная деятельность велась и ведется в нескольких направлениях⁹. В этом отчете на первое место А.В. Муравьёв поставил научную работу в области специальных и вспомогательных дисциплин. На втором месте оказалось изучение вопросов русской культуры. А.В. Муравьёв писал: «Оно [изучение русской культуры] привело к изданию в 1962 году совместно с А.М. Сахаровым «Очерков русской культуры XI–XVII вв.» [так в тексте]. Там был дан анализ основных особенностей развития русской средневековой культуры, имеющей свои общие и специфические черты. Очерки предназначались как учебное пособие для учителей средней школы», позже Анатолий Васильевич доработал очерки и выпустил новое издание¹⁰. Третье место было отведено изучению русского города эпохи феодализма.

Основания для такой последовательности были. Специальными и вспомогательными дисциплинами А.В. Муравьёв начал заниматься с первого года работы на кафедре, и к 1980-м гг. в этой области исторической науки и источниковедения он сделал уже многое в научном и педагогическом отношении.

На созданной в 1952 г. кафедре источниковедения изначально предполагалось преподавание нескольких специальных дисциплин, среди которых базовым был курс источниковедения истории СССР. Сотрудникам предстояло создать лекционный курс источниковедения истории СССР с древнейшего периода до середины XX в. А.В. Муравьёв читал курс по источниковедению, охватывавший значительный временной отрезок: от древнейшей истории до конца XVIII в. На эту часть отводился первый семестр третьего курса дневного отделения и первый семестр четвертого курса на вечернем и заочном отделениях. Он также проводил практические занятия по отдельным видам источников, подготовил несколько изданий учебно-методического пособия по источниковедению для студентов-заочников, программы курса¹¹.

⁹ «Доклад о педагогической и научной деятельности и.д. профессора кафедры источниковедения истории СССР исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова Муравьёва А.В.» 1983 г. хранится в семейном архиве историка. Выражаем глубокую благодарность Ирине Анатольевне Муравьёвой за возможность воспользоваться материалами семейного архива.

¹⁰ *Муравьёв А.В., Сахаров А.М.* Очерки русской культуры IX–XVII вв. М., 1962; 2-е изд., дораб. М., 1984.

¹¹ См., например: *Антонова С.И., Муравьёв А.В., Панфилова А.М.* Источниковедение истории СССР. Методические указания для студентов-заочников исторических факультетов государственных университетов. М., 1965 (с небольшими изменениями эти пособия для студентов-заочников были переизданы в 1968 и

А.В. Муравьев участвовал в написании всех учебников по источниковедению истории СССР, которые кафедра издала во время его работы на факультете¹². Первый учебник, автором которого был М.Н. Тихомиров, увидел свет в 1962 г. Для данного авторского издания ряд учеников академика написали обзоры источников, которыми они занимались. Право написать и опубликовать характеристику делопроизводственного комплекса документов Главного и городских магистратов получил и А.В. Муравьев¹³. Также он выступил одним из рецензентов этого учебного пособия. Для следующего учебника, вышедшего под редакцией И.Д. Ковальченко в 1973 г., А.В. Муравьев написал вводную главу «Предмет и задачи источниковедения», две главы об источниках по истории народов СССР древнейшего периода и источниках по истории народов СССР X–XVII вв., а также законодательных источниках периода феодализма до XVII в. включительно. В существенно переработанном издании учебника 1981 г., во вводном разделе которого И.Д. Ковальченко изложил основные положения учения об информации применительно к источниковедению, А.В. Муравьевым были написаны параграф об основных стадиях исследовательской работы с источниками, обзоры источников по истории народов СССР древнейшего периода и периода X–XVII вв., а также главы о законодательных актах и актовых материалах¹⁴.

Одновременно коллектив сотрудников кафедры подготовил четыре выпуска сборника документов для практических занятий по источниковедению, дополнившие содержание учебника 1981 г. и материалы лекций. Первый выпуск включал, по принятой на кафедре периодизации корпуса отечественных письменных источников, источники от древнего периода истории СССР до середины XIX в. Данный выпуск подготовили В.А. Плутин и А.В. Муравьев¹⁵. Последний представил в пособии акты и писцовое делопроизводство.

Небольшой коллектив кафедры источниковедения уже в первые годы ее существования наладил преподавание вспомогательных

1973 гг.); Программа курса «Источниковедение истории СССР». Для государственных университетов / Сост. С.В. Воронкова, А.В. Муравьев / Отв. ред. И.Д. Ковальченко. М., 1980; М., 1987.

¹² Подробную характеристику этих учебников см.: Источниковедение и историография // Историческая наука в Московском университете, 1755–2004. М., 2004. С. 218–221.

¹³ Тихомиров М.Н. Источниковедение истории СССР. Вып. 1. С древнейшего времени до конца XVIII века. М., 1962. С. 394–395.

¹⁴ Источниковедение истории СССР. М., 1973; 2-е изд., перераб. и доп. М., 1981.

¹⁵ Сборник документов для практических занятий по источниковедению истории СССР. Вып. 1: Эпоха феодализма. М., 1980.

исторических дисциплин. Важное место среди них занимала русская палеография. Московский университет имеет давние традиции преподавания этой дисциплины. О значении палеографии в деле профессиональной подготовки историков А.В. Муравьев, внесший существенный вклад в реализацию этой задачи, писал: «Палеография дает возможность правильно читать рукописи и выясняет время и место их написания, устанавливает подлинность памятника. Плохое знание основных выводов палеографии и метода палеографического исследования влечет за собой грубые ошибки в исторических исследованиях, поэтому знакомство с палеографией является обязательным для историков»¹⁶. Анатолий Васильевич на протяжении многих лет на всех отделениях читал лекции по русской палеографии и проводил практические занятия по этой дисциплине. Безусловно, для практических занятий требовались особые наглядные учебно-методические материалы, в подготовке которых преподаватель сыграл ведущую роль.

А.В. Муравьев выпустил несколько изданий авторского учебно-методического пособия по палеографии, в 1963 г. им был издан альбом-хрестоматия рукописных текстов разных типов письма из 56 репродукций¹⁷. В этих изданиях он использовал фотокопии, снятые с литографированных образцов русского письма в дореволюционных изданиях, хранившиеся в кафедральном кабинете-библиотеке, по которым до выхода пособий в свет преподаватели занимались со студентами. Количество экземпляров всех изданных пособий позволяет предположить, что по ним обучались не только студенты исторического факультета МГУ, но и студенты многих вузов, где в учебных планах стояла русская палеография¹⁸.

А.В. Муравьев подготовил еще одно пособие по русской палеографии совместно со своим учителем М.Н. Тихомировым, допущенное Министерством высшего и среднего специального образования СССР в качестве учебного пособия для студентов высших учебных заведений. Пособие увидело свет весной 1966 г., а в 1982 г. было до-

¹⁶ *Муравьев А.В.* Палеография. М., 1960. С. 3.

¹⁷ *Муравьев А.В.* Палеография. М., 1960; Изд. 2-е, стереотип. М., 1967; *Он же.* Палеография. Учебно-методическое пособие со сборником снимков с русского письма XI–XVIII вв. для студентов заочного и вечернего отделений исторических факультетов государственных университетов. 3-е изд., стереотип. М., 1971; 4-е изд., стереотип. М., 1975; *Он же.* Палеография. Сборник снимков с русского письма XI–XVIII веков. М., 1963.

¹⁸ Палеографические издания, подготовленные А.В. Муравьевым, были восстановлены в недавнее время. В 2000 г. Чебоксарский университет переиздал альбомную часть пособия 1975 г. См.: *Муравьев А.В.* Палеография. Сборник снимков с русского письма XI–XVIII веков. Чебоксары, 2000.

полнено А.В. Муравьевым и переиздано¹⁹. Оно признается и сегодня «одним из самых популярных отечественных учебников по русской палеографии»²⁰.

Помимо обязательных лекционных курсов, семинаров и практических занятий на кафедре были и факультативные. А.В. Муравьев проводил факультативные занятия по ряду вспомогательных исторических дисциплин, прежде всего по исторической хронологии и исторической метрологии, стараясь дать студентам представление о задачах, содержании предметов и, главное, раскрыть на конкретных исторических источниках методику работы со справочным материалом, который предоставляет каждая из дисциплин²¹.

Историческая география — еще одна дисциплина, которая стала обязательной уже в первом учебном плане кафедры источниковедения. В начале 1960-х гг. и в годы заведывания кафедрой И.Д. Ковальченко курс по исторической географии был хронологически расширен, охватив период с древнейших времен до современности. А.В. Муравьев, одним из первых начавший вести занятия по предмету, был бессменным лектором части курса исторической географии СССР до XVIII в.²² Последняя опубликованная при жизни его статья в соавторстве с И.Д. Ковальченко была посвящена также историко-географической проблематике²³.

Большим достижением кафедры было появление в 1973 г. первого советского университетского учебника по этой дисциплине. Его авторами были ведущие преподаватели курса И.Д. Ковальченко, В.З. Дробижев и А.В. Муравьев²⁴. Впервые в советской истори-

¹⁹ Тихомиров М.Н., Муравьев А.В. Русская палеография: Учеб. пособие для вузов. М., 1966; 2-е изд., доп. М., 1982.

²⁰ Шибанов М.А. Графика «московского полуустава»: историографические заметки // Библиотековедение. 2017. Т. 66. № 3. С. 289.

²¹ Воронкова С.В., Муравьев А.В. Источниковедение и вспомогательные исторические дисциплины в системе вузовского преподавания (Из опыта кафедр отечественной истории исторического факультета МГУ) // История СССР. 1981. № 4. С. 95.

²² Подробнее о роли А.В. Муравьева в разработке вопросов исторической географии и исторической картографии см.: Абрамова Н.Г., Петрова О.С. Историческая география, историческая картография и историческая топонимика: становление и развитие преподавания учебных курсов // Традиции и новации преподавания источниковедения, историографии и методов исторических исследований. К 70-летию кафедры источниковедения исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова и 100-летию со дня рождения академика И.Д. Ковальченко (1923–2023) / Под ред. проф. А.Г. Голикова. СПб., 2023. (Труды исторического факультета МГУ. Вып. 243. Сер. II: Исторические исследования, 167). С. 201–229.

²³ Ковальченко И.Д., Муравьев А.В. Труды по истории взаимосвязи природы и общества // Отечественная история. 1992. № 4. С. 169–175.

²⁴ Историческая география СССР: Учебное пособие / В.З. Дробижев, И.Д. Ковальченко, А.В. Муравьев. М., 1973.

ографии была дана обобщенная характеристика историко-географических условий развития Российского государства с древнейших времен до XX в. включительно, при этом основное внимание уделялось проблемам взаимодействия человека и окружающей среды. К пособию приложены очень хорошие карты. Надо отметить, что до настоящего времени оно остается единственным всеобъемлющим изданием подобного рода, которым пользуются студенты. Особенно удачными являются написанные А.В. Муравьевым главы по исторической географии до XVIII в. Этот раздел учебника, несомненно, может служить образцом для создания нового учебного пособия по исторической географии России.

Академик Н.М. Дружинин в письме И.Д. Ковальченко от 11 апреля 1973 г. писал: «Спасибо Вам и Вашим товарищам-соавторам за “Историческую географию СССР”. Вы сделали большое дело, выпустив эту книгу. Она поможет не только студентам и преподавателям, но и более подготовленным историкам. Фамилии составителей достаточно говорят за доброкачественность собранных и систематизированных данных»²⁵.

Еще одно учебное пособие по исторической географии эпохи феодализма было написано А.В. Муравьевым совместно с В.В. Самаркиным²⁶. Хотя там описывается ограниченный хронологический период, оно также является классическим пособием по дисциплине.

А.В. Муравьев создал не только учебные пособия по исторической географии. Его публикации посвящены развитию исторической географии как учебной дисциплины, совершенствованию содержания курса и методики его преподавания²⁷. Историческую географию преподаватель считал из-за выраженного междисциплинарного характера «сложной» дисциплиной, связанной с развитием как истории, так и географии. Целый ряд его статей посвящен картографическим материалам как источникам для изучения исторического пространства, месту исторических карт в познании прошлого, необходимости обеспечения учебного процесса в высшей

²⁵ И.Д. Ковальченко. Научные труды, письма, воспоминания (из личного архива академика): Сборник материалов / Сост., подготовка текста и примечания Т.В. Ковальченко, Т.А. Кругловой, А.Е. Шикло. М., 2004. С. 297.

²⁶ *Муравьев А.В., Самаркин В.В.* Историческая география эпохи феодализма (Западная Европа и Россия в V–XVII вв.). Учебное пособие для студентов исторических факультетов педагогических институтов. М., 1973.

²⁷ *Муравьев А.В., Самаркин В.В.* Содержание и основные принципы построения курса исторической географии // Материалы к семинару-совещанию по преподаванию исторической географии в высшей школе. Ч. 1. М., 1974. С. 3–37; *Муравьев А.В.* Задачи и содержание вузовского курса исторической географии // Известия Северо-Кавказского научного центра высшей школы. 1976. № 4. С. 97–102; и др.

школе картографическими материалами²⁸. При непосредственном участии А.В. Муравьёва в 1970–1980-х гг. разрабатывалась стратегия в подготовке учебных исторических карт, отвечавших современному уровню развития науки. С 1968 г. он представлял исторический факультет МГУ в Научном совете по исторической географии и картографии при Отделении истории АН СССР. С 1974 г. он выполнял обязанности заместителя председателя Научно-редакционного совета по географическим, геологическим и историческим картам для высших учебных заведений, активно сотрудничал с участниками межфакультетской исследовательской программы «Тематическое, комплексное и аэрокосмическое картографирование», для выполнения которой объединились ученые географического, геологического, биологического и исторического факультетов, а также факультета почвоведения МГУ имени М.В. Ломоносова.

Еще один вид преподавательской деятельности А.В. Муравьёва, связанный с исторической географией, это работа со студентами в специальном семинаре. Под его научным руководством на кафедре источниковедения было подготовлено более 30 дипломных работ. Его студенты защищали дипломы и по истории культуры, и по городской проблематике, что связано с научными интересами их руководителя. Но основная часть дипломных сочинений затрагивала историко-географическую тематику.

Как университетский преподаватель Анатолий Васильевич выполнял помимо педагогической нагрузки различные формы научной и научно-организационной работы, читал спецкурсы, организовывал и проводил студенческие практики, руководил аспирантами, под его руководством было подготовлено семь кандидатских диссертаций, он входил в состав ученых советов и редакционных коллегий и пр. Свой богатый опыт учебно-методической работы передавал другим преподавателям, выступая на всесоюзных совещаниях, конференциях с докладами об учебных курсах по источниковедению и вспомогательным историческим дисциплинам. Для второго издания «Большой советской энциклопедии», например, в 1950-е гг. он подго-

²⁸ *Муравьёв А.В.* Картографическое обеспечение преподавания в высшей школе исторических дисциплин // Карты для высшей школы. Состояние, задачи, перспективы. Тематическое и комплексное картографирование и создание атласов. М., 1977. С. 94–100; *Муравьёв А.В., Баюра В.Н.* Принципы создания системы карт по истории СССР для вузов // Системное картографирование природных и социально-экономических комплексов. Тезисы докладов VII Всесоюзной конференции по тематическому картографированию (Москва, 17–19 октября 1978 г.). М., 1978. С. 128–129; *Муравьёв А.В., Баюра В.Н.* Историко-экономические карты как вид системного тематического картографирования // Новые типы карт. Методы их создания. М., 1983. С. 130–138; *Баюра В.Н., Водарский Я.Е., Муравьёв А.В.* Принципы разработки и тематика историко-экономических карт для вузов // Новые карты для высшей школы: системное картографирование СССР и мира. М., 1987. С. 157–163.

товил около 50 статей, рецензировал издания, связанные с тематикой его собственных исследований²⁹.

В 1970–1980-е гг. А.В. Муравьев был сопредседателем постоянной экспертной комиссии по приемке книг, привозимых университетскими учеными из археографических экспедиций в Отдел редких книг и рукописей Научной библиотеки МГУ, членом ряда научных советов: заместителем председателя Научно-методического совета по истории Министерства высшего и среднего и специального образования (с 1969); членом Научного совета по исторической географии и картографии при Отделении истории АН СССР (с 1968); Координационного совета по подготовке материалов для «Свода памятников истории и культуры по Москве» (с 1972) и др.

А.В. Муравьев стоял у истоков Музея истории МГУ имени М.В. Ломоносова, который был сформирован на базе музейной группы, созданной при кафедре источниковедения для подготовки к 225-летию Московского университета. Руководителем этой группы он был в 1977–1982 гг. Сначала перед сотрудниками группы была поставлена задача подготовить юбилейную выставку для экспонирования ее в залах Государственного исторического музея. Выставка вызвала большой интерес, получила высокую оценку научной общественности, ее экспонаты в значительной степени заложили основы документального и вещественного собрания музея МГУ, который существует и сегодня.

Работа на кафедре источниковедения с момента ее основания придавала А.В. Муравьеву статус хранителя кафедральных традиций. Он всегда считал своим долгом пропагандировать опыт преподавания источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин на историческом факультете МГУ³⁰. Коллеги ответили ему взаимностью. Благодаря их стараниям имя профессора заняло достойное место в истории исторического факультета Московского университета и кафедры источниковедения. О нем имеются *Personalia* в «Энциклопедическом словаре Московского универси-

²⁹ *Муравьев А.В.* [Рец.]: М.Н. Тихомиров. Пособие для изучения Русской Правды. М., 1953 // Московский университет. 1954. № 9; *Он же.* [Рец.]: История СССР с древнейших времен до наших дней. Т. 3. Превращение России в великую державу. Народные движения XVII–XVIII вв. М., 1967 // История СССР. 1968. № 1. С. 146–150; *Он же.* [Рец.]: Культура Древней Руси / Сост. Э.С. Смирнова. Пособие для учителей. Л., 1967 // Преподавание истории в школе. 1968. № 3. С. 105–109; *Он же.* [Рец.]: В.В. Каргалов, А.Н. Сахаров. Полководцы Древней Руси. М., 1985 // Преподавание истории в школе. 1986. № 2. С. 81–82; и др.

³⁰ См.: *Муравьев А.В.* Специальные исторические дисциплины в истории вузовского образования // Актуальные проблемы источниковедения истории СССР, специальных исторических дисциплин и их преподавание в вузах. Тезисы докладов III Всесоюзной конференции, Новороссийск, 1979 г. М., 1979. С. 130–144; *Воронкова С.В., Муравьев А.В.* Кафедра источниковедения истории СССР // Историческая наука в Московском университете (1934–1984). М., 1984. С. 121–150; и др.

тета. Исторический факультет» (М., 2004), о его исследованиях говорится в коллективном труде «Историческая наука в Московском университете. 1755–2004» (М., 2004), в «Летописи Московского университета. Исторический факультет» (М., 2009; 2-е изд., доп. М., 2014), на сайте Фонда знаний «Ломоносов» (lomonosov-fund.ru) и т.д.

В коллективных монографиях по истории кафедры источниковедения («Кафедра источниковедения исторического факультета Московского университета» (СПб., 2019) и «Традиции и новации преподавания источниковедения, историографии и методов исторических исследований. К 70-летию кафедры источниковедения исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова и 100-летию со дня рождения академика И. Д. Ковальченко (1923–2023)» (СПб., 2023) много рассказывается о его научной и педагогической деятельности.

В память о профессоре А.В. Муравьеве на историческом факультете МГУ с 1996 г. проводятся Муравьевские научные чтения³¹, тематика которых характеризует диапазон исследовательских интересов ученого. Заметим, что Чтения 1996 г. стали первыми, организованными кафедрой источниковедения в память о своем коллеге. С тех пор на регулярной основе проводятся научные чтения, посвященные и другим выдающимся профессорам кафедры: И.Д. Ковальченко, В.И. Бовыкину, В.А. Плугину.

Поскольку А.В. Муравьев и поныне является признанным авторитетом в определении содержания, построения учебных курсов и проведения занятий по отечественному источниковедению, по русской палеографии, исторической географии и другим вспомогательным дисциплинам, то в основном именно эти вопросы обсуждались на конференциях его памяти. На конференциях шла речь и о вкладе наших предшественников в становление, сохранение и развитие кафедры источниковедения, и о превращении ее в один из ведущих центров преподавания и изучения проблем источниковедения, историографии, методов исторического исследования и вспомогательных

³¹ *Абрамова Н.Г.* Муравьевские научные чтения // Энциклопедический словарь Московского университета. Исторический факультет. М., 2004. С. 315; Ломоносовские чтения 2004 г. К 250-летию Московского университета. История Московского университета 1755–2004 гг. Материалы V Научных чтений памяти профессора А.В. Муравьева. М., 2004. (Труды исторического факультета МГУ / Под ред. С.П. Карпова. Вып. 30. Серия Исторические исследования, 11); От Московского государства к Российской империи. Тезисы докладов участников III Научных чтений памяти А.В. Муравьева. М., 1998; Научная конференция «От Московского государства к Российской империи. Источниковедческий аспект» // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 1998. № 5; Научная конференция «Проблемы истории отечественной культуры (IX–XX вв.)» // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2001. № 6; Научная конференция «История Московского университета. 1755–2004 гг. (памяти профессора А.В. Муравьева)» // Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2005. № 1.

исторических дисциплин, и о совершенствовании преподавания учебных дисциплин, которые ведет кафедра, и о реформировании учебных планов, подготовке новых учебных программ, учебников и учебных пособий, о повседневной учебной и научной работе кафедры, об истории Московского университета и истории отечественной культуры.

Первые чтения (1996) состоялись в форме научно-методической конференции «Историческая география. Преподавание в вузах: проблемы и перспективы». На Вторых чтениях (1997) обсуждались проблемы преподавания вспомогательных исторических дисциплин. В рамках Третьих чтений (1998) «От Московского государства к Российской империи» работали две секции; «Русская культура XVII–XVIII столетий. Источниковедческие проблемы» и «Социально-политическое развитие России в XVII–XVIII вв. Источниковедческие проблемы». Четвертые чтения (2001) проводились кафедрой источниковедения совместно с лабораторией истории русской культуры исторического факультета МГУ. На этих чтениях рассматривались проблемы истории отечественной культуры (IX–XX вв.) и истории Московского университета. Тема Пярых чтений (2004) — «История Московского университета, 1755–2004 гг.» — была приурочена к 80-летию со дня рождения А.В. Муравьёва и целиком посвящена истории Московского университета. На Шестых чтениях (2009) обсуждались вопросы преподавания и изучения исторической географии. В 2014 г. Седьмые научные чтения были специально посвящены «Преподаванию вспомогательных исторических дисциплин в контексте перехода к двухуровневой системе образования: бакалавриат — магистратура». Темой Восьмых чтений (2018) стала «История Московского университета: кафедра источниковедения». 2 апреля 2024 г. прошли Девятые чтения: «Профессор Московского университета А.В. Муравьёв. К 100-летию со дня рождения».

Отдавая дань уважения А.В. Муравьёву, надо отметить, что он в течение четырех десятков лет играл большую роль в становлении и развитии кафедры источниковедения. Велик его вклад как преподавателя и создателя учебно-методической литературы по дисциплинам, преподавание которых осуществляла кафедра. И особо следует отметить значение его трудов и его личности для сохранения университетских традиций на кафедре источниковедения и на историческом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова.

References

Abramova N.G. *Muravyevskie nauchnye chteniya* [Muravyev Scientific Readings] // *Entsiklopedicheskiy slovar' Moskovskogo universiteta. Istoricheskiy fakul'tet* [Encyclopedic Dictionary of Moscow University. Faculty of History] / Ed. by S.P. Karpov. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta; ROSSPEN, 2004. P. 315.

Abramova N.G., Petrova O.S. *Istoricheskaya geografiya, istoricheskaya kartografiya i istoricheskaya toponimika: stanovlenie i razvitie prepodavaniya uchebnykh kursov* [Historical Geography, Historical Cartography, and Historical Toponymy: Formation and Development of Teaching Courses] // *Traditsii i novatsii prepodavaniya istochnikovedeniya, istoriografii i metodov istoricheskikh issledovaniy. K 70-letiyu kafedry istochnikovedeniya istoricheskogo fakul'teta MGU imeni M.V. Lomonosova i 100-letiyu so dnya rozhdeniya akademika I.D. Koval'chenko (1923–2023)* [Traditions and Innovations in Teaching Source Studies, Historiography, and Methods of Historical Research. For the 70th Anniversary of the Department of Source Studies of the Faculty of History at Lomonosov Moscow State University and the 100th Anniversary of the Birth of I.D. Koval'chenko] / Ed. by A.G. Golikov. Saint Petersburg: Aleteiya, 2023. P. 201–229. (Trudy istoricheskogo fakul'teta MGU. Issue 243. Series II. Istoricheskie issledovaniya, 167).

Antonova S.I., Murav'yev A.V., Panfilova A.M. *Istochnikovedenie istorii SSSR. Metodicheskie ukazaniya dlya studentov-zaochnikov istoricheskikh fakul'tetov gosudarstvennykh universitetov* [Source Studies of the History of the USSR. Methodological Guidelines for Distance Learning Students of the History Faculties of State Universities]. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 1965. 80 p.; 2nd ed., suppl. 1968. 91 p.; 3rd ed. 1973. 94 p.

Bayura V.N., Vodarskiy Ya.E., Murav'yev A.V. *Printsipy razrabotki i tematika istoriko-ekonomicheskikh kart dlya vuzov* [Principles of Development and Themes of Historical and Economic Maps for Universities] // *Novye karty dlya vysshey shkoly: sistemnoe kartografirovanie SSSR i mira* [New Maps for Higher Education: Systematic Mapping of the USSR and the World]. Moscow: Izdatel'stvo MGU, 1987. P. 157–163.

Drobizhev V.Z., Koval'chenko I.D., Murav'yev A.V. *Istoricheskaya geografiya SSSR: uchebnoe posobie* [Historical Geography of the USSR: Textbook]. Moscow: Vysshaya shkola, 1973. 320 p.

I.D. Koval'chenko. *Nauchnyye trudy, pis'ma, vospominaniya (iz lichnogo arkhiva akademika): sbornik materialov* [I.D. Koval'chenko. Scientific Works, Letters, Memoirs (from the Personal Archive of the Academician): A Collection of Materials] / Compiled, ed., and annot. by T.V. Koval'chenko, T.A. Kruglova, A.E. Shiklo. Moscow: ROSSPEN, 2004. 520 p.

Istochnikovedenie i istoriografiya [Source Studies and Historiography] // *Istoricheskaya nauka v Moskovskom universitete, 1755–2004* [Historical Science at Moscow University, 1755–2004] / Ed. by S.P. Karpov. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 2004. P. 218–221.

Istochnikovedeniye istorii SSSR: uchebnik dlya istoricheskikh spetsial'nostey universitetov i pedagogicheskikh institutov [Source Studies of the History of the USSR: A Textbook for Historical Specialties of Universities and Pedagogical Institutes] / Ed. by I.D. Koval'chenko. 2nd ed., revised and supplemented. Moscow: Vysshaya shkola, 1981. 496 p.

Istochnikovedeniye istorii SSSR. Uchebnik dlya vuzov [Source Studies of the History of the USSR. A University Textbook] / Ed. by I.D. Koval'chenko. Moscow: Vysshaya shkola, 1973. 560 p.

Istoriya Moskovskogo universiteta 1755–2004 gg. Materialy V Nauchnykh chteniy pamyati professora A.V. Murav'yeva. Lomonosovskie chteniya 2004 g. K 250-letiyu Moskovskogo universiteta [History of Moscow University 1755–2004. The Acta of the 5th Scientific Readings in Memory of Professor A.V. Murav'yev. Lomonosov Readings 2004. To the 250th Anniversary of Moscow University]. Moscow: Istoricheskiy fakul'tet MGU, 2004. 424 p. (Trudy istoricheskogo fakul'teta MGU. Issue 30. Series II. Istoricheskie issledovaniya, 11).

Kafedra istochnikovedeniya istoricheskogo fakul'teta Moskovskogo universiteta [The Department of Source Studies of the Faculty of History at Moscow University] / Ed. by A.G. Golikov. Saint Petersburg: Aleteia, 2019. 302 p. (Trudy istoricheskogo fakulteta MGU. Issue 142. Series II. Istoricheskiye issledovaniya, 85).

Koval'chenko I.D., Murav'yev A.V. M.N. *Tikhomirov i Moskovskiy universitet* [M.N. Tikhomirov and Moscow University] // *Arkheograficheskiy ezhegodnik za 1983 god* [Archeographic Yearbook for 1983]. Moscow: Nauka, 1985. P. 200–201.

Koval'chenko I.D., Murav'yev A.V. *Trudy po istorii vzaimosvyazi prirody i obshchestva* [Works on the History of the Interconnection between Nature and Society] // *Otechestvennaya istoriya*. 1992. N 4. P. 169–175.

Kruglova T.A. *Anatoliy Vasilievich Murav'yev* // *Kafedra istochnikovedeniya istoricheskogo fakul'teta Moskovskogo universiteta* [Department of Source Studies of the Faculty of History at Moscow University] / Ed. by prof. A.G. Golikov. Saint Petersburg: Aleteia, 2019. P. 79–109. (Trudy istoricheskogo fakul'teta MGU. Issue 142. Series II. Istoricheskiye issledovaniya, 85).

Kruglova T.A. *Murav'yev Anatoliy Vasilievich* // *Entsiklopedicheskiy slovar' Moskovskogo universiteta. Istoricheskiy fakul'tet* [Encyclopedic Dictionary of Moscow University. Faculty of History] / Ed. by S.P. Karpov. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta; ROSSPEN, 2004. P. 313–315.

Letopis' Moskovskogo universiteta. Istoricheskiy fakul'tet [Chronicle of Moscow University. Faculty of History] / Ed. by S.P. Karpov. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 2009. 384 p.; 2nd ed., rev. 2014. 528 p.

Metodicheskie ukazaniya k prakticheskim zanyatiyam po istochnikovedeniyu istorii SSSR [Methodological Guidelines for Practical Classes on Source Studies of the History of the USSR] / Comp. by A.V. Murav'yev, S.V. Voronkova. Moscow: [s. n.], 1985. 23 p.

Murav'yev A.V. *Iz istorii klassovoy bor'by v Kaluzhskom posade pervoy chetverti XVIII v.* [On the History of Class Struggle in the Kaluga Posad in the First Quarter of the 18th Century] // *Arkheograficheskiy ezhegodnik za 1964 god* [Archeographic Yearbook for 1964]. Moscow: Nauka, 1965. P. 371–385.

Murav'yev A.V. *Iz istorii obrazovaniya finansovogo apparata Rossii v 20-kh godakh XVIII veka* [On the History of the Formation of the Financial Apparatus of Russia in the 1720s] // *Arkheograficheskiy ezhegodnik za 1962 god* [Archeographic Yearbook for 1962]. Moscow: Nauka, 1963. P. 254–259.

Murav'yev A.V. *Iz materialov po istorii klassovoy bor'by v russkom gorode nachala XVIII v.* [From Materials on the History of Class Struggle in the Early 18th-Century Russian Town] // *Arkheograficheskiy ezhegodnik za 1959 god* [Archeographic Yearbook for 1959]. Moscow: Nauka, 1960. P. 157–163.

Murav'yev A.V. *Kartograficheskoe obespechenie prepodavaniya v vysshey shkole istoricheskikh distsiplin* [Cartographic Support for Teaching Historical Disciplines in Higher Education] // *Karty dlya vysshey shkoly. Sostoyanie, zadachi, perspektivy. Tematicheskoe i kompleksnoe kartografirovaniye i sozdaniye atlasov* [Maps for Higher Education. State, Tasks, Prospects. Thematic and Complex Mapping and Atlas Creation]. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 1977. P. 94–100.

Murav'yev A.V. *Moi uchitelya* [My Teachers] // *Moskovskiy universitet*. 1984. N 36 (3417). May 14.

Murav'yev A.V. *Naseleniye g. Dmitrova v pervoy chetverti XVIII v.* [Population of Dmitrov in the First Quarter of the 18th Century] // *Novoe o proshlom nashey strany. Pamyati akademika M.N. Tikhomirova* [New Information about the Past of Our Country. In Memory of Academician M.N. Tikhomirov]. Moscow: Nauka, 1967. P. 329–336.

Murav'ev A.V. *Obrazovanie magistratov i pervye gody ikh deyatelnosti: po materialam Moskovskoy gubernii: dissertatsiya ... kandidata istoricheskikh nauk* [Formation of Magistrates and Their Early Years: Based on Materials from Moscow Province: PhD Candidate in History Dissertation]. Moscow: M.V. Lomonosov Moscow State University, 1956. 293 p.

Murav'ev A.V. *Obrazovanie Moskovskogo magistrata* [Formation of the Moscow Magistrate] // *Vestnik Moskovskogo universiteta*. Series "Istoriya". 1963. N 3. P. 64–68.

Murav'ev A.V. *Paleografiya. Sbornik snimkov s russkogo pis'ma XI–XVIII vekov* [Paleography. A Collection of Images from Russian Writing from the 11th through the 18th Centuries]. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 1963. 57 p.

Murav'ev A.V. *Paleografiya. Sbornik snimkov s russkogo pis'ma XI–XVIII vekov* [Paleography. A Collection of Images from Russian Writing from the 11th through the 18th Centuries]. Stereotyped Repr. Cheboksary: Izdatel'stvo Chuvashskogo universiteta, 2000. 59 p.

Murav'ev A.V. *Paleografiya. Uchebno-metodicheskoe posobie dlya studentov istoricheskikh fakul'tetov gosudarstvennykh universitetov* [Paleography. Educational and Methodological Guide for Students of Historical Faculties of State Universities]. 2nd ed., stereotyped. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 1967. 35 p.

Murav'ev A.V. *Paleografiya. Uchebno-metodicheskoe posobie dlya studentov-zaochnikov istoricheskikh fakul'tetov gosudarstvennykh universitetov* [Paleography. Educational and Methodological Guide for Distance Learning Students of Historical Faculties of State Universities]. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 1960. 40 p.

Murav'ev A.V. *Paleografiya. Uchebno-metodicheskoe posobie so sbornikom snimkov s russkogo pis'ma XI–XVIII vv. dlya studentov zaochnogo i vechernego otdeleniy istoricheskikh fakul'tetov gosudarstvennykh universitetov* [Paleography. Educational and Methodological Guide with a Collection of Images from Russian Writing from the 11th through the 18th Centuries for Distance and Evening Students of Historical Faculties of State Universities]. 3rd ed., stereotyped. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 1971. 104 p.; 4th ed., stereotyped. Moscow, 1975. 105 p.

Murav'ev A.V. *Posadskoe naselenie Moskvy v pervoy chetverti XVIII veka* [Urban Population of Moscow in the First Quarter of the 18th Century] // *Nauchnye doklady vysshey shkoly. Istoricheskie nauki*. 1959. N 4. P. 97–105.

Murav'ev A.V. [Rec.] *Istoriya SSSR s drevneyshikh vremen do nashikh dney*. T. 3. *Prevrashchenie Rossii v velikuyu derzhavu. Narodnye dvizheniya XVII–XVIII vv.* [History of the USSR from Ancient Times to the Present Day. Vol. 3. The Transformation of Russia into a Great Power. People's Movements of the 17th and 18th Centuries]. Moscow, 1967 // *Istoriya SSSR*. 1968. N 1. P. 146–150.

Murav'ev A.V. [Rec.] *Kultura Drevney Rusi / Sost. E.S. Smirnova. Posobie dlya uchiteley*. Leningrad, 1967 [Culture of Ancient Rus' / Comp. by E.S. Smirnova. Teacher's Guide] // *Prepodavanie istorii v shkole*. 1968. N 3. P. 105–109.

Murav'ev A.V. [Rec.] M.N. Tikhomirov. *Posobie dlya izucheniya Russkoy Pravdy*. Moscow, 1953 [M.N. Tikhomirov. Study Guide for the Russian Pravda] // *Moskovskiy universitet*. 1954. N 9.

Murav'ev A.V. [Rec.] V.V. Kargalov, A.N. Sakharov. *Polkovodtsy Drevney Rusi*. Moscow, 1985 [V.V. Kargalov, A.N. Sakharov. Commanders of Ancient Rus'] // *Prepodavanie istorii v shkole*. 1986. N 2. P. 81–82.

Murav'ev A.V. *Spetsial'nye istoricheskie distsipliny v istorii vuzovskogo obrazovaniya* [Special Historical Disciplines in the History of Higher Education] // *Aktual'nye problemy istochnikovedeniya istorii SSSR, spetsial'nykh istoricheskikh distsiplin i ikh prepodavanie v vuzakh. Tezisy dokumentov III Vsesoyuznoy konferentsii* [Topical Problems

of Source Studies of the History of the USSR, Special Historical Disciplines, and Their Teaching in Universities. Abstracts of Documents of the 3rd All-Union Conference]. Novorossiysk, 1979. Moscow: Institute of History, 1979. P. 130–144.

Murav'yev A.V. *Spetskurs M.N. Tikhomirova "Prikaznoe deloproizvodstvo v XVII v."* [M.N. Tikhomirov's Special Course "Office Work in the 17th Century"] // *Arkhеографический ежегодник за 1968 год* [Archeographic Yearbook for 1968]. Moscow: Nauka, 1970. P. 318–323.

Murav'yev A.V. *Zadachi i sodержanie vuzovskogo kursa istoricheskoy geografii* [Tasks and Content of the University Course on Historical Geography] // *Izvestiya Severo-Kavkazskogo nauchnogo tsentra vysshey shkoly*. 1976. N 4. P. 97–102.

Murav'yev A.V., Bayura V.N. *Istoriko-ekonomicheskie karty kak vid sistemnogo tematicheskogo kartografirovaniya* [Historical-Economic Maps as a Type of Systematic Thematic Mapping] // *Novye tipy kart. Metody ikh sozdaniya* [New Types of Maps. Methods of Their Creation]. Moscow: Izdatel'stvo MGU, 1983. P. 130–138.

Murav'yev A.V., Bayura V.N. *Printsipy sozdaniya sistemy kart po istorii SSSR dlya vuzov* [Principles of Creating a System of Maps on the History of the USSR for Universities] // *Sistemnoe kartografirovaniye prirodnykh i sotsial'no-ekonomicheskikh kompleksov. Tezisy dokladov VII Vsesoyuznoy konferentsii po tematicheskomu kartografirovaniyu* [Systematic Mapping of Natural and Socio-Economic Complexes. Abstracts of Reports of the 7th All-Union Conference on Thematic Mapping]. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 1978. P. 128–129.

Murav'yev A.V., Sakharov A.M. *Ocherki russkoy kultury IX–XVII vv.* [Essays on Russian Culture from the 9th through the 17th Centuries]. Moscow: Uchpedgiz, 1962. 347 p.; 2nd ed., rev. Moscow: Prosveshchenie, 1984. 336 p.

Murav'yev A.V., Samarkin V.V. *Istoricheskaya geografiya epokhi feodalizma (Zapadnaya Evropa i Rossiya v V–XVII vv.). Uchebnoe posobie dlya studentov istoricheskikh fakul'tetov pedagogicheskikh institutov* [Historical Geography of the Feudal Era (Western Europe and Russia from the 5th through the 17th Centuries). Textbook for Students of Historical Faculties of Pedagogical Institutes]. Moscow: Prosveshchenie, 1973. 144 p.

Murav'yev A.V., Samarkin V.V. *Soderzhanie i osnovnye printsipy postroeniya kursa istoricheskoy geografii* [Content and Basic Principles of Building the Course of Historical Geography] // *Materialy k seminaru-soveshchaniyu po prepodavaniyu istoricheskoy geografii v vysshey shkole* [Materials for the Seminar-Meeting on Teaching Historical Geography in Higher Education]. Part 1. Moscow: [s. n.], 1974. P. 3–37.

Nauchnaya konferentsiya "Ot Moskovskogo gosudarstva k Rossiyskoy imperii. Istochnikovedcheskiy aspekt" [Scientific Conference "From the Moscow State to the Russian Empire. Source Study Aspect"] // *Vestnik Moskovskogo universiteta*. Series 8. *Istoriya*. 1998. N 5. P. 98–102.

Nauchnaya konferentsiya "Problemy istorii otechestvennoy kul'tury (IX–XX vv.)" [Scientific Conference "Problems of the History of National Culture (from the 9th through the 20th Centuries)"] // *Vestnik Moskovskogo universiteta*. Series 8. *Istoriya*. 2001. N 6. P. 111–112.

Ot Moskovskogo gosudarstva k Rossiyskoy imperii. Tezisy dokladov uchastnikov III Nauchnykh chteniy pamyati A.V. Murav'yeva na kafedre istochnikovedeniya istoricheskogo fakul'teta [From the Moscow State to the Russian Empire. Abstracts of the Reports of the Participants of the 3rd Scientific Readings in Memory of A.V. Murav'yev at the Department of Source Studies of the Faculty of History]. Moscow: Kuz'ma, 1998. 70 p.

Programma distsipliny "Istochnikovedenie istorii SSSR". Dlya gosudarstvennykh universitetov [Discipline Program "Source Studies of the History of the USSR". For State

Universities] / Comp. by A.V. Murav'yev, S.V. Voronkova; ed. by I.D. Koval'chenko. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 1987. 28 p.

Programma kursa "Istochnikovedenie istorii SSSR". Dlya gosudarstvennykh universitetov [Course Program "Source Studies of the History of the USSR". For State Universities] / Comp. by S.V. Voronkova, A.V. Murav'yev; ed. by I.D. Koval'chenko. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 1980. 22 p.

Sbornik dokumentov dlya prakticheskikh zanyatiy po istochnikovedeniyu istorii SSSR. Uchebnoe posobie [Collection of Documents for Practical Classes on Source Studies of the History of the USSR. Textbook] / Ed. by I.D. Koval'chenko. Issue 1. *Epocha feodalizma* [The Feudal Era]. Moscow: Vysshaya shkola, 1980. 272 p.

Shibanov M.A. *Grafika "moskovskogo poluustava": istoriograficheskiye zametki* [The Graphics of the "Moscow Poluustav": Historiographical Notes] // *Bibliotekovedeniye*. 2017. Vol. 66. N 3. P. 287–292.

Tikhomirov M.N. *Istochnikovedenie istorii SSSR* [Source Studies of the History of the USSR]. Issue 1. *S drevneyshikh vremen do kontsa XVIII veka. Uchebnoe posobiye* [From Ancient Times to the End of the 18th Century. Textbook]. Moscow: SotsEkGiz, 1962. 495 p.

Tikhomirov M.N. *Rossiyskoye gosudarstvo XV–XVII vv.* [The Russian State from the 15th through the 17th Centuries] / Ed. by A.V. Murav'yev, S.O. Schmidt, V.B. Pavlov-Sil'vanskiy. Moscow: Nauka, 1973. 423 p.

Tikhomirov M.N., Murav'yev A.V. *Russkaya paleografiya: uchebnoe posobiye dlya vuzov* [Russian Paleography: Textbook for Universities]. Moscow: Vysshaya shkola, 1966. 288 p.; 2nd ed., rev. 1982. 200 p.

Traditsii i novatsii prepodavaniya istochnikovedeniya, istoriografii i metodov istoricheskikh issledovaniy. K 70-letiyu kafedry istochnikovedeniya istoricheskogo fakul'teta MGU imeni M.V. Lomonosova i 100-letiyu so dnya rozhdeniya akademika I.D. Koval'chenko (1923–2023) [Traditions and Innovations in Teaching Source Studies, Historiography, and Methods of Historical Research. On the 70th Anniversary of the Department of Source Studies of the Faculty of History of Moscow State University and the 100th Anniversary of the Birth of Academician I.D. Koval'chenko] / Ed. by A.G. Golikov. Saint Petersburg: Aleteia, 2023. 252 p. (Trudy istoricheskogo fakul'teta MGU. Issue 243. Series II. Istoricheskie issledovaniya, 167).

Volodikhin D.M. *A.V. Murav'yev kak istorik russkogo goroda* [A.V. Murav'yev as a Historian of Russian Town] // *Ot Moskovskogo gosudarstva k Rossiyskoy imperii. Tezisy dokladov uchastnikov III Nauchnykh chteniy pamyati A.V. Murav'yeva na kafedre istochnikovedeniya istoricheskogo fakul'teta MGU imeni M.V. Lomonosova* [From the Moscow State to the Russian Empire. Abstracts of the Reports of the Participants of the 3rd Scientific Readings in Memory of A.V. Murav'yev at the Department of Source Studies of the Faculty of History]. Moscow: Kuz'ma, 1998. P. 3–5.

Voronkova S.V., Murav'yev A.V. *Istochnikovedenie i vspomogatel'nye istoricheskie distsipliny v sisteme vuzovskogo prepodavaniya (Iz opyta kafedr otechestvennoy istorii istoricheskogo fakul'teta MGU)* [Source Studies and Auxiliary Historical Disciplines in the University Teaching System (Experience of the Departments of National History of the Faculty of History at Moscow State University)] // *Istoriya SSSR*. 1981. N 4. P. 85–96.

Voronkova S.V., Murav'yev A.V. *Kafedra istochnikovedeniya istorii SSSR* [Department of Source Studies of the History of the USSR] // *Istoricheskaya nauka v Moskovskom universitete (1934–1984)* [Historical Science at Moscow University]. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 1984. P. 121–150.

Поступила в редакцию
14 ноября 2023 г.

DOI: 10.55959/MSU0130-0083-8-2024-65-2-83-96

Е.В. Камаева (Буреева)

**ДЕНЕЖНО-ВЕЩЕВЫЕ ЛОТЕРЕИ ВЛКСМ
КАК ИСТОЧНИК ПОПОЛНЕНИЯ БЮДЖЕТА
КОМСОМОЛА В 1957–1985 гг.**

E. V. Kamaeva (Bureeva)

**CASH AND PRIZE LOTTERIES OF THE
KOMSOMOL AS A SOURCE OF ITS BUDGET
FROM 1957 THROUGH 1985**

Аннотация. История комсомольских денежно-вещевых лотерей берет свое начало в 1957 г. С такой инициативой выступил созданный в 1956 г. Комитет комсомольских организаций СССР при ЦК ВЛКСМ. Это было новое для комсомола направление работы (ранее средства, помимо членских взносов, получались за счет субботников, сбора металлолома, макулатуры и т.п.). Все лотереи объединяет время их проведения — они были приурочены к Всемирным фестивалям молодежи и студентов, а также цель: они были призваны привлечь в комсомольский бюджет дополнительные средства, необходимые для организации фестивалей. Особенно актуально это стало после 1959 г., когда ВЛКСМ лишился государственной дотации и был вынужден самостоятельно формировать свой бюджет. Фестивали молодежи имели важный идеологический и воспитательный характер и проводились с большим размахом. Также в рамках фестивалей ВЛКСМ оказывал материальную помощь делегатам из стран Азии и Африки, а иногда полностью оплачивал их участие в мероприятии. Всю работу по проведению лотереи — от составления эскиза лотерейного билета до распространения тиража — обеспечивал комсомол. Анализ комплекса архивных документов, представленных финансовыми отчетами, бюджетными планами, а также постановлениями и материалами секретариатов и бюро, наглядно свидетельствует, что средства, полученные от реализации лотерей, каждый раз оказывались значительно меньше ожидаемых. Для решения проблемы

Камаева (Буреева) Елена Викторовна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и философии Казанского государственного архитектурно-строительного университета

Kamaeva (Bureeva) Elena Viktorovna, PhD Candidate in History, Associate Professor, Department of History and Philosophy, Kazan State University of Architecture and Engineering

bureeva27@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-2274-9931

начали создаваться региональные лотерейные комитеты и вводиться планы по реализации билетов для комсомольских организаций. Однако на фоне роста членских взносов молодежь не спешила приобретать лотерейные билеты. В итоге региональные комитеты не справлялись с плановыми заданиями по продаже билетов. ЦК ВЛКСМ нашел выход из создавшейся ситуации, изымая недостающую сумму из привлеченных средств. Впрочем, лотерейные билеты с большой охотой приобретали иностранные участники фестивалей молодежи в качестве памятного сувенира, тем более что они продавались в сувенирных киосках.

Ключевые слова: денежно-вещевая лотерея, фестивали молодежи и студентов, Комитет молодежных организаций, финансовое обеспечение, привлеченные средства, распространение лотерейных билетов.

Abstract. The history of the Komsomol cash and prize lotteries begins in 1957. This initiative was proposed by the Committee of Youth Organizations of the USSR under the Central Committee of the Komsomol, which was established in 1956. This marked a new direction in the Komsomol's activities (previously, funds were obtained from membership fees, subbotniks, collection of scrap metal, waste paper, etc.). All the lotteries were timed to coincide with the World Festivals of Youth and Students and aimed at attracting additional funds to the Komsomol budget for organizing the festivals. This became especially relevant after 1959, when the Komsomol lost its state subsidy and was forced to independently form its budget. The youth festivals had important ideological and educational significance and were held on a grand scale. In addition, within the framework of the festivals, the Komsomol provided material assistance to delegates from Asia and Africa, and sometimes fully covered their participation in the event. The Komsomol managed all aspects of the lottery from designing the lottery tickets to distributing them. Analysis of a range of archival documents, including financial reports, budget plans, as well as decrees and materials from secretariats and bureaus, clearly shows that the funds raised from the lotteries were consistently much less than expected. To address the issue, regional lottery committees were established, and plans for ticket sales were introduced for Komsomol organizations. However, against the backdrop of increasing membership fees, the youth were in no hurry to buy lottery tickets. As a result, regional committees failed to meet the planned ticket sales targets. The Central Committee of the Komsomol found a solution by withdrawing the missing amount from other raised funds. Nevertheless, lottery tickets were more eagerly purchased by foreign participants of the youth festivals as a memorable souvenir, especially since they were sold in souvenir kiosks.

Keywords: cash and prize lottery, youth and student festivals, Committee of Youth Organizations, financial support, raised funds, lottery ticket distribution.

* * *

Практика проведение денежно-вещевых лотерей берет свое начало с момента образования советского государства. В период до Великой Отечественной войны организатором проведения лотерей выступало как государство, так и различные общественные

организации. В 1957 г. впервые с подобной инициативой выступил Комитет молодежных организаций СССР, положив начало комсомольским лотереям. Все последующие лотереи объединяет время проведения — они были приурочены к Всемирным фестивалям молодежи и студентов, а также цель: они были призваны привлечь в комсомольский бюджет дополнительные средства, необходимые для организации фестивалей. В работах историков и экономистов, посвященных лотерейной деятельности, история и практика проведения комсомольских лотерей не стала предметом отдельного исследования.

Анализ связанной с нашей темой историографии позволил дифференцировать ее в соответствии с проблемным принципом. В первую группу условно можно выделить работы Н.Ф. Басова, В.П. Мошняги, И.А. Володина, В.Н. Горлова, А.Д. Попова, в которых рассматривается развитие фестивального движения, условия проведения и особенности содержания Всемирных фестивалей и форумов молодежи¹. Авторы делают акцент на международной деятельности ВЛКСМ, политическом и воспитательном значении фестивалей, их значении для развития культуры. Финансовый вопрос их организации, в том числе роли лотерей, в данных исследованиях не рассматривался.

Ко второй группе следует отнести работы, посвященные истории развития советских лотерей. В статье П.В. Ткаченко представлен анализ изменения оформления денежно-вещевых лотерей, проводимых Министерством финансов РСФСР с 1958 по 1991 г.² Е.В. Ковтун дает анализ нормативно-правового регулирования лотерейной деятельности в 1925–1930-х гг. Автор выделяет всесоюзные лотереи — Осоавиахима, ОЗЕТа, Общества друзей радио, Ассоциации художников России, Союза воинствующих безбожников; всероссийские лотереи — Деткомиссии ВЦИК, Общества «Долой неграмотность», Общества «Автодор», Общества борьбы с алкоголизмом; лотереи со-

¹ Басов Н.Ф. Всемирные фестивали демократической молодежи: история и современность // Вестник КГУ. 2017. С. 200–205; Мошняга В.П. Всемирные фестивали молодежи и студентов (1947–1989). М., 1989; Володин И.А. Международное молодежное и студенческое движение: этапы большого пути // Научные труды Московского гуманитарного университета. 2018. № 6. С. 55–71; Горлов В.Н. Фестиваль молодёжи в 1957 г. изменил СССР: первый прорыв «железного занавеса» // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2021. № 1. С. 87–97; Попов А. Д. Последнее советское мегасобытие: XII Всемирный фестиваль молодежи и студентов 1985 года в Москве // Новейшая история России. 2018. Т. 8, № 4. С. 1017–1031.

² Ткаченко П.В. Денежно-вещевая лотерея Министерства финансов РСФСР как отражение социально-экономической политики // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2021. № 1 (34). С. 342–344.

юзных республик. Отдельный раздел работы посвящен борьбе органов государственной власти с «незаконными» лотереями³. В центре исследования А.А. Агеева — история развития лотерей в оборонном Обществе, цели и задачи их проведения, роль и место лотерей в оборонно-массовой работе⁴. М.Д. Новиков на основе анализа писем и обращений населения Ленинграда в органы государственной власти делает вывод о достаточно положительном отношении населения к займам и лотереям⁵.

К сфере организации лотерей оказался причастен и комсомол. Прекращение государственного финансирования ВЛКСМ в 1959 г. привело комсомольскую организацию к поиску дополнительных источников пополнения своего бюджета. Особенно остро эта проблема обозначалась в годы проведения Всемирных фестивалей молодежи, когда политически важно было продемонстрировать авторитет ВЛКСМ и представить большую делегацию советских участников. Таким финансовым источником стал выпуск и продажа марок, значков и лотерейных билетов, которые в добровольно-принудительном порядке распространялись среди молодежи.

Цель настоящей статьи заключается в комплексном анализе нового для комсомола направления работы — организации и проведения денежно-вещевых лотерей. Источниковую базу исследования составили как опубликованные, так и архивные документы. В качестве опубликованных источников использовались инструкции ЦК ВЛКСМ о проведении денежно-вещевых лотерей 1968 г. и 1973 г., которые в виде брошюр под грифом «для служебного использования» направлялись в комсомольские организации. Они регламентировали условия проведения лотереи, призы, которые будут разыграны, и порядок распределения средств⁶.

Архивные документы представлены материалами Российского государственного архива социально-политической истории и Государственного архива Республики Татарстан. Документы ЦК ВЛКСМ — финансовые отчеты Управления делами ЦК ВЛКСМ, бюд-

³ Ковтун Е.В. История советских лотерей. 1925–1930. СПб., 2021.

⁴ Агеев А.А. Лотереи ДОСААФ и оборонная работа. М., 1987.

⁵ Новиков М.Д. Рационализаторские предложения граждан по советским массовым займам 1946–1957 гг. и проекты «лотерей мира» как попытка влияния общества на государственную финансовую политику // Петербургский исторический журнал. 2022. № 2. С. 82–93.

⁶ Центральный лотерейный комитет. Инструкция по проведению всесоюзной денежно-вещевой лотереи «IX Всемирный фестиваль молодежи и студентов». М., 1968; Постановление Бюро ЦК ВЛКСМ и инструкция о проведении Всесоюзной денежно-вещевой лотереи «X всемирный фестиваль молодежи и студентов». М., 1973. С. 18.

жетные планы, протоколы заседания бюро и секретариата — содержат информацию о финансовом обеспечении проведения лотерей и распределении полученных средств.

Документы Татарского обкома ВЛКСМ, городских и районных комитетов, отложившиеся в фондах Государственного архива Республики Татарстан, позволяют проследить процесс и проблемы, связанные с распространением лотерейных билетов, а также отношение к лотереям комсомольцев.

Исследователи указывают, что первая послевоенная денежно-вещевая лотерея была проведена по решению Совета министров РСФСР в 1958 г.⁷ Справедливости ради следует отметить, что годом ранее по инициативе Комитета молодежных организаций (КМО) СССР было принято решение о проведении денежно-вещевой лотереи, приуроченной к VI Всемирному фестивалю молодежи и студентов в 1957 г. в Москве. КМО был создан в 1956 г. и находился в непосредственном подчинении ЦК ВЛКСМ. Его задачей было развитие сотрудничества между советской и зарубежной молодежью. Он принимал непосредственное участие в организации фестивалей и форумов молодежи, однако не имел своего бюджета, а все расходы согласовывал и утверждал через Управление делами на заседании Бюро ЦК ВЛКСМ.

Проведение VI фестиваля молодежи имело одно существенное отличие от всех последующих: оно заключалось в государственном финансировании всех его этапов, в том числе проведения лотереи. В 1957 г. председатель КМО СССР, председатель советского подготовительного комитета фестиваля С.К. Романовский объявил о проведении выигрышного тиража, по которому можно было получить бесплатную путевку на VI Всемирный фестиваль молодежи и студентов в Москве. Минимальным выигрышем была авторучка, а самым крупным — автомобиль «Волга» или «Москвич»⁸.

Накануне Московского фестиваля прошли региональные молодежные фестивали. Распространение лотерейных билетов в регионах происходило с 1 января по 1 апреля 1957 г. через специализированные киоски, киоски «Союзпечать» и комитеты комсомола. Однако полученные от продажи билетов суммы не проходили по финансовым документам комсомольских организаций, а перечислялись в Министерство финансов. Поэтому каждая комсомольская организация получила задание: собрать определенную сумму, которую затем перечислить на специальный счет ЦК ВЛКСМ. В июне 1957 г. в

⁷ Ткаченко П.В. Указ. соч. С. 342.

⁸ Навстречу Фестивалю // Комсомолец Татарии. 1957. 11 января.

Татарский обком комсомола поступило 100 тыс. значков с эмблемой фестиваля для продажи⁹. В отчете секретарю Татарского обкома ВЛКСМ С.Г. Батыеву председатель республиканского оргкомитета фестиваля В. Горбунов писал о том, что «тревожно обстоят дела со сбором средств в счет фестиваля». Согласно разнарядке, необходимо было собрать 456 тыс. рублей. Во время субботников и воскресников смогли заработать только 68 тыс. рублей, а 200 тыс. рублей поступили за счет реализации фестивальных значков и дотации ЦК ВЛКСМ, так что необходимо «где-то изыскать еще 200 тыс. рублей»¹⁰. На заседании Татарского обкома комсомола 4 июля 1957 г. отмечалось, что особенно плохо шел сбор средств от платных концертов и вечеров, которые должны были проводить профсоюзные клубы. Таким образом, денежно-вещевая лотерея 1957 г. прошла по инициативе комсомола, но за счет государственных органов, которые и получили все средства от реализации билетов.

С 1959 г. прекратилось государственное финансирование ВЛКСМ. В период подготовки к Всемирному форуму молодежи, прошедшему в Москве с 25 июля по 3 августа 1961 г., с целью получения дополнительных средств ВЛКСМ выпустил марки для продажи комсомольцам: учащимся — по 2 коп., колхозникам — по 4 коп., рабочим — по 6 коп. Планировалось получить от продажи марок 100 тыс. рублей, однако централизованного распространения через комсомольские организации не происходило, поэтому продажи шли плохо. Принимая финансовый отчет ВЛКСМ за 1961 г., Управление делами отметило, что полученные средства настолько незначительны, что даже не были выделены в отдельную статью дохода¹¹. Всего на проведение Форума было израсходовано 804 тыс. рублей, которые были взяты из привлеченных средств, поступивших в сумме 6885 тыс. рублей¹².

С большим размахом и значительными финансовыми затратами прошел Всемирный форум солидарности молодежи и студентов в борьбе за национальную независимость и освобождение, за мир с 16 по 23 сентября 1964 г. в Москве. В нем приняли участие 1086 делегатов из 126 стран, среди которых были представители Венесуэлы, Колумбии, Судана, Индии, Камбоджи, Франции, Испании, Португалии. ЦК ВЛКСМ не только выступил инициатором

⁹ Государственный архив Республики Татарстан (ГАРТ). Ф. П-4034. Оп. 42. Д. 31. Л. 29.

¹⁰ Там же. Л. 32.

¹¹ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. М-1. Оп. 49. Д. 82. Л. 17.

¹² Там же. Л. 19.

этого форума, но и принял на себя все финансовые расходы по его проведению: оплату проезда участников, их проживания, питания, культурной программы, подарков, наглядной агитации и печатной продукции. В апреле 1964 г. был создан Фонд Всемирного форума, а в Госбанке открыт специальный счет. Для привлечения средств на проведение форума были выпущены памятные марки трех видов: для рабочих — по 20 коп., для сельской молодежи — по 10 коп., для учащихся — по 5 коп.¹³ Распространение марок проходило в принудительном порядке централизованно через ЦК ВЛКСМ, обкомы, горкомы, райкомы и первичные комитеты, где были назначены ответственные за это лица. Всего от реализации марок ЦК ВЛКСМ в 1964 г. получил 2,6 млн рублей., из которых 1,3 млн рублей было израсходовано на организацию и проведение форума, оставшиеся деньги были зачислены в комсомольскую копилку¹⁴. В 1964 г. в Татарский обком комсомола поступили марки для реализации на проведение Форума солидарности. При условии полного выполнения плана, ЦК ВЛКСМ обещал дополнительное выделение ассигнований. При перевыполнении полученную прибыль разрешалось зачислить в доход по привлеченным средствам. Необходимо было продать марок на сумму 48 320 рублей, однако их реализация принесла только 39 000 рублей, соответственно ассигнований из бюджета и дополнительных привлеченных средств комсомольская организация не получила. Кроме того, разницу за оставшиеся марки пришлось перечислить в ЦК ВЛКСМ в 1965 г., взяв недостающие средства из резерва. В документе эта сумма была записана как «возврат марок форума»¹⁵.

После Форума 1964 г. в бюджетном плане ВЛКСМ появился раздел: «средства, поступившие от распространения марок и лотерейных билетов». Он заполнялся в периоды проведения международных молодежных мероприятий. В разные годы в нем фигурировали суммы от 0,7 до 2,5 млн рублей.

В 1964 г. в процессе обсуждения на Бюро ЦК ВЛКСМ подготовки советской молодежной делегации к участию в IX Всемирном фестивале молодежи и студентов в Алжире было принято решение создать очередной фонд помощи. Только в течении 1965 г. за счет привлеченных средств местные комсомольские организации собрали и

¹³ Постановление ЦК ВЛКСМ от 28 апреля 1964 г. «О выпуске марки 1964 г. для привлечения средств в фонд всемирного форума солидарности молодежи и студентов в борьбе за национальную независимость и освобождение, за мир» // Сборник постановлений ЦК ВЛКСМ. Январь–декабрь 1964 г. М., 1965. С. 87.

¹⁴ РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 49. Д. 176. Л. 21.

¹⁵ ГАРТ. Ф. П-4034. Оп. 42. Д. 481. Л. 20.

перечислили в фонд 2 млн рублей¹⁶. Однако в Алжире произошел государственный переворот, и фестиваль не состоялся. Он был перенесен в Болгарию на 1968 г.

В 1968 г. в Москве была проведена очередная комсомольская денежно-вещевая лотерея, приуроченная к IX Всемирному фестивалю молодежи и студентов в Софии. Целью ее был сбор средств для покрытия расходов, связанных с подготовкой и участием советской делегации. Стоимость лотерейного билета была определена в 50 копеек. Всего было отпечатано билетов на 50 млн рублей и разыграно 8 690 000 призов на сумму 25 млн рублей. Общий контроль за проведением лотереи осуществлял центральный лотерейный комитет, организованный при Комитете молодежных организаций. На местах этим занимались специально созданные региональные лотерейные комитеты. По итогам лотереи комсомольский бюджет пополнился на 12 млн рублей. Из этих денег были выплачены взносы в международный фонд IX Всемирного фестиваля молодежи и студентов и Всемирную федерацию демократической молодежи (ВФДМ).

Каждая комсомольская организация получила инструкцию о проведении лотереи и план по реализации билетов на сумму от 500 тыс. рублей (обкомы и крайкомы комсомола) до 1500 тыс. рублей (ЦК ЛКСМ). При выполнении планового задания местные комитеты могли оставить себе и использовать на строительство молодежных туристических лагерей и проведение праздничных мероприятий в честь 50-летия комсомола 20% средств, собранных от продажи билетов. Остальные 80% средств следовало перечислить на специальный счет ЦК ВЛКСМ¹⁷. В финансовых отчетах комсомольских организаций полученные средства заносятся в раздел «Прочие поступления», из которого использование денег на собственные нужды запрещалось¹⁸. Татарский обком комсомола получил на реализацию билетов на сумму 700 тыс. рублей. За первый месяц было продано билетов на 44 тыс. рублей. Сумма была собрана за счет городских комитетов, так как 20% сельских райкомов не смогли реализовать ни одного билета. Деревенская молодежь категорически отказывалась покупать билеты, мотивируя это отсутствием денег. В следующем месяце ситуация не изменилась, и необходимую сумму обком взял из собственных привлеченных средств. Подобным образом дела об-

¹⁶ РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 67. Д. 95. Л. 11.

¹⁷ ГАРТ. Ф. П-4034. Оп. 42. Д. 664. Л. 24.

¹⁸ Постановление Бюро ЦК ВЛКСМ и инструкция о проведении Всесоюзной денежно-вещевой лотереи «IX всемирный фестиваль молодежи и студентов». М., 1968. С. 11.

стояли и в других комсомольских организациях. Треть комитетов комсомола не смогли выполнить свои плановые задания по продаже билетов и денег от лотереи не получили. Непроданные лотерейные билеты были возвращены в ЦК ВЛКСМ, о чем свидетельствуют соответствующие акты «приемки» и запись в финансовом отчете за 1968 г. в разделе «расходы».

В 1973 г. ЦК ВЛКСМ вновь решил провести Всесоюзную денежно-вещевую лотерею — «X Всемирный фестиваль молодежи и студентов». На Гознаке СССР было отпечатано 100 млн лотерейных билетов, которые реализовывались по 50 копеек. Таким образом, общая стоимость билетов лотереи составила 50 млн рублей. 60% полученных от продажи средств было направлено на выплату выигрышей. Было разыграно 10 700 000 выигрышей на сумму 30 млн рублей. Среди 169 500 вещевых призов на сумму 18,9 млн рублей были представлены все предметы роскоши советского человека: 700 автомобилей «Москвич-412» (розничная цена 4939 руб.); 1100 автомобилей «Запорожец ЗАЗ-968» (розничная цена 3500 руб.); 4700 мотоциклов «МТ-9», «Днепр», «Иж-Юпитер-3», «Иж-Планета-3», «Восход-2», «М-106»; 3000 мопедов «Верховина»; 3500 надувных резиновых лодок; магнитофоны, кинокамеры, фотоаппараты, часы, холодильники, пылесосы, ковры. Денежные выигрыши составляли от 1 до 100 рублей на общую сумму 11,1 млн рублей.¹⁹

Лотерейные билеты так же, как и в 1968 г., распространялись через лотерейные комитеты региональных комсомольских организаций и реализовывались с большим трудом. Каждая комсомольская организация получила свой план по реализации билетов. В частности, татарская комсомольская организация должна была продать 1 400 000 билетов на сумму 700 тыс. руб., которую на заседании бюро Татарского обкома ВЛКСМ разделили на все комитеты республики. Сельским райкомам было поручено продать 513 000 билетов и собрать 256,5 тыс. рублей; городским комитетам — 887 000 билетов на 443,5 тыс. рублей, из которых 172,5 тыс. рублей должна была собрать Казань. Все билеты предписывалось реализовать до 20 октября²⁰. Продажи в сельских районах шли с большим трудом, но, тем не менее, необходимую сумму обком перечислил в ЦК, покрыв нехватку за счет собственных привлеченных средств.

Подводя итоги лотереи, Бюро ЦК ВЛКСМ 14 января 1974 г. отмечало, что комсомольский бюджет пополнился на 5,7 млн рублей

¹⁹ Постановление Бюро ЦК ВЛКСМ и инструкция о проведении Всесоюзной денежно-вещевой лотереи «X всемирный фестиваль молодежи и студентов». М., 1973. С. 18.

²⁰ ГАРТ. Ф. П-4034. Оп. 42. Д. 664. Л. 26.

вместо ожидаемых 7,5 млн рублей.²¹ При этом расходы, связанные с изготовлением и рассылкой лотерейных билетов, изготовлением пропагандистско-агитационных материалов и проведением тиража выигрышей, составили 1,2 млн рублей²². Доходы от лотереи покрыли расходы, связанные с участием советской делегации в фестивале, а оставшаяся часть была направлена на увеличение издательской базы ВЛКСМ.

Таким образом, выпуск лотерейных билетов в 1973 г. сопровождался большими сопутствующими издержками и не принес запланированной прибыли. В связи с чем был открыт счет для сбора средств в созданный ЦК ВЛКСМ «Фонд Всемирной федерации молодежи и студентов» («Фонд ВФМиС»). Средства из фонда направлялись на подготовку к фестивалям и осуществление другой международной деятельности ВЛКСМ. Комсомольские организации обязали делать ежегодные отчисления в этот фонд. При этом запрещалось использовать привлеченные средства, а предписывалось зарабатывать указанную планом сумму во время дополнительных субботников и воскресников.

В период подготовки к XI Всемирному фестивалю молодежи и студентов в Гаване в 1978 г. лотерейные билеты не выпускались. Необходимые средства накопились за счет ежегодных поступлений в фестивальную фонд и проведения субботников и воскресников. Согласно отчету Центральной ревизионной комиссии ВЛКСМ, во время всесоюзного субботника 25 июня 1977 г., в котором участвовало 50 млн человек, было заработано и перечислено в фонд фестиваля 30 млн рублей. Как отмечено в документе, такие средства не только позволили советской делегации достойно подготовиться и представить свою страну, но и оплатить участие в фестивале молодежных делегаций ряда стран Африки²³.

Так, в 1978 г. для Татарской комсомольской организации сумма привлеченных средств была утверждена в сумме 988 тыс. рублей, которая состояла из трех разделов: от мероприятий комсомольцев — 474,0 тыс. рублей, от предприятий — 174,0 тыс. рублей, и 340 тыс. рублей — в фонд фестиваля²⁴. 24 июня 1978 г. в республике прошел комсомольский субботник, посвященный XI Всемирному фестивалю молодежи и студентов в Гаване. В нем приняли участие 627 тыс. человек, которые заработали 304 тыс. рублей. План по привлеченным

²¹ РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 82. Д. 33. Л. 227.

²² Там же. Л. 234.

²³ Там же. Ф. 23. Оп. 1. Д. 151. Л. 6.

²⁴ Там же. Ф. М-1. Оп. 82. Д. 992. Л. 47.

средствам, установленный ЦК ВЛКСМ, выполнен не был, так как все виды поступлений оказались меньше: комсомольцы заработали 446,3 тыс. рублей, предприятия выделили 120,8 тыс. рублей²⁵. Недостающую сумму ЦК ВЛКСМ изъясил из резервных средств республиканской комсомольской организации.

Таким образом, доход в фестивальные фонды от комсомольских мероприятий был в несколько раз больше, чем от реализации билетов денежно-вещевой лотереи, так как проведение лотереи требовало больших сопутствующих расходов.

Поступления от комсомольских организаций в бюджет ВЛКСМ на счет специальных фондов в 1974–1978 гг. (млн руб.)²⁶

Статья доходов бюджета ВЛКСМ	1974 г.	1975 г.	1976 г.	1977 г.	1978 г.
Отчисления местных комитетов комсомола в «Фонд Солидарности»	3,0	3,3	3,5	3,6	4,0
Отчисления местных комитетов комсомола в «Фонд ВФМиС»	2,3	2,5	2,8	3,2	3,4

Насыщен комсомольскими событиями был 1985 г., когда состоялся XII Всемирный фестиваль молодежи и студентов в Москве, а также прошел Международный год молодежи в СССР. По мнению А.Д. Попова, фестивалю 1985 г. придавалось большое политическое и идеологическое значение, поэтому его подготовка проходила под непосредственным контролем партийных органов. В постановлении Совета министров СССР от 24 сентября 1984 г. «О мерах по подготовке и проведению XII Всемирного фестиваля молодежи и студентов в г. Москве» говорилось, что проведение данного мероприятия должно быть на «высоком политическом, организационном и техническом уровне»²⁷. Об этом же говорил первый секретарь ЦК ВЛКСМ В.М. Мишин, вспоминая, как сложно решался вопрос с назначением председателя советского подготовительного комитета фестиваля. В итоге, по предложению секретаря ЦК КПСС Е.К. Лигачева назначен был сам В.М. Мишин²⁸. Была поставлена задача не просто

²⁵ ГАРТ. Ф. П-4034. Оп. 42. Д. 1463. Л. 2.

²⁶ Составлено по: РГАСПИ. Ф.-М-1. Оп. 82. Д. 33. Л. 38; Д. 210. Л. 42; Д. 547. Л. 34; Д. 780. Л. 40.

²⁷ Попов А.Д. Указ. соч. С. 1018.

²⁸ Москва вместо Парижа. Как готовился Фестиваль 1985 года, вспоминает Виктор Мишин. — URL: <https://kremlinhill.com/2020/07/26> (дата обращения 10.04.2023).

повторить грандиозный успех Московского фестиваля 1957 г., а превзойти его.

В апреле 1985 г. на заседании бюро ЦК ВЛКСМ утвердили программу фестиваля и создали рабочий аппарат Комиссии по проведению Международного года молодежи²⁹. 15 мая 1985 г. на заседании бюро ЦК ВЛКСМ принимаются два постановления: первое — о проведении Всесоюзного комсомольско-молодежного субботника 29 июня с полным отчислением средств в фонд фестиваля и второе — о проведении денежно-вещевой лотереи «XII Всемирного фестиваля молодежи и студентов». В материалах к протоколу содержатся условия проведения лотереи. Стоимость лотерейного билета была определена в 1 рубль. Вырученная от продажи билетов сумма должна была составить 50 млн рублей, из которой 25 млн рублей предполагалось направить на выигрыши. Билеты выпускались отдельными разрядами по 500 тыс. рублей. На каждый разряд разыгрывались 331 вещевой выигрыш и 48 769 денежных. Там же имеется план распределения билетов по комсомольским организациям³⁰. Отделу пропаганды и агитации, а также издательству «Молодая гвардия» было поручено сделать эскизы, изготовить и разослать во все комсомольские организации агитационные материалы по проведению фестиваля до 10 июня. Согласно смете, на издание плакатов было выделено 21 780 рублей. Распространение лотерейных билетов планировалось осуществить с 15 июня по 25 августа³¹. 40 % средств от реализации билетов планировалось направить на покрытие расходов, связанных с проведением фестивалей, 60 % — в республиканские бюджеты для оплаты выигрышей. Предусматривалось также вознаграждение для распространителей билетов в размере 2 % от суммы проданных билетов.

29 июня 1985 г. в ходе Всероссийского субботника комсомольцы Татарской АССР заработали и перечислили в фонд XII фестиваля 266,2 тыс. рублей при плановом задании в 340 тыс. рублей. На реализацию комсомольская организация получила 800 тыс. билетов. Продажа билетов в очередной раз проходила не очень успешно, поэтому обком пошел по уже проторенному пути и взял необходимую сумму из привлеченных средств, которых удалось собрать 5617,8 тыс. рублей³². Достаточно большое количество привлеченных средств было заработано благодаря тому, что учащиеся школ и

²⁹ РГАСПИ. Ф. М-1. Оп. 135. Д. 19 с. Л. 15.

³⁰ Там же. Д. 35. Л. 30.

³¹ Там же. Д. 33 с. Л. 4–7.

³² ГАРТ. Ф. П-4034. Оп. 47. Д. 59. Л. 5.

училищ республики регулярно выходили на субботники в течение апреля и мая 1985 г.³³

В итоге плановое задание было выполнено. Постановлением секретариата обкома комсомола от 14 октября 1986 г. за большую работу по подготовке и проведению XII Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Москве были премированы 25 работников обкома, горкомов и райкомов на общую сумму в 2300 рублей³⁴.

В очередной раз ожидания от проведения комсомольской денежно-вещевой лотереи не оправдались. В 1985 г. лотерейный билет «XII Всемирного фестиваля молодежи и студентов» стал не столько источником пополнения средств, сколько памятным сувениром. Комсомольские лотереи с конца 1950-х гг. задумывались как дополнительный финансовый источник для бюджета ВЛКСМ. Однако реальность показала их небольшую эффективность. Во-первых, проведение лотереи требовало немалого вложения средств на подготовительном этапе: создание эскиза, печать билетов и рекламных плакатов, распространение. Во-вторых, молодежь (особенно сельская) не проявляла к лотереям интереса, в отличие от взрослого населения, которое видело в лотерее способ получить желанную дефицитную вещь (ковер, мотоцикл, автомобиль). В итоге оказалось, что значительно больше средств приносили обязательные отчисления в фестивальные фонды, проведение молодежных субботников либо дотации из привлеченных средств комитетов комсомола. Из этих же средств брались суммы на погашение долгов по реализации лотерейных билетов.

References

Ageev A.A. *Loterei DOSAAF i oboronnaya rabota* [DOSAAF Lotteries and Defense Work]. Moscow: Izdatel'stvo DOSAAF SSSR, 1987. 47 p.

Basov N.F. *Vsemirnye festivali demokraticheskoy molodezhi: istoriya i sovremennost'* [World Festivals of Democratic Youth: History and Modernity] // *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2017. N 1. P. 200–205.

Gorlov V.N. *Festival' molodezhi v 1957 g. izmenil SSSR: pervyy proryv "zhelezno zanavesa"* [The Youth Festival in 1957 Changed the USSR: The First Breach of the "Iron Curtain"] // *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta*. Series *Istoriya i politicheskie nauki*. 2021. N 1. P. 87–97.

Kovtun E.V. *Istoriya sovetskikh loterey (1925–1930)* [History of Soviet Lotteries (1925–1930)]. Saint Petersburg: Limbus Press, 2021. 528 p.

Moshnyaga V.P. *Vsemirnye festivali molodezhi i studentov (1947–1989)* [World Festivals of Youth and Students (1947–1989)]. Moscow: Molodaya gvardiya, 1989. 41 p.

³³ Там же. Д. 7. Л. 63.

³⁴ Там же. Л. 62.

Novikov M.D. *Ratsionalizatorskie predlozheniya grazhdan po sovetskim mass-ovym zaimam 1946–1957 gg. i proekty “loterey mira” kak popytka vliyaniya obshchestva na gosudarstvennuyu finansovuyu politiku* [Citizens’ Rationalization Proposals for Soviet Mass Loans of 1946–1957 and the “Lotteries of Peace” Projects as an Attempt to Influence State Financial Policy] // *Peterburgskiy istoricheskiy zhurnal*. 2022. N 2. P. 82–93.

Popov A.D. *Poslednee sovetskoe megasobytie: XII Vsemirnyy festival molodezhi i studentov 1985 goda v Moskve* [The Last Soviet Mega-Event: The 12th World Festival of Youth and Students in 1985 in Moscow] // *Noveishaya istoriya Rossii*. 2018. Vol. 8. N 4. P. 1017–1031.

Tkachenko P.V. *Denezhno-veshchevaya lotereya Ministerstva finansov RSFSR kak otrazhenie sotsial’no-ekonomicheskoy politiki* [The Cash-and-Prize Lottery of the Ministry of Finance of the RSFSR as a Reflection of Socio-Economic Policy] // *Azimuth nauchnykh issledovaniy: ekonomika i upravlenie*. 2021. N 1 (34). P. 342–344.

Volodin I.A. *Mezhdunarodnoe molodezhnoe i studencheskoe dvizhenie: etapy bol’shogo puti* [International Youth and Student Movement: Stages of a Long Journey] // *Nauchnye trudy Moskovskogo gumanitarnogo universiteta*. 2018. N 6. P. 55–71.

Поступила в редакцию
20 мая 2023 г.

DOI: 10.55959/MSU0130-0083-8-2024-65-2-97-119

**Г.Ю. Устьянцев, А.А. Ананьев, Ю.В. Синицына,
О.В. Федорова, И.А. Хомченкова, Р.Р. Насырова**

**ЭТНОЛОГИЧЕСКИЙ И ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ
ИДЕНТИЧНОСТИ МАРИЙСКИХ ЭТНОАКТИВСТОВ.
САМОСОЗНАНИЕ И ЯЗЫКОВЫЕ ПРАКТИКИ**

**G.Yu. Ustyantsev, A.A. Ananayev, Ju.V. Sinitsyna,
O.V. Fedorova, I.A. Khomchenkova, R.R. Nasyrova**

**ETHNOLOGICAL AND LINGUISTIC ASPECTS
OF THE IDENTITY OF MARI ETHNIC ACTIVISTS:
SELF-AWARENESS AND LANGUAGE PRACTICES**

Аннотация. Статья посвящена изучению русско-марийской языковой среды: бытованию русского и марийских языков (луговомарийского и горномарийского), выявлению уровня билингвизма в условиях широкого распространения русского языка, а также выяснению взаимосвязей между языковыми практиками и этнической идентичностью. Статья представляет собой комплексное междисциплинарное этнолого-лингвистическое исследование, что позволяет рассмотреть поставленные проблемы с применением разных методологических подходов. В качестве источниковой базы

Устьянцев Герман Юрьевич, кандидат исторических наук, ассистент кафедры этнологии исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Ustyantsev Herman Yuryevich, PhD Candidate in History, Assistant, Department of Ethnology, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University
ustyan-93@mail.ru

ORCID: 0000-0003-0655-3127

Ананьев Артём Алексеевич, студент кафедры этнологии исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Ananayev Artem Alekseevich, Student, Department of Ethnology, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University

An.artem02@mail.ru

ORCID: 0009-0007-6923-3784

Синицына Юлия Вячеславовна, преподаватель кафедры теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Sinitsyna Julia Vyacheslavovna, Lecturer, Department of Theoretical and Applied Linguistics, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University

jv.sinitsyna@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-2408-6270

использованы материалы анкетирования, проведенного на базе опросника Техасского университета “Bilingual language profile”, дополненного несколькими блоками вопросов этносоциальной тематики, а также интервью, проведенными с представителями языковой среды. Данные собраны в ходе этнолингвистической экспедиции исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова в Республике Марий Эл (Звениговский, Куженерский, Медведевский, Моркинский, Оршанский, Сернурский, Советский районы, город Йошкар-Ола). Большинство из опрошенных в ходе исследования (всего 70 человек) осознают свою принадлежность к этнографической группе луговых марийцев, при этом часть из них владеет и горномарийским языком. Их объединяет вовлеченность в марийскую культуру: они являются (или являлись в прошлом) работниками домов культуры и музеев, библиотекарями, школьными учителями, исследователями марийской культуры, активными участниками землячеств, фольклорных ансамблей, тематических сообществ в социальных сетях. Условно большую часть из них можно определить как этноактивистов. В ходе исследования были использованы качественные (анализ собранных интервью) и количественные (анализ и графическая репрезентация собранных анкетных данных) методы. Проведенное исследование выявило высокую степень заинтересован-

Федорова Ольга Викторовна, доктор филологических наук, профессор кафедры теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Fedorova Olga Victorovna, Doctor of Philology, Professor, Department of Theoretical and Applied Linguistics, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University
olga.fedorova@msu.ru

ORCID: 0000-0002-5034-3859

Хомченкова Ирина Андреевна, преподаватель кафедры теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, научный сотрудник отдела корпусной лингвистики и лингвистической поэтики Института русского языка РАН имени В.В. Виноградова

Khomchenkova Irina Andreevna, Lecturer, Department of Theoretical and Applied Linguistics, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; Research Fellow, Department of Corpus Linguistics and Linguistic Poetics, Vinogradov Russian Language Institute of Russian Academy of Sciences

irina.khomchenkova@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-1653-0201

Насырова Регина Руслановна, студент кафедры теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова

Nasyrova Regina Ruslanovna, Student, Department of Theoretical and Applied Linguistics, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University

regina.nasyrova55@gmail.com

ORCID: 0009-0008-6280-0667

Работа выполнена при поддержке Программы развития МГУ, проект № 23-Ш02-21 «От Поволжья до Кавказа: языковое и культурное многообразие Центра и Юга России».

This work was done with the support of MSU Program of Development, Project No. 23-Sch02-21 “From the Volga Region to the Caucasus: Linguistic and Cultural Diversity of the Center and South of Russia”.

ности марийцев в сохранении этнических языков наряду с традиционной культурой и идентичностью. Помимо этого данные анкетирования говорят о сравнительно сбалансированном уровне русско-марийского билингвизма, в особенности среди возрастных групп старше 30 лет. У более молодого поколения наблюдается «сдвиг» билингвизма в сторону русского языка, обусловленный, по всей видимости, русскоязычной образовательной средой, в которой протекает их жизнедеятельность.

Ключевые слова: этническая идентичность, билингвизм, марийцы, языковая среда, лугомарийский язык, горномарийский язык, языковая среда.

Abstract. The article examines the Russian-Mari linguistic environment, focusing on the usage of the Russian and Mari languages (Meadow Mari and Hill Mari), identifying the level of bilingualism in the context of the widespread use of the Russian language and the relationships between language practices and ethnic identity. This comprehensive interdisciplinary ethnological-linguistic study employs various methodological approaches. The research data were collected through a survey conducted using the Texas University “Bilingual Language Profile” questionnaire, supplemented by several blocks of questions on ethno-social topics, as well as interviews with representatives of the linguistic environment. The data were collected during an ethnological expedition by the Faculty of History of Lomonosov Moscow State University in the Republic of Mari El (Zvenigovsky, Kuzhnersky, Medvedevsky, Morkinsky, Orshansky, Sernursky, Sovietsky districts, and the city of Yoshkar-Ola). The majority of the 70 respondents identify themselves as belonging to the ethnographic group of Meadow Mari, with some also speaking Hill Mari. They share a deep involvement in Mari culture, being (or having been) employees of cultural centers and museums, librarians, school teachers, researchers of Mari culture, active participants in local communities, folklore ensembles, and thematic communities on social networks. Most of them can be classified as ethnic activists. The study employed both qualitative (analysis of the collected interviews) and quantitative (analysis and graphical representation of the collected survey data) methods. The research revealed a high degree of interest among the Mari people in preserving their ethnic languages alongside traditional culture and identity. Additionally, the survey data indicate a relatively balanced level of Russian-Mari bilingualism, especially among those over 30 years old. Among the younger generation, there is a noticeable “shift” in bilingualism towards the Russian language, likely due to the Russian-speaking educational environment.

Keywords: ethnic identity, bilingualism, Mari people, Meadow Mari language, Hill Mari language, linguistic environment.

* * *

Цель представленного исследования — выявить особенности функционирования марийских языков в поликультурной среде, представлений членов сообщества о своей этнической и национальной идентичностях, а также характер взаимодействия этих факторов. Материалы для исследования были собраны в Республике Марий Эл

(Звениговский, Куженерский, Медведевский, Моркинский, Оршанский, Сернурский, Советский районы; город Йошкар-Ола) в этнологической экспедиции кафедры этнологии исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, а также в ходе дистанционных интервью.

Марийские языки, относящиеся к финно-угорской группе уральской языковой семьи, распространены главным образом на территории Республики Марий Эл. Некоторые исследователи рассматривают марийский как единый язык с несколькими наречиями (диалектами, вариантами)¹, другие же выделяют два языка: лугово-марийский марийский и горномарийский². Согласно ст. 15 Конституции Республики Марий Эл, ее государственными языками являются «марийский (горномарийский, лугово-марийский) и русский языки»³.

В составе марийцев традиционно выделяют три этнографические группы: горных, луговых и восточных марийцев⁴. Луговые и восточные марийцы часто объединяются в одну категорию по признаку общего литературного (лугово-марийского) языка. Согласно Всероссийской переписи населения 2020–2021 гг., в Российской Федерации проживает 423 803 марийцев (другие варианты фиксации этнонима — «мар, мари, марий, меря, черемисы»), из них 101 000 лугово-восточных марийцев (включая варианты «луговые марийцы», «уральские марийцы»), 14 077 горных марийцев (включая вариант «горномарийцы»).

По результатам переписи 2020–2021 гг., в Республике Марий Эл проживает 246 560 марийцев, из них 13 953 горных и 69 000 лугово-восточных. Всего в Российской Федерации луговым марийским языком владеют 258 722 человека, из них 228 678 используют его в повседневной жизни. Значительно меньшая часть населения, 15 352 человека, владеет горномарийским языком. В Республике Марий Эл лугово-марийским языком владеют 149 096 человек, 15 175 — горно-

¹ Языки мира. Уральские языки / Редколл. Ю.С. Елисеев, К.Е. Майтинская, О.И. Романова М., 1993. С. 148–173; *Alhoniemi A. Grammatik des Tscheremissischen (Mari)*. Hamburg, 1993. P. 13–17.

² Языки народов СССР. Т. 3. Финно-угорские и самодийские языки / Отв. ред. В.И. Лыткин, К.Е. Майтинская. М., 1966. С. 221–254; *Васикова Л. П.* Научно-практическая конференция по проблемам изучения и преподавания горномарийского языка // *Linguistica Uralica*. 1997. № 3.

³ Конституция Республики Марий Эл от 28.05.2021 № 21–3. — URL: https://ru.wikisource.org/wiki/Конституция_Республики_Марий_Эл (дата обращения 19.09.2023).

⁴ *Понов Н.С.* Этнографические группы и диаспоры // *Марийцы. Историко-этнографические очерки*. Изд. 2-е, доп. / Под ред. А.С. Казимова. Йошкар-Ола, 2013. С. 131.

марийским⁵. Подробнее социолингвистическая ситуация с марийскими языками описана в работах А.Н. Куклина⁶, В.Ю. Михальченко⁷, В.И. Шабыкова и Р.А. Кудрявцевой⁸.

Собранные материалы представляют собой количественные (результаты анкетирования) и качественные (интервью с носителями языка) данные. В опросе приняло участие 70 респондентов в возрасте от 21 до 77 лет (22 мужчины, или 31%, и 48 женщин, или 69% опрошенных), проживающих или проживавших в Республике Марий Эл, Москве и Санкт-Петербурге. Большинство опрошенных родились в указанных районах, а также в Горномарийском районе Республики Марий Эл, в Кировской области, Чувашской Республике, Республике Башкортостан. Принцип выбора респондентов — принадлежность к русско-марийской билингвальной языковой среде. Даже если опрошенные, проживая в настоящем или прошлом в Марий Эл, не считают себя марийцами, они могли изучать марийские языки в школе, иметь марийскоговорящих друзей или родственников, понимать отдельные слова или фразы. Большинство из них осознают свою принадлежность к этнографической группе луговых марийцев, при этом часть из них владеет и горномарийским. Опрошенных объединяет вовлеченность в марийскую культуру: они являются (или являлись в прошлом) работниками домов культуры и музеев, библиотекарями, школьными учителями, исследователями марийской культуры, активными участниками землячеств, фольклорных ансамблей, тематических сообществ в социальных сетях. Условно большую часть из них можно определить как этноактивистов. 80% опрошенных получают или получили высшее образование. Для репрезентативности исследования русско-марийского мультилингвизма мы разделили опрошенных на четыре возрастные группы: 21–30 лет, 31–40 лет, 41–55 лет, старше 56 лет.

Этническое самосознание и факторы идентичности

Этнологический компонент исследования рассматривает язык и языковые практики как маркеры различных коллективных идентичностей. основополагающая междисциплинарная задача исследова-

⁵ Итоги Всероссийской переписи населения–2020. — URL: <https://rosstat.gov.ru/vpn/2020> (дата обращения 19.09.2023).

⁶ Куклин А.Н. Особенности функционирования марийского языка в Урало-Поволжской историко-этнографической области // Финно-угорский мир. 2010. № 1. С. 17–23.

⁷ Язык и общество. Энциклопедия / Под ред. В.Ю. Михальченко. М., 2016.

⁸ Шабыков В.И., Кудрявцева Р.А. Языковая ситуация в Республике Марий Эл в начале 2010-х годов: социолингвистический анализ // Урало-алтайские исследования. 2017. № 3. С. 208–229.

ния — изучить, как использование языка в различных возрастных группах связано с проявлениями групповой идентичности.

Анкета, посвященная определению этнической идентичности, включает в себя четыре раздела. Первый из них, «Общие сведения» (7 вопросов), содержит вопросы про этничность, национальность, конфессию и др. Второй блок «Этнокультурное образование» (4 вопроса) посвящен практикам изучения марийских языков и культуры в образовательных учреждениях. Третий раздел «Культурные практики» (7 вопросов) направлен на выяснение уровня знаний респондента о марийской культуре и истории, фольклоре, источниках знаний о марийской этнографии. Последний блок «Межэтническое взаимодействие» (5 вопросов) посвящен коммуникации респондента с представителями других народов в частной и публичной сферах, восприятию его окружением марийской культуры.

Под этнической идентичностью мы понимаем осознание человеком или группой своей принадлежности к этнической общности, что по сути соответствует термину «этническое самосознание»⁹. В духе конструктивистского направления мы подразумеваем, что этническая идентичность может рассматриваться как социальный конструкт и имеет субъективные измерения, основанные на языке и сознании¹⁰. Теоретики конструктивистского подхода к идентичности уделяли особое внимание влиянию социального окружения на формирование и утверждение идентичности. Норвежский исследователь Ф. Барт полагал, что этнические границы и идентичности сохраняются благодаря включению индивида в систему социальной коммуникации¹¹. Согласно психологу Э. Эриксону, идентичность основана на «тождестве самому себе и непрерывности своего существования во времени и пространстве и на осознании того факта, что твои тождество и непрерывность признаются окружающими»¹². Социологи П. Бергер и Т. Лукман писали, что «иметь данную идентичность — значит занимать особое место в мире, предписываемое определенными правилами»¹³. Продолжая исследование идентичностей, современный антрополог Т. Эриксен отмечал зависимость

⁹ Александренков Э.Г. «Этническое самосознание» или «этническая идентичность»? // Этнографическое обозрение. 1996. № 3. С. 14.

¹⁰ Тишков В.А. Российский народ: история и смысл национального самосознания. М., 2013. С. 41.

¹¹ Барт Ф. Введение // Этнические группы и социальные границы / Под ред. Ф. Барта. Пер. с англ. И. Пильщикова. М., 2006. С. 46.

¹² Эриксон Э.Э. Идентичность: юность и кризис / Пер. с англ. Общ. ред. и предисл. А.В. Толстых. М., 1996. С. 26–27.

¹³ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / Пер. с англ. Е.Д. Руткевич. М., 1995. С. 215–216.

этнической идентичности от проблем этнической классификации и политических факторов¹⁴. Мы исходим из контекстуального и релятивистского понимания идентичности, ее зависимости от внешних обстоятельств¹⁵. Самосознание находится в постоянной трансформации и может меняться под влиянием различных факторов: межэтнической коммуникации, социального статуса этнической группы, образования, популяризации этнической культуры и языковых практик. Именно язык в многочисленных этнографических описаниях и антропологических исследованиях является одним из маркеров этнической принадлежности: «...язык, как явление социальное, имеет две основные функции: наряду с практическим коммуникативным предназначением он играет еще и символическую роль. Язык формирует чувство родственности с группой и одновременно значим для дифференциации индивидов и сообществ»¹⁶. Часто в ситуации полилингвизма, когда в обществе активно используется несколько языков, идентичность носителя традиции определяется именно родным («материнским») языком, языком своей этнической группы¹⁷.

В 2021 г. социологи Марийского научно-исследовательского института языка, литературы и истории им. В.М. Васильева (МарНИИЯЛИ) провели исследование состояния межконфессиональных и межнациональных отношений в городской и сельской местностях Республики Марий Эл. Результаты анкетирования показали значимость для респондентов своей национальной принадлежности (вариант «значима» выбрали 54% опрошенных, «очень значима» — 7%), что говорит об актуальности темы этничности и самосознания для выбранного региона¹⁸.

Нашим анкетлируемым был задан вопрос об этнической группе, к которой они себя относят. Согласно результатам, 13 человек (19%) считают себя мари (эндоэтноним), 6 человек (9%) применили русскоязычное понятие «марийцы», которое встречается в офици-

¹⁴ Eriksen T.H. *Ethnicity and Nationalism Anthropological Perspectives*. London, 1994.

¹⁵ Соколовский С.В. Метафизика идентичности и исследования процессов идентификации в социальных науках // Сибирские исторические исследования. 2015. № 1. С. 11–16.

¹⁶ Мартынова М.Ю. Введение. Языковое многообразие России в аспекте федеральной политики и региональных инициатив // Язык и идентичность: антропологическое исследование ситуации в России / Под ред. М.Ю. Мартынова. М., 2021. С. 8.

¹⁷ Trudgill P. *Sociolinguistics: an introduction to language and society*. London; New York, 2000. P. 45.

¹⁸ Зеленеева Г.С., Орлова О.В., Шабыхов В.И. Межконфессиональные и межнациональные отношения в Республике Марий Эл (материалы социологического исследования 2021 года): науч.-статистич. бюллетень. Йошкар-Ола, 2022. С. 10.

альной документации и этнических исследованиях. Примечательно, что значительная часть опрошенных (16 человек, или 23%) считают своей этнической группой «финно-угров», т.е. определяют этничность через этноязыковую общность, принадлежность к носителям финно-угорской группы языков. Практически такой же процент (24%, или 17 человек) набрал ответ «луговые марийцы». 7% опрошенных (5 респондентов) воспринимают себя горными марийцами (интервью были записаны на «луговой» стороне, эта группа респондентов уже покинула горномарийскую языковую среду). Один респондент отметил, что является восточным марийцем (1%), один из опрошенных относит себя к северо-западной группе (1%), еще один причислил себя к славянам (1%). Выходит, что более четверти информантов (34%, или 24 опрошенных) понимают под этнической группой этнографическую общность (луговые, горные и другие марийцы, а не марийцы вообще). 13% (10 респондентов) при проживании в мультилингвальной среде считают себя русскими. 3% опрошенных (2 информанта) не смогли определить свою этническую идентичность.

Исследуя проявления этнической идентичности, мы стремились понять, различают ли для себя респонденты этническую группу и национальность. 64% процента (45 опрошенных) определили свою национальность как «мари», 7% (5 опрошенных) как «марийцы» и 7% (5 человек) как «луговые марийцы»; процент респондентов, считающих себя русскими, — 16% (11 человек). Три человека назвали себя горными марийцами (4%), один — восточным (1%). В 26% ответов (18 ответов) этническая группа и национальность были определены одинаково. Данные анкетирования подтверждают тезис об этническом характере национальной идентичности, который в отечественном научном дискурсе и массовой культуре превагирует над ее гражданским пониманием¹⁹. Примечательно, что на вопрос «Кем Вы себя ощущаете в большей степени?», заданный в анкетах 2021 г., большая часть респондентов ответила «гражданином Российской Федерации» (32,4 %) ²⁰. В нашем анкетировании гражданская идентичность не была указана в качестве синонима этнической или национальной.

Для исследования было ценно узнать, что для опрошенных означает принадлежность к этнической группе марийцев. 24% (17 респондентов) понимают под идентичностью самосознание (вариант

¹⁹ Тишков В.А. Российский народ: история и смысл национального самосознания. М., 2013. С. 148–153.

²⁰ Зеленева Г.С., Орлова О.В., Шабыков В.И. Указ. соч. С. 10.

«считать себя марийцем»); 16% процентов (11 человек) полагают, что быть марийцем — значит хорошо знать марийскую культуру и историю, 13% (9 опрошенных) — происходить из марийской семьи. 9% (6 человек) считают, что определяющим фактором в марийской идентичности является хорошее владение марийским языком или языками; 3% (2 респондента) — быть уроженцем марийского населенного пункта. 35% (26 человек) выбрали все предложенные варианты или не смогли выбрать один вариант. В 84% (59 ответов) случаев этническая идентичность родителей респондента совпадает с этнической группой или национальностью, указанной анкетирваемым. Наши данные расходятся с опросом предыдущих лет: в 2021 г. на вопрос, что сближает анкетирваемых с людьми своей национальности, 80% респондентов указало вариант «язык»²¹. Разница в полученных данных может быть объяснима структурой опросника, количеством опрошенных, предложенными вариантами ответов и формулировками самих вопросов.

Информантам были заданы вопросы об их интересе к марийской культуре и вовлеченности в нее. При оценивании своего интереса к марийской культуре и истории по шестибалльной шкале был получен средний балл по возрастам: 21–30 лет — 4,7 баллов, 31–40 — 5,5 баллов; 41–55 — 5,7 баллов, старше 56 лет — 5,7 баллов²². Свои знания по марийской культуре и истории респонденты разных возрастных групп оценили следующим образом: 21–30 лет — 3,7 баллов, 31–40 — 4,5 баллов, 41–55 — 4,4 баллов, старше 56 — 4,6 баллов²³.

Можно отметить две тенденции среди опрошенных энтоактивистов: с увеличением возраста интерес к марийской культуре и истории возрастает, знания о ней существенно ниже в возрастном диапазоне от 21 до 30 лет по сравнению с более старшими респондентами. Вторая особенность: все анкетирваемые оценили свои знания по марийской культуре и истории ниже, чем интерес к этим темам. На вопрос о степени вовлеченности в традиционную праздничную культуру (по шестибалльной шкале) мы получили следующие результаты: 21–30 лет — средний балл 3,4; 31–40 — 4 балла; 41–55 — 4,3 балла; старше 56 лет — средний балл 4,6²⁴. С возрастом частота посещения традиционных праздников²⁵ возрастает, многие из опрошенных старшего возраста являются их организаторами.

²¹ Там же.

²² См. Приложение 1.

²³ См. Приложение 2.

²⁴ См. Приложение 3.

²⁵ Под традиционными праздниками мы понимаем праздничные мероприятия, имеющие отношение к этнической культуре: Агавайрем, Шорыкйол и др.

Анкетирваемым был задан вопрос «Оцените свое знание марийского фольклора (песни, легенды, сказки и др.) по шестибалльной шкале». Результаты по возрастным группам коррелируют с участием опрошенных в традиционных праздниках: 21–30 лет — средний балл 3,5; 31–40 — 3,8 баллов; 41–55 — 4 балла; старше 56 лет — 4,3 балла²⁶. Опрошенным также предложили порефлексировать о важности сохранения марийской идентичности, языка и культуры детьми и оценить этот показатель по шестибалльной системе. Средний балл среди опрошенных в возрасте от 21 до 30 лет — 4,7, 31–40 лет — 5,4; 41–55 — 5,6 баллов. Старшее поколение оценило важность этого фактора в среднем на 5,7 баллов²⁷.

В опросе 2021 г. абсолютное большинство респондентов (94, 1% мужчин и 91,6% женщин) сочли необходимым знание детьми родного языка²⁸, что соответствует полученным нами выводам.

Результаты анкетирования показывают большую степень интереса к этнической сфере культуры и вовлеченности в нее с увеличением возраста опрошенных. Важно учитывать, что в состав информантов вошли преимущественно люди с высшим образованием и близкие к дискурсу об этнической культуре. Важной частью этнокультурной идентичности являются также языковые практики, подробно рассмотренные в следующем разделе.

Анализ языковой ситуации

Большинство опрошенных принадлежит к билингвам или мультилингвам, т.е. пользуется двумя и более языками в повседневной жизни. Лингвистический компонент исследования нацелен на получение данных о социолингвистическом статусе языка в пределах языкового сообщества, в первую очередь, степени его витальности, а также о динамике изменений языковой ситуации в зависимости от возраста носителей.

Для исследования русско-марийских мультилингвов был использован опросник Bilingual Language Profile, размещенный на сайте проекта²⁹. Он состоит из четырех разделов. Первый раздел («Языковая история») включает 6 вопросов (возраст овладения данным языком; возраст, в котором респондент стал уверенно говорить на языке; количество лет, которые он провел в: а) школе, б) регионе, в) семье и

²⁶ См. Приложение 4.

²⁷ См. Приложение 5.

²⁸ Зеленева Г.С., Орлова О.В., Шабыков В.И. Указ. соч. С. 110.

²⁹ Birdsong D., Gertken L.M., Amengual M. Bilingual Language Profile: An easy-to-use instrument to assess bilingualism. COERLL, University of Texas at Austin, 2012. — URL: <https://sites.la.utexas.edu/bilingual/> (дата обращения 07.09.2023).

г) рабочей среде, где говорят на этом языке). Во втором разделе («Использование языков», 5 вопросов) приводится информация о проценте времени в среднем за неделю, которое респондент использует на данный язык: а) в кругу семьи, б) с друзьями, в) на работе, г) когда разговаривает сам с собой и д) когда производит подсчеты. Третий раздел («Владение языками», 4 вопроса) посвящен самостоятельной оценке языковых навыков (говорение, аудирование, чтение, письмо). В четвертом разделе («Отношение к языкам», 4 вопроса) описывается, как воспринимают свою идентичность, когда говорят на том или ином языке, насколько они ощущают себя частью этой культуры, насколько важно для них использовать марийский язык как родной.

Опросник заполняется респондентами для каждого из языков. В ходе обработки данных для каждого вопроса вычисляются взвешенные оценки³⁰. На основе этих количественных данных можно получить: а) общий балл для языка и б) оценку доминирования языка.

Общий балл для языка определяется с помощью сложения всех оценок (балл оказывается в диапазоне от 0 до 218, где 0 — отсутствие знания языка, а 218 — максимальное знание языка). Для того, чтобы вычислить оценку доминирования для двух языков, необходимо вычислить разницу между их общими баллами. Эта оценка оказывается в диапазоне от -218 до 218, где значение около нуля отражает высокое владение обоими языками и их частое использование (так называемый сбалансированный билингвизм), а крайние значения — максимальное доминирование одного или другого языка.

Результаты исследования представлены на рисунках 6 и 7³¹ в виде скрипичных диаграмм (violin plot)³² для четырех возрастных групп.

Все опрошенные носители показали низкий уровень владения горномарийским языком. Самый низкий уровень, фактически означающий невладение, наблюдается среди самой молодой возрастной группы (21–30 лет), далее идет возрастная группа от 41 до 55 лет;

³⁰ Ibidem.

³¹ См. Приложения 6 и 7.

³² Диаграммы были построены на языке программирования Python с помощью библиотеки seaborn (Waskom 2021). Ширина диаграмм отражает плотность распределения (т.е. насколько вероятно/часто соответствующее значение), верхняя граница диаграммы соответствует максимальному значению коэффициента для данной возрастной группы, нижняя — минимальному, белые точки указывают на медианы, т.е. ниже них на диаграмме расположено 50% всех значений, нижние и верхние стороны внутренних прямоугольников соответствуют первому и третьему квартилю, ниже них — 25% и 75% всех значений, значения коэффициента, попадающие в диаграммы, но выходящие за тонкие линии, являются статистическими выбросами. Так, например, можно сказать, что среди людей возраста 41–55 лет минимальный уровень владения луговым марийским — около 20, максимальный — больше 200, и что почти у половины людей из этой группы уровень ниже 150.

наиболее высокий уровень владения горномарийским отмечается у носителей в возрасте от 31 до 40 и старше 56 лет.

Уровни владения луговым марийским и русским существенно выше уровня владения горномарийским, что ожидаемо, учитывая охваченные в исследовании регионы. Самые молодые носители владеют русским языком в гораздо большей степени по сравнению с луговымарийским. Также можно отметить, что уровень владения русским языком для этой группы самый высокий из всех. Преобладание русского языка над луговымарийским отмечается также для носителей в возрасте от 41 до 55 лет, однако эта группа владеет луговым марийским гораздо лучше по сравнению с самой молодой возрастной группой.

Примерно одинаковый уровень владения русским языком отмечается для групп 31–40 лет и старше 56. При этом носители последней группы показывают самый высокий уровень владения луговымарийским.

На рисунке 7 значение коэффициента выше нуля отражает доминирование луговымарийского языка, ниже нуля — доминирование русского языка. Таким образом, русский язык однозначно доминирует среди молодежи (от 21 до 30 лет), в остальных группах наблюдается ситуация относительно сбалансированного билингвизма. Наиболее равномерное распределение по языкам выявлено в возрастной группе от 31 до 40 лет. Среди самых старших из опрошенных носителей есть небольшой перевес в сторону луговымарийского языка, в то время как у носителей от 41 до 55 лет наблюдается противоположная ситуация — имеется небольшой сдвиг в пользу русского языка.

На существенное доминирование луговымарийского языка среди самых старших носителей указывает уровень минимальных значений на диаграмме. У четвертой группы минимальные значения коэффициента почти на 50 пунктов больше по сравнению с первыми тремя группами, у которых минимальные значения почти на одном уровне.

Полученные данные совпадают с материалами исследования 2021 г.: у опрошенных в возрасте от 40 до 59 лет степень владения марийским языком (имеется в виду один из марийских языков) ниже, чем у людей старше 60. У молодежи в возрасте до 30 лет степень владения марийским ниже, чем у других возрастных групп³³. Более высокий показатель использования луговымарийского языка самими старшими респондентами можно связать с активным преподава-

³³ Зеленева Г.С., Орлова О.В., Шабыков В.И. Указ. соч. С. 114.

нием предметов начальной школы на марийском до 1960-х гг. Тогда некоторые респонденты в первом классе еще не владели русским и освоили его как второй язык:

«С рождения, наши родители говорили на марийском. А в школу когда пошла, начала учить русский. Когда училась, там по-русски уже, конечно. Иногда по-татарски разговаривали. Ну, сначала-то нет, не сразу, нас учили, были учителя. Сначала мы не понимали русского, но потом научились — учителя были замечательные. Я когда в школе училась, сочинения писала всегда на русском, и всегда на “5”»³⁴.

В зависимости от конкретной ситуации билингвы выбирают использовать русский или марийский язык, что соответствует явлению «переключения языковых кодов»³⁵. В ситуации семейного общения, в сельской местности могут превалировать марийские языки; в публичной сфере, т.е. на работе и учебе, в государственных учреждениях, в русскоязычных населенных пунктах информанты выбирают применять русский:

« — А считаешь — деньги, дни, часы? (Г.Ю. Устьянцев)?

— На русском. Только если в деревне или в сельской области на марийском»³⁶.

Некоторые респонденты пожилого возраста в раннем детстве не знали или не использовали русский язык, а в школе под влиянием педагогов и учебной программы стали билингвами. Начальное образование в марийских школах является «переходной программой», направленной на переход к более статусному языку³⁷. В 1960-х гг., как пишет К.Н. Сануков, произошел перевод всех школ Марийской АССР, как и других финно-угорских регионов, на русскоязычное обучение, что значительно сократило степень владения марийскими языками последующими поколениями марийцев³⁸. Марийскому языку как родному обучали преимущественно в сельских школах. Многие информанты, рожденные в 1970–1980-е гг., не имели возможности изучать марийский в школах, что проявилось в результатах опроса людей в возрасте 41–55 лет.

В 1990-х гг. марийский язык вновь стали активно преподавать в школах Марий Эл. Ученики некоторых сельских школ и школ с национальным компонентом в начале XXI столетия изучали марийский язык в качестве обязательного предмета «Марийский язык как

³⁴ Г.Л., жен., 77 лет. Р. Марий Эл, Звениговский район. 20.09.2023.

³⁵ Hudson R.A. Sociolinguistics. Cambridge University Press, 1996. P. 51–53.

³⁶ П., муж., 33 г. Московская обл., г. Мытищи. 20.09.2023.

³⁷ Skutnabb-Kangas T. The Education of Minorities // Handbook of language & ethnic identity / Ed. J. Fishman. New York, 1999. P. 46.

³⁸ Сануков К. Финно-угорские народы России: проблемы национального идентитета // Финно-угроведение. 2001. № 1. С. 139.

государственный» в объеме двух часов в неделю³⁹. Обучение марийскому языку как родному продолжилось в школах с марийским контингентом учащихся, в основном сельских⁴⁰. С 1990-х гг. существует практика деления классов на «марийские» со значительным компонентом преподавания марийского языка для этнических марийцев и «русские» для детей из русских семей и плохо знающих марийский⁴¹. Одна из респонденток, выросшая в Звениговском районе Марий Эл, рассказывает о своем опыте языкового образования:

«Я училась в сельской средней общеобразовательной школе. С 1 по 11 классы мы обязательно учили марийский язык как родной язык и марийскую литературу. Мне нравилось изучать все языки: и марийский, и русский, и английский. По ним отправляли на олимпиады. Особой сложности не было, так как мне с детства нравятся языки, и сейчас я филолог. Одни учителя-предметники учили нас на русском, другие на марийском. Объяснения на нашем родном были понятны, материал легче усваивался, мне кажется. Стоит отметить, что мой родной марийский отличается от литературной нормы, поэтому значения некоторых слов были непонятны, нам подсказывала преподаватель, еще сами смотрели в словарях. На уроках марийского языка сочинения и тому подобное писали только на литературном марийском языке, а общались на своем диалекте»⁴².

В приведенном нарративе респондентка указывает на одну из самых существенных проблем бытования марийских языков среди школьников: существенные отличия локальных диалектов от литературной традиции, изучаемой в школах.

Слова жительницы Йошкар-Олы о позитивном опыте изучения марийских языков является скорее исключением. По мнению лингвиста М.В. Куцаевой, влияние русскоязычной среды в детском саду, школе, переход односельчан и родственников на русский язык формирует у детей негативные установки по отношению к марийскому⁴³. В целом система обучения детей-билингвов соответствует,

³⁹ Константинова В. Проблема усовершенствования преподавания марийского языка как неродного // Финноугроведение (Йошкар-Ола). 1999. № 2-3. С. 217.

⁴⁰ Кондрашкина Е.А. Марийский язык в сфере образования Республики Марий Эл // Альманах современной науки и образования. Тамбов, 2008. № 2 (9): в 3-х ч. Ч. I. С. 123.

⁴¹ Куцаева М.В. Языковые биографии представителей марийской диаспоры московского региона (уроженцев районов распространения лугового марийского языка в Республике Марий Эл) // Урало-алтайские исследования. 2022. №1(44). С. 134.

⁴² Н., жен., 31 г. Р. Марий Эл, г. Йошкар-Ола.

⁴³ Куцаева М.В. Новые носители марийского как фактор витальности этнического языка в диаспоре // Родной язык. Лингвистический журнал. 2021. № 2. С. 12–13.

по Т. Скутнабб-Кангас, «отсутствующей модели» (“nonmodels”), т.е., по сути, интеграции марийских учеников в русскоязычную среду⁴⁴. Повсеместное внедрение марийского языка как школьного предмета в конце XX в. не изменило радикальным образом сложившуюся тенденцию к сокращению сфер его бытования. Отмечается тенденция, которую американский лингвист У. Вайнрайх определил как «языковой сдвиг» (“language shift”), — переход сообщества к использованию нового, часто неродного языка на регулярной основе⁴⁵. Согласно проведенному анкетированию, даже на работе, где многим информантам в силу специфики профессии нужен марийский язык, доминирует русский. В среднем опрошенные говорят на луговомарийском на работе в течение недели 37% времени, на русском — 56%. При этом умение говорить на луговомарийском оценивается опрошенными в среднем в 4,6 по шестибальной шкале.

Указанный опрос 2021 г. дает еще одно объяснение перевесу билингвизма в сторону русского: люди с высшим образованием в меньшей степени владеют марийским языком (29,1%), чем респонденты со средним (до 43,4% в разных звеньях среднего образования)⁴⁶. Большинство опрошенных нами этноактивистов либо имеют высшее образование, либо получают его. Молодое поколение жителей республики редко изучает марийский язык в общеобразовательных учреждениях: в 2020–2021 гг. 20,1% учащихся изучали марийский как государственный интегрировано с историей и культурой, 17,67% — как государственный и 10,1% — как родной⁴⁷. Среди факторов, влияющих на бытование марийских языков, авторы выделяют внутрисемейное общение, поддержание связей с деревенскими родственниками⁴⁸. По нашим данным, почти 40% времени информанты говорят в семье на русском и около 60% — на марийском. Семья остается единственной сферой превалирования марийского языка над русским. Контакты с городской средой способствуют распро-

⁴⁴ Skutnabb-Kangas T. The Education of Minorities // Handbook of language & ethnic identity / Ed. J. Fishman. New York, 1999. P. 42–43.

⁴⁵ Weinreich U. Languages in contact. Findings and problems. The Hague; Paris; New York, 1979. P. 68.

⁴⁶ Зеленева Г.С., Орлова О.В., Шабыков В.И. Указ. соч. С. 117.

⁴⁷ Орлова О.В. Языковая ситуация и этнокультурные запросы в Республике Марий Эл // Язык и идентичность: антропологическое исследование ситуации в России / Под ред. М.Ю. Мартынова. М., 2021. С. 127.

⁴⁸ Куцаева М.В. Языковые биографии представителей марийской диаспоры московского региона (уроженцев районов распространения лугового марийского языка в Республике Марий Эл) // Урало-алтайские исследования. 2022. №1 (44). С. 145.

странению русско-марийского билингвизма в сельской местности и исчезновению марийского языка из бытового общения⁴⁹.

Еще одна важная причина «языкового сдвига» — внутренняя миграция населения и межэтнические браки⁵⁰. Уезжая в крупные города и создавая семьи с представителями других этнических групп, марийцы реже используют марийские языки. Основным языком высшего образования, русский, чаще применяется респондентами в публичной сфере, в то время как область применения марийских языков сокращается. Респонденты, которые родились не в Республике Марий Эл, а в соседних регионах, часто не имели возможность учить язык в школе:

«В принципе, с детства — какие-то выражения знал, а так, чтобы более свободно говорить — это лет 7–8. Ну, “свободно” я бы не сказал, я мог поддержать разговор на марийском, поговорить о чем-то на марийском, в принципе, как и сейчас, не знаю свободно марийский язык. Пытаюсь, конечно, подучить, где-то с кем-то пообщаться, чтобы лучше понимать, но свободно говорить пока не получается. Ну, жизнь в Новочебоксарске дала о себе знать — все-таки, общение с детьми, всё происходило на русском»⁵¹.

Некоторые респонденты прикладывают значительные усилия, чтобы популяризировать марийский язык и расширить сферу его функционирования, создают площадки для его преподавания:

«В Кирове я пытался курсы брать марийские. Я ходил к татарам, их язык изучал, они мне говорили... на фестивали приглашали, поддерживали меня. Даже помещения для меня находили, чтобы марийцы собирались. Пару раз собирались марийцы»⁵².

В деревне Аleshкино Килемарского района Республики Марий Эл функционирует летний языковой лагерь для всех желающих изучить луговомарийский язык или повысить навыки владения им. Среди обучающихся — взрослые активисты марийской культуры, участники землячеств из Москвы, Санкт-Петербурга. Наша респондентка Наталья Венина из г. Йошкар-Ола является организатором и преподавателем онлайн-школы марийского языка⁵³.

Однако деятельность по популяризации и распространению марийских языков не приводит к ситуации сбалансированного билингвизма. Согласно социологическому опросу 2020 г., проведенному

⁴⁹ Там же. С. 144.

⁵⁰ *Dorian N.C. Linguistic and Ethnographic Fieldwork // Handbook of language & ethnic identity / Ed. J. Fishman. New York, 1999. P. 25-41. P. 30*

⁵¹ Н., муж., 32 г. Р. Марий Эл, Звениговский р-н. 20.09.2023.

⁵² П., муж., 33 г. Московская обл., г. Мытищи. 20.09.2023.

⁵³ Полевые материалы авторов, 2023 г.

МарНИИЯЛИ, 55% опрошенных считают, что русский язык в большей степени, чем марийский, функционирует в качестве государственного⁵⁴. Согласно нашему опросу, русский язык чаще используется информантами в различных сферах. В среднем луговомарийские информационные ресурсы, которые читают и смотрят опрошенные, составляют 29% от всех потребляемых СМИ, в то время как русскоязычные — 64%, а горномарийские — 3%. Художественная литература на луговомарийском языке составляет 28% от всех художественных литературных текстов, которые читают информанты, русскоязычная — 63%, литература на горномарийском — 3%.

Полученные данные могут быть объяснены несколькими причинами. Во-первых, меньшей репрезентацией марийских языков (особенно горного) в медийном пространстве и публикационной деятельности по сравнению с русским. Во-вторых, незначительный процент читаемых текстов на горномарийском связан с выбором регионов исследования.

Среди опрошенных были респонденты, которые хорошо понимают горномарийский в целом или отдельные слова и фразы. Часто степень владения горномарийским связана с происхождением информанта, наличием у него родственников — горных марийцев:

«На горном нет, не говорю. Вот А. может хорошо говорить по-марийски и понимает, а мы не понимаем горномарийский язык, но некоторые разговорные слова к нам попадают»⁵⁵.

Названный информанткой житель Звениговского района А., тоже наш респондент, может уверенно говорить на луговомарийском и горномарийском, так как его отец — луговой мариец, а мать — горная (сам он определяет себя как «мари»). Для его односельчан, относящихся к группе луговых марийцев, понятны только некоторые слова из горномарийского.

Заключение

Опрошенные культурные активисты, вовлеченные в марийскоговорящую среду, преимущественно считают себя марийцами или представителями конкретной этнографической группы марийцев. По оценке самих информантов, для них свойственны высокий интерес к марийской культуре, истории, обширные знания в этих областях; они осознают важность сохранения марийской культуры будущими поколениями и часто посещают марийские традиционные праздники. Во многом эти результаты связаны со спецификой

⁵⁴ Орлова О.В. Указ. соч. С. 147.

⁵⁵ Г.Л., жен., 77 лет. Р. Марий Эл, Звениговский район. 20.09.2023.

деятельности информантов, которые являются музыкантами, работниками домов культуры, учеными, школьными учителями. При этом с возрастом показатели вовлеченности в марийскую культуру увеличиваются.

В то же время этноактивисты являются русско-марийскими билингвами, т.е. чаще используют русский язык в общении с окружающими, пользуются им в учебной и профессиональной деятельности. Для более молодых опрошенных (21–30 лет) показатели использования русского языка в среднем выше по сравнению со старшими группами, в которых наблюдается ситуация более сбалансированного билингвизма, но также превалирует русский. Сдвиг билингвизма в пользу русского языка объясним русскоязычной образовательной средой, более высокой степенью урбанизации современных марийцев, использованием русского языка как основного языка делопроизводства и СМИ. Молодым респондентам менее близки и интересны этнокультурные практики, что может быть связано с более активным использованием ими русского языка по сравнению с другими возрастными группами. Профессиональная деятельность опрошенных, требующая знания лугомарийского языка, не способствует его активному применению в жизни. Большинство наших респондентов прекрасно владеет лугомарийским, но мало применяет его в публичной жизни. Единственной сферой активного использования лугомарийского языка остается семья. Родной язык в рассматриваемой группе выполняет символическую, этнорепрезентующую функцию, в то время как его коммуникативная роль снижается, что особенно проявляется среди молодых опрошенных.

References

Alexandrenkov E.G. “*Etnicheskoe samosoznanie*” ili “*etnicheskaya identichnost*”? [“Ethnic Self-Awareness” or “Ethnic Identity”?] // *Etnograficheskoe obozrenie*. 1996. N 3. P. 13–22.

Alhoniemi A. *Grammatik des Tscheremissischen (Mari)*. Hamburg: Helmut Buske Verlag, 1993. 253 S.

Bart F. *Vvedenie* [Introduction] // *Etnicheskie gruppy i sotsial'nye granitsy: social'naya organizaciya kul'turnyh razlichij* [Ethnic Groups and Boundaries: The Social Organization of Culture Difference] / Ed. by F. Bart. Moscow: Novoe izdatel'stvo, 2006. P. 9–48.

Berger P., Luckmann T. *Sotsial'noe konstruirovanie real'nosti. Traktat po sotsiologii znaniya* [The Social Construction of Reality: A Treatise in the Sociology of Knowledge]. Moscow: Medium, 1995. 323 p.

Birdsong D., Gertken L.M., Amengual M. *Bilingual Language Profile: An Easy-to-Use Instrument to Assess Bilingualism* / COERLL. Austin: University of Texas, 2012. — URL: <https://sites.la.utexas.edu/bilingual/>

- Dorian N.C. *Linguistic and Ethnographic Fieldwork // Handbook of Language and Ethnic Identity* / Ed. by J. Fishman. New York: Oxford University Press, 1999. P. 25–41.
- Eriksen T.H. *Ethnicity and Nationalism Anthropological Perspectives*. London: Pluto Press, 1994. 246 p.
- Erikson E.H. *Identichnost': yunost' i krizis* [Identity: Youth and Crisis]. Moscow: Progress, 1996. 344 p.
- Hudson R.A. *Sociolinguistics*. Cambridge: Cambridge University Press, 1996. 279 p.
- Kondrashkina E.A. *Mariiskii yazyk v sfere obrazovaniya Respubliki Mariy El* [The Mari Language in the Educational Sphere of the Republic of Mari El] // *Al'manakh sovremennoi nauki i obrazovaniya* [Almanac of Modern Science and Education]. Tambov: Gramota, 2008. N 2 (9). In 3 parts. Part I. P. 122–125.
- Konstantinova V. *Problema usovershenstvovaniya prepodavaniya mariiskogo yazyka kak nerodnogo* [The Issue of Improving the Teaching of the Mari Language as a Non-Native Language] // *Finno-ugrovedenie*. 1999. N 2–3. P. 216–220.
- Kuklin A.N. *Osobennosti funktsionirovaniya mariiskogo yazyka v Uralo-Povolzhskoi istoriko-etnograficheskoi oblasti* [Peculiarities of the Functioning of the Mari Language in the Ural-Volga Historical and Ethnographic Region] // *Finno-ugorskii mir*. 2010. N 1. P. 17–23.
- Kutsaeva M.V. *Novye nositeli mariiskogo kak faktor vital'nosti etnicheskogo yazyka v diaspore* [New Speakers of Mari as a Factor in the Vitality of the Ethnic Language in the Diaspora] // *Rodnoi yazyk. Lingvisticheskii zhurnal*. 2021. N 2. P. 5–34.
- Kutsaeva M.V. *Yazykovye biografii predstavitelei mariiskoi diaspory moskovskogo regiona (urozhentsev raionov rasprostraneniya lugovogo mariiskogo yazyka v Respublike Marii El)* [Linguistic Biographies of Representatives of the Mari Diaspora in the Moscow Region (Natives of the Areas Where the Meadow Mari Language is Spoken in the Republic of Mari El)] // *Uralo-altaiskie issledovaniya*. 2022. N 1 (44). P. 116–153.
- Martynova M.Yu. *Vvedenie. Yazykovoe mnogoobrazie Rossii v aspekte federal'noi politiki i regional'nykh initsiativ* [Introduction. Linguistic Diversity of Russia in the Context of Federal Policy and Regional Initiatives] // *Yazyk i identichnost': antropologicheskoe issledovanie situatsii v Rossii* [Language and Identity: An Anthropological Study of the Situation in Russia] / Ed. by M.Yu. Martynova. Moscow: IEA RAN, 2021. P. 8–16.
- Orlova O.V. *Yazykovaya situatsiya i etnokul'turnye zaprosy v Respublike Marii El* [The Language Situation and Ethnocultural Demands in the Republic of Mari El] // *Yazyk i identichnost': antropologicheskoe issledovanie situatsii v Rossii* [Language and Identity: An Anthropological Study of the Situation in Russia] / Ed. by M.Yu. Martynova. Moscow: IEA RAN, 2021. P. 124–152.
- Popov N.S. *Etnograficheskie gruppy i diaspory* [Ethnographic Groups and Diasporas] // *Mariitsy. Istoriko-etnograficheskie ocherki* [Mari People. Historical and Ethnographic Essays]. 2nd ed., revised and expanded / Ed. by A.S. Kazimov. Yoshkar-Ola: MarNIYaLI, 2013. P. 131–145.
- Sanukov K. *Finno-ugorskie narody Rossii: problemy natsional'nogo identiteta* [Finno-Ugric Peoples of Russia: Issues of National Identity] // *Finno-ugrovedenie*. 2001. N 1. P. 128–141.
- Shabykov V.I., Kudryavtseva R.A. *Yazykovaya situatsiya v Respublike Mariy El v nachale 2010-kh godov: sotsiolingvisticheskii analiz* [The Language Situation in the

Republic of Mari El in the Early 2010s: A Sociolinguistic Analysis] // *Uralo-altaiskie issledovaniya*. 2017. N 3. P. 208–229.

Skutnabb-Kangas T. *The Education of Minorities // Handbook of Language and Ethnic Identity* / Ed. by J. Fishman. New York: Oxford University Press, 1999. P. 42–59.

Sokolovskii S.V. *Metafizika identichnosti i issledovaniya protsessov identifikatsii v sotsial'nykh naukakh* [Metaphysics of Identity and the Study of Identification Processes in the Social Sciences] // *Sibirskie istoricheskie issledovaniya*. 2015. N 1. P. 8–22.

Tishkov V.A. *Izbrannye trudy* [Selected Works]. In 5 vols. Vol. 2. *Rekviev po etnosu. Issledovaniya po sotsial'no-kul'turnoi antropologii* [Requiem for Ethnos. Studies in Social and Cultural Anthropology]. Moscow: Nauka, 2021. 543 p.

Tishkov V.A. *Rossiiskii narod: istoriya i smysl natsional'nogo samosoznaniya* [The Russian People: History and Meaning of National Self-Consciousness]. Moscow: Nauka, 2013. 649 p.

Trudgill P. *Sociolinguistics: An Introduction to Language and Society*. London; New York: Penguin, 2000. 222 p.

Vasikova L.P. *Nauchno-prakticheskaya konferentsiya po problemam izucheniya i prepodavaniya gornomariyskogo yazyka* [Scientific-Practical Conference on the Issues of Studying and Teaching the Hill Mari Language] // *Linguistica Uralica*. 1997. N 3. P. 238–240.

Waskom M.L. *Seaborn: Statistical Data Visualization // Journal of Open Source Software*. 2021. Vol. 6. N 60. P. 3021.

Weinreich U. *Languages in Contact. Findings and Problems*. The Hague; Paris; New York: Mouton Publishers, 1979. 149 p.

Yazyk i obshchestvo. Entsiklopediya [Language and Society. Encyclopedia] / Ed. by V.Yu. Mikhal'chenko. Moscow: Azbukovnik, 2016. 872 p.

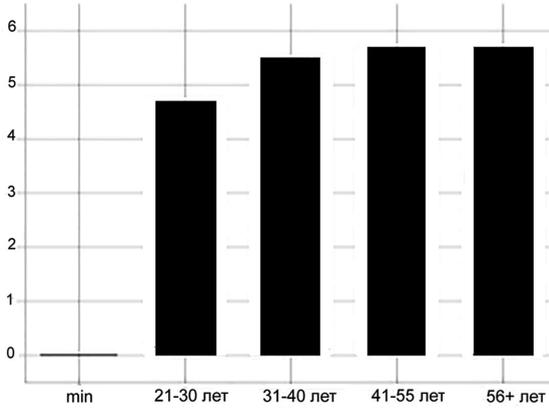
Yazyki mira. Uralskie yazyki [Languages of the World. Uralic Languages] / Ed. by Yu.S. Eliseev, K.E. Maitinskaya, O.I. Romanova. Moscow: Nauka, 1993. 398 p.

Yazyki narodov SSSR [Languages of the Peoples of the USSR]. Vol. 3. *Finno-ugorskie i samodiiskie yazyki* [Finno-Ugric and Samoyedic Languages] / Ed. by V.I. Lytkin, K.E. Maitinskaya. Moscow: Nauka, 1966. 465 p.

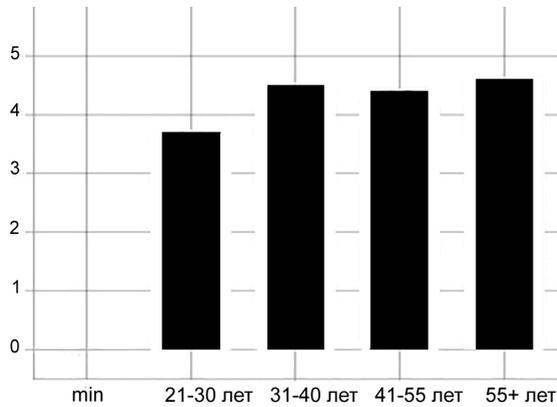
Zeleneeva G.S., Orlova O.V., Shabykov V.I. *Mezhkonnessional'nye i mezhnatsional'nye otnosheniya v Respublike Mariy El (materialy sotsiologicheskogo issledovaniya 2021 goda): nauchno-statisticheskii byulleten'* [Interconfessional and Interethnic Relations in the Republic of Mari El (Materials of the 2021 Sociological Study): Scientific and Statistical Bulletin]. Yoshkar-Ola: MarNIYaLI, 2022. 208 p.

Поступила в редакцию
2 октября 2023 г.

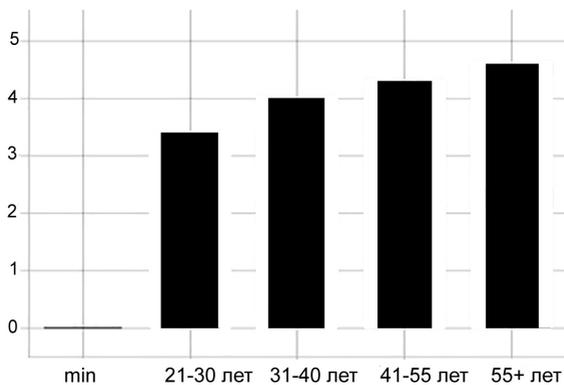
Приложение 1. Уровень интереса к марийской культуре и истории

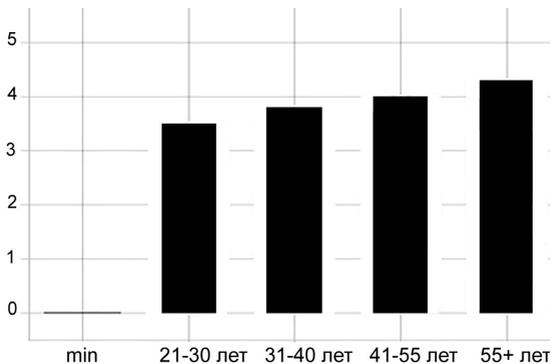
Приложение 2. Уровень знаний в области марийской культуры и истории

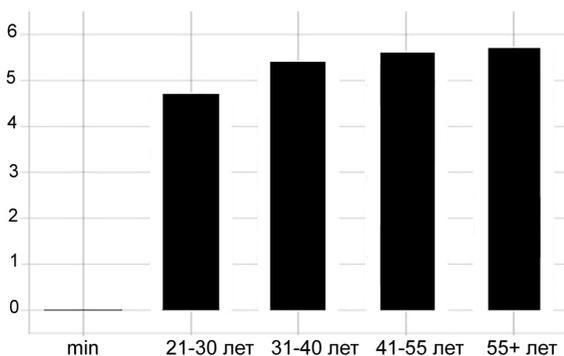
Приложение 3. Уровень вовлеченности в традиционную праздничную культуру

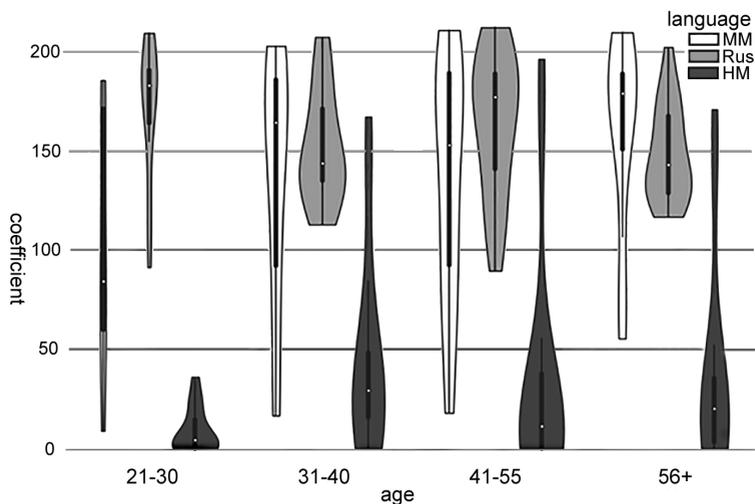
Приложение 4. Уровень знания марийского фольклора

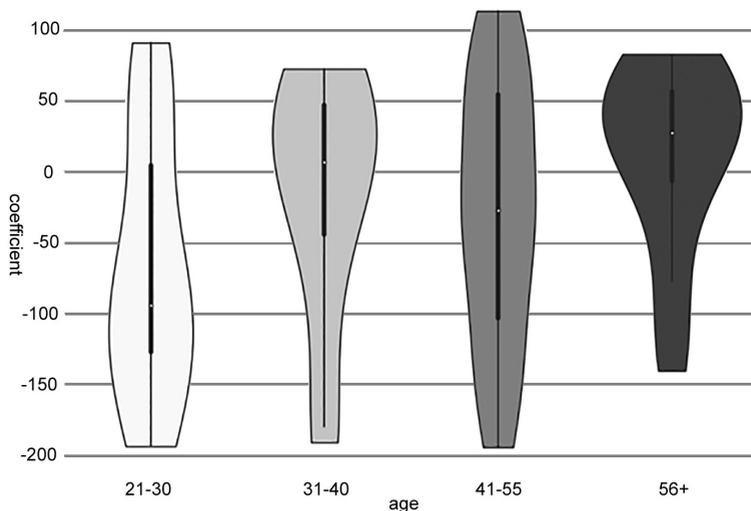
Приложение 5. Оценка важности сохранения марийской идентичности, языка и культуры детьми

Приложение 6. Уровень владения луговым мари́йским (ММ), горномари́йским (НМ) и русским (Rus) языками

Приложение 7. Оценка степени билингвизма между луговым мари́йским и русским языками

DOI: 10.55959/MSU0130-0083-8-2024-65-2-120-151

**О.В. Солопова, Е.Е. Демидова, А.Н. Веракса,
А.В. Козополянская-Соловьева, В.О. Робышев,
Е.Б. Роева-Мкртчян, А.П. Солопов, М.В. Дранова**

**ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ ЛАНДШАФТ МИГРАЦИЙ
В РОССИЮ ИЗ СТРАН БЛИЖНЕГО ЗАРУБЕЖЬЯ
В КОНЦЕ XX — НАЧАЛЕ XXI В. ВЗГЛЯД ИЗНУТРИ**

**O.V. Solopova, E.E. Demidova, A.N. Veraksa,
A.V. Kozopolianskaia-Soloveva, V.O. Robyshev,
E.B. Roeva-Mkrtchyan, A.P. Solopov, M.V. Dranova**

**THE HISTORICAL AND GEOGRAPHICAL LANDSCAPE
OF MIGRATION TO RUSSIA FROM THE NEAR ABROAD
IN THE LATE 20th AND EARLY 21st CENTURIES:
A VIEW FROM WITHIN**

Аннотация. Дезинтеграция СССР в 1991 г. обусловила и спровоцировала беспрецедентные по своим масштабам и многогранности миграционные процессы. Сложность феномена миграции во всем многообразии его

Солопова Оксана Вячеславовна, кандидат исторических наук, руководитель лаборатории истории диаспор и миграций, доцент кафедры истории стран ближнего зарубежья исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Solopova Oksana Vyacheslavovna, PhD Candidate in History, Head, Laboratory of Diaspora and Migration History, Associate Professor, Department of Near Abroad History, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University

osolopova@mail.ru

ORCID: 0009-0002-3675-5766

Демидова Елена Евгеньевна, научный сотрудник кафедры социально-экономической географии зарубежных стран географического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Demidova Elena Evgen'evna, Researcher, Department of Socio-Economic Geography of Foreign Countries, Faculty of Geography, Lomonosov Moscow State University

edemidova@geogr.msu.ru

ORCID: 0000-0003-1719-721X

Веракса Александр Николаевич, доктор психологических наук, академик Российской академии образования, доцент, заведующий кафедрой психологии образования и педагогики факультета психологии МГУ имени М.В. Ломоносова

Veraksa Aleksander Nikolayevich, Doctor in Psychology, Full Member, Russian Academy of Education, Associate Professor, Head, Department of Educational Psychology and Pedagogy, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University

veraksa@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-7187-6080

проявлений и типов определяет принципиальную важность применения междисциплинарного подхода для исследований по данной проблематике. Новизна и актуальность данной работы заключается в том, что в ней впервые предпринимается попытка показать динамику миграционных процессов в постсоветской России с применением широкого спектра возможностей разных гуманитарных дисциплин. В статье представлена часть результатов комплексного исследования, проводимого междисциплинар-

Козополянская-Соловьева Александра Вадимовна, научный сотрудник лаборатории истории диаспор и миграций исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Kozopolianskaia-Soloveva Alexandra, Researcher, Laboratory of Diaspora and Migration History, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University
klin24a@yandex.ru

ORCID: 0009-0004-4046-0658

Робышев Владислав Олегович, кандидат юридических наук, начальник отдела претензионной и исковой работы юридического управления МГУ имени М.В. Ломоносова

Robyshev Vladislav Olegovich, PhD Candidate in Law, Head, Claims and Litigation Department, Legal Department, Lomonosov Moscow State University
v.robyshev@yandex.ru

ORCID: 0009-0000-9498-1417

Роева-Мкртчян Екатерина Борисовна, научный сотрудник лаборатории истории диаспор и миграций исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Roeva-Mkrтчyan Ekaterina Borisovna, Researcher, Laboratory of Diaspora and Migration History, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University
plu2310@yandex.ru

ORCID: 0009-0007-4778-4702

Солопов Арсений Павлович, аспирант исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, младший научный сотрудник Центра по изучению отечественной культуры Института российской истории РАН

Solopov Arseniy Pavlovich, Postgraduate Student, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University, Junior Researcher, Center for the Study of National Culture, Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences

arssolopov@mail.ru

ORCID: 0000-0001-6952-1160

Дранова Маргарита Вадимовна, выпускница Межкафедральной магистерской программы «История диаспор и миграционных процессов», соискатель, прикрепленный для сдачи кандидатских минимумов исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Dranova Margarita Vadimovna, Graduate, Interdepartmental Master's Program "History of Diasporas and Migration Processes", PhD Candidate, enrolled for passing the PhD Candidate's exams, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University

mkozopolyanskaya@mail.ru

ORCID: 0009-0000-9037-6287

Работа выполнена при поддержке Программы развития МГУ, проект № 23-Ш02-11 «Междисциплинарное изучение современных миграций: новые аналитические подходы».

This work was done with the support of MSU Program of Development, Project No. 23-Sch02-11 "Interdisciplinary Study of Modern Migrations: New Analytical Approaches".

ным научным коллективом МГУ имени М.В. Ломоносова, включающим историков, географов, психологов, юристов, в рамках проекта по Программе развития МГУ «Междисциплинарное изучение современных миграций: новые аналитические подходы». При опоре на обзор современных работ, посвященных географическим, демографическим, историческим, социологическим, антропологическим аспектам миграции, проанализированы тематические документы Министерства внутренних дел Российской Федерации, Федеральной службы государственной статистики, систематизированы и проанализированы архивные материалы последних 30 лет вплоть до 2022 г., введение которых в научный оборот имеет высокую значимость. В ходе исследования были выявлены этапы и интенсивность динамики миграционных процессов в Российской Федерации, охарактеризованы ключевые тенденции в этой сфере в контексте глобальных общемировых и внутривосточных процессов — экономического кризиса, пандемии COVID-19 — с учетом изменений действующего миграционного законодательства Российской Федерации. В статье анализируется содержание понятия этнического анклава, сформулировано функциональное, операциональное междисциплинарное определение данного явления. Выявлены и обоснованы причинно-следственные связи возникающих точек и узлов напряжения и возможных угроз, которые несут или потенциально содержат в себе миграционные процессы и анклавазация. Охарактеризованы исторически обусловленные изменения динамики, типов, половозрастной структуры миграционных потоков в Россию, связанные как с внешними факторами, так и с внутренними процессами, происходящими в стране.

Ключевые слова: миграционные потоки, структура миграции, этнические анклавы, анклавазация, междисциплинарные исследования, страны ближнего зарубежья.

Abstract. The disintegration of the USSR in 1991 set off unprecedented migration processes across the post-Soviet space, remarkable for their scale and complexity. This multifaceted migration phenomenon, with its various forms and manifestations, highlights the crucial need for an interdisciplinary approach in studying the issue. The novelty and relevance of this work stem from its pioneering attempt to illustrate the dynamics of migration processes in post-Soviet Russia through the application of a broad range of methodologies from different humanities disciplines. This article presents a portion of the findings from a comprehensive study conducted by an interdisciplinary research team at Lomonosov Moscow State University. This team, which includes historians, geographers, psychologists, and lawyers, is part of the university's development program project, "Interdisciplinary Study of Modern Migrations: New Analytical Approaches". The authors conduct a comprehensive review of current literature on the geographical, demographic, historical, sociological, and anthropological aspects of migration. They analyze thematic documents from the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation and the Federal State Statistics Service, as well as archival materials covering the past 30 years, up to 2022. These sources hold significant academic value for research in the field. The study identifies the phases and intensity of migration dynamics in the Russian Federation and highlights key trends within the context of global and domestic factors, such as the economic crisis, the

COVID-19 pandemic, and shifts in Russia's current migration legislation. The article also explores the concept of ethnic enclaves and offers a functional, operational, and interdisciplinary definition of this phenomenon. It traces and explains the causal relationships that lead to emerging points and nodes of tension, as well as the potential threats inherent in migration processes and enclave formation. Additionally, the study outlines historically driven changes in the dynamics, types, and demographic structure (gender and age) of migration flows to Russia, influenced by both external and internal developments within the country.

Keywords: migration flows, migration structure, ethnic enclaves, enclave formation, interdisciplinary research, near abroad countries.

* * *

Миграция — это трансформация, которая меняет не только жизнь людей, но и общество в целом.

Ричард Флорида (Richard Florida)

Миграция — это не проблема, которую надо решить, это реальность, которой необходимо управлять.

Роберто Савио (Roberto Savio)

Миграции относятся к числу процессов, неотъемлемо сопровождающих человечество. В некотором смысле история человечества и есть история миграций. Именно поэтому данная тема не теряет своей актуальности в любую историческую эпоху.

Сложность, комплексность и многообразие феномена миграции определяет принципиальную значимость междисциплинарного характера его исследований, так как миграции постоянно, спорадически и системно становятся объектом изучения представителей самого широкого спектра специалистов: антропологов, социологов, правоведов, историков, политологов, географов, экономистов, лингвистов и так далее вплоть до маркетологов. При этом пространственные особенности миграционных процессов — традиционная исследовательская вотчина социальных географов. Однако сущностная территориальность самих миграционных процессов «географизирует» исследования данного явления в любом тематическом поле, в плоскости любой научной дисциплины.

«Эра миграций», начавшаяся на территориях стран — бывших республик СССР в постсоветский период, объективная замена внутренних миграций, существовавших в рамках единого государства, миграциями межгосударственными, т.е. уже внешними, естественным образом обусловила изменение и исследовательских парадигм: изучение сельско-городской и маятниковой миграции уступило

место изучению этнической, вынужденной и репатриационной миграций. Отдельную исследовательскую нишу стала занимать аналитика и научные изыскания по теме миграционной политики новообразованных государств.

Историография вопроса

Одними из основоположников советско-российской школы изучения внешней миграции по праву считаются географы-демографы В.И. Переведенцев¹ и Ж.А. Зайончковская², а также их коллеги и последователи из смежных научных направлений (экономисты, социологи, историки): Г.С. Витковская³, В.И. Мукомель⁴, Л.Л. Рыбаковский, В.А. Тишков⁵ и др. Представляя разные научные взгляды как на теоретические, так и на практические аспекты внешних миграций (в частности, миграционного взаимодействия России со странами СНГ), большинство исследователей конца XX в. соглашались в одном — в необходимости внешней миграционной «подпитки» из стран ближнего зарубежья, связанной с глубоким демографическим

¹ Среди знаковых работ: *Переведенцев В.И.* Миграция населения в СНГ: опыт прогноза // *Полис. Политическое исследование.* 1993. № 2. С. 69–79; *Он же.* Миграция населения и демографическое будущее России (Науч.-аналит. доклад). М., 2003; *Он же.* Миграция в ритме времени: сборник статей. М., 2010.

² Среди важных работ: *Зайончковская Ж.А.* СНГ через призму миграций // *Миграция.* 1998. № 3–4. С. 4–10; *Она же.* Миграция населения как индикатор социальной ситуации в постсоветском пространстве // *Проблемы прогнозирования.* 1997. № 3. С. 119–128; *Она же.* Миграция населения СССР и России в XX веке: эволюция сквозь катаклизмы // *Проблемы прогнозирования.* 2000. № 4. С. 1–15; *Она же.* Почему России необходима иммиграционная политика. М., 2007. С. 114–141.

³ Миграция: бедствие или благо? Материалы Круглого стола по проблемам вынужденной миграции в России / Л.И. Графова, В.А. Тишков, Ю.Д. Анчабадзе и др.; отв. ред. Е.И. Филиппова. М., 1996; *Беженцы и вынужденные мигранты в государствах СНГ: Концепция и организационные меры по решению проблемы многосторонними усилиями в рамках Содружества / А. Анфалов, Т. Васильева, Г. Витковская и др.* М., 1996.

⁴ *Мукомель В.И.* Демографические последствия этнических и региональных конфликтов в СНГ // *Население и общество.* 1997. № 27. С. 1–4; *Он же.* Правовые основы и практика регулирования миграции в субъектах Федерации // *Миграция.* 1997. № 3(4). С. 15–25; *Предотвращение региональных этнических конфликтов в Российской Федерации / В. Мукомель, И. Кузнецов, С. Чарный.* М., 2007; *Мукомель В.И.* Адаптация и интеграция мигрантов в России // *Миграция в России. 2000–2012. Хрестоматия в 3-х т. / Сост. Н.В. Мкртчян, Е.В. Тюрюканова; отв. ред. Ж.А. Зайончковская.* Т. I. Ч. 2. М., 2013. С. 692–700; и др.

⁵ *Тишков В.В.* Постсоветские миграции // *Бюллетень Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов.* 1995. № 5. С. 3–6; *Он же.* Этничность и национализм в постсоветском пространстве // *Региональные проблемы межнациональных отношений в России.* Омск, 1993. С. 265–277; *Вынужденные мигранты и государство / Отв. ред. В.А. Тишков.* М., 1998; *Миграции и новые диаспоры в постсоветских государствах = Migrations and new diasporas in the post-soviet states / В.А. Тишков, О.Д. Комарова, С.С. Савоскул и др.; отв. ред. В.А. Тишков.* М., 1996.

кризисом в самой России, но при условии эффективного контроля со стороны государства через действенную миграционную политику.

Актуальность изучения миграционной тематики в середине 1990-х — начале 2000-х гг. выразилась в резком росте публикационной активности: так, только за 1992–1998 гг. вышло в свет свыше 3 тыс. статей, посвященных миграции в России и странах Содружества Независимых Государств (СНГ)⁶. Эти исследования в первую очередь фокусировались на изучении миграционных процессов и мигрантов из бывших советских республик (получивших статус независимых самостоятельных государств) как главных акторов происходящих событий.

Смещение внимания исследователей на принимающую сторону в совокупности с попыткой объединить междисциплинарные подходы впервые отразилось в работах Ж.А. Зайончковской 2000-х гг. В них, в частности, аргументировалась необходимость проведения Россией политики «открытых дверей» через рассмотрение различных сценариев социального и демографического развития. Утверждалось, что единственным источником сохранения численности населения страны, социального и экономического благополучия является миграционный приток из стран СНГ и Балтии. А печальной альтернативой миграционному сценарию могут стать масштабные социально-экономические провалы, связанные с потерей трудоспособного населения и, как результат, — с сокращением, сжатием заселенного пространства России, что может нести реальные угрозы, вплоть до потери части территории страны. Исследователем подчеркивалось, что проблема иммиграции для России — это «одновременно судьба ее территории, ее границ и ее целостности»⁷. Однако стоит отметить, что миграционное будущее России рассматривалось отнюдь не как идеальный, лишенный негативных аспектов вариант. Разные исследователи фиксировали то обстоятельство, что увеличение этнокультурного разнообразия вследствие активизации миграционных потоков несет в себе предпосылки для усиления напряженности, а, возможно, и конфликтов на этнокультурной почве.

Новые поколения специалистов в области осмысления миграционных процессов во многом унаследовали основные позитивистские идеологические установки. Исследованиям внешней миграции

⁶ Методология и методы изучения миграционных процессов. Междисциплинарное учебное пособие / Под ред. Ж.А. Зайончковской, И.Н. Молодиковой, В.И. Мукомеля. М., 2007.

⁷ Зайончковская Ж.А. Почему России необходима иммиграционная политика. С. 141.

и сопряженными с ними вопросам адаптации и «приживаемости» мигрантов посвящены работы современных авторов, в частности, социогеографов-демографов Л.Б. Карачуриной⁸, Н.В. Мкртчяна⁹, М.С. Савоскул¹⁰, Ю.Ф. Флоринской¹¹, экономистов и социологов Е.А. Варшавера¹², Е.В. Тюрюкановой¹³, О.С. Чудиновских¹⁴ и др.

Территориальные аспекты расселения мигрантов наиболее ярко просматриваются в изучении истории и географии современных городов. В частности, ряд работ, аффилированных с Институтом географии и Институтом социологии РАН, посвящен анализу территориального размещения этнических групп в крупных городах (О.И. Вендина и др.¹⁵, Е.А. Ерохина¹⁶).

⁸ *Karachurina L.B. Demography and Migration in Post-Soviet Countries // What has remained of the USSR: Exploring the Erosion of the Post-Soviet Space. Helsinki, 2019. P. 161–190; Карачурина Л.Б., Мкртчян Н.В., Флоринская Ю.Ф., Абылкаликов С.И. Миграция населения в России: новейшие тенденции и опыт поколений // Население России 2019: двадцать седьмой ежегодный демографический доклад / Отв. ред. С.В. Захаров. М., 2022. С. 276–326.*

⁹ *Мкртчян Н.В., Флоринская Ю.Ф. Трудовая миграция в России: международный и внутренний аспекты // Журнал Новой экономической ассоциации. 2018. № 1. С. 186–193; Мкртчян Н.В. Проблемы в статистике внутрироссийской миграции, порожденные изменением методики учета в 2011 г. // Демографическое обозрение. 2020. Т. 7. № 1. С. 83–99.*

¹⁰ *Савоскул М.С. Теоретические и методические подходы к изучению международной миграции населения в географии и смежных науках // Теоретические и методические подходы в экономической и социальной географии: Сборник статей / Отв. ред. В.Л. Бабурин, М.С. Савоскул. М., 2019. С. 115–143; Она же. Формирование и эволюция российской-германской транснациональной миграционной системы. Автореферат дисс. ... доктора географ. наук. М., 2016; Она же. Адаптация этнических мигрантов в регионах России // Вестник Московского университета. Серия 5. География. 2012. № 2. С. 69–64.*

¹¹ *Флоринская Ю.Ф., Мкртчян Н.В., Карцева М.А. Женщины — наемные работницы в домохозяйствах Москвы и Санкт-Петербурга // Женщина в российском обществе. 2022. № 2. С. 87–102.*

¹² *Варшавер Е.А., Рочева А.Л., Иванова Н.С. Интеграция мигрантов второго поколения в возрасте 18–35 лет в России: результаты исследовательского проекта // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2019. № 2 (150). С. 318–364; Варшавер Е.А., Рочева А.Л., Иванова Н.С., Андреева А.С. Мигранты в российских городах: расселение, концентрация, интеграция. М., 2021.*

¹³ *Флоринская Ю.Ф., Тюрюканова Е.В., Зайончковская Ж.А. Трудовая миграция в Россию: как двигаться дальше. Серия специальных докладов. М., 2011; Миграция в России. 2000–2012. Хрестоматия в 3 т. Т. 1: Миграционные процессы и актуальные вопросы миграции. М., 2013.*

¹⁴ *Чудиновских О.С. О понимании статистики миграции // Вопросы статистики. 2017. № 5. С. 19–27.*

¹⁵ *Вендина О.И., Панин А.Н., Тикунов В.С. Социальное пространство Москвы: особенности и структура // Известия Российской академии наук. Серия географическая. 2019. № 6. С. 3–17.*

¹⁶ *Ерохина Е.А. Этнические рынки и их роль в трансформации городского пространства (на примере Новосибирска) // Сибирский философский журнал. 2017. Т. 15. № 4. С. 173–182.*

Результаты проведенных статистических и социологических исследований ряда авторов свидетельствовали, что к 2017–2018 гг. в Москве не были сформированы «этнические районы» или «этнические кварталы», где мигранты и социальные группы с миграционным прошлым составляли бы большинство. И хотя в некоторых столичных районах объективно фиксировалась более высокая доля мигрантов, в целом мигранты довольно равномерно распределены по территории «старой» и Новой Москвы¹⁷, что некоторые исследователи объясняют территориальной «эгалитарностью» столицы. В случае других крупных городов (Воронежа, Екатеринбурга, Красноярска, Новосибирска, Ростова-на-Дону, Челябинска и др.) выделяются «этнические ареалы», пространственно приближенные к городским рынкам — как действующим, так и существовавшим в недалеком прошлом.

Очередной виток полевых социологических исследований миграционных процессов в России пришелся на 2020–2021 гг. (Е.А. Варшавер, А.Л. Рочева, Н.С. Иванова, А.С. Андреева) и, несмотря на незначительную разницу во времени, исследователям удалось доказать факт резидентной концентрации мигрантов (до 70%) с налаженной мигрантской инфраструктурой в новостройках подмосковного города Котельники, находящегося, по аналогии с другими российскими городами, в непосредственной близости с одним из крупнейших в России рынком (оптовым вещевым рынком «Садовод»)¹⁸.

Масштабные исследования по-прежнему предпринимались на географическом факультете Московского университета¹⁹. Исследовательские полигоны были определены так: во-первых, приграничные Республика Карелия и Белгородская, Оренбургская, Саратовская области; во-вторых, полиэтничные Оренбургская область и Республика Татарстан; в-третьих, транзитные для этнических мигрантов Самарская и Саратовская области; в-четвертых, те субъекты РФ, которые принято считать расположенными на «входе» в московскую агломерацию, особенно привлекательные для этнических мигрантов Калужская и Тульская области²⁰.

Проводимая группой означенных исследователей работа носила экспертный характер, она подтвердила в полной мере прямую и тес-

¹⁷ Вендина О.И., Панин А.Н., Тикунов В.С. Указ. соч.

¹⁸ Андреева А., Иванова Н., Варшавер Е. Являются ли Котельники этномиграционным анклавом? Кейс-стади города-спутника Москвы на предмет этномиграционных характеристик его жителей // Городские исследования и практики. 2020. Т. 5. № 4. С. 54–72.

¹⁹ См., например: Савоскул М.С. Адаптация этнических мигрантов ...

²⁰ Там же. С. 60.

ную связь элементов внутри системы «локация–мигранты». Другими словами, не только новое место жительства меняет мигрантов, но и сами мигранты, их действия определяют изменения в социально-экономическом развитии района их нового проживания. Показательно, что при этом порой, если не зачастую, «институциональные государственные структуры утрачивают ведущую роль в процессе интеграции мигрантов, и главную роль в социальных и экономических отношениях между принимающей территорией и мигрантами начинают играть не политические и институциональные рамки принимающего общества, а сами мигранты, формирующие новые типы социального поведения»²¹.

Миграционные процессы и Россия после 1991 г.

Причины, формы, результаты и последствия миграций в разные времена и при разных условиях значительно варьируются. В судьбе каждого государства существуют периоды, когда значение миграций и мигрантов как их главных акторов столь велико, что именно миграционные процессы становятся одними из важнейших факторов, влияющих на формирование принимающего мигрантов общества. Ярким примером подобной ситуации стал распад СССР в 1991 г. Уникальное стечение обстоятельств, при которых границы между союзными республиками, составлявшими единую страну, практически одновременно стали внешними, разделяющими 15 независимых государств, спровоцировало беспрецедентные по своей сложности и многогранности миграционные процессы. По всей территории новых государств бывшего пространства СССР миграции вызывались внешними обстоятельствами и имели вынужденный характер, а исходные данные суверенизации того или иного государства предопределяли этническую миграционную спецификацию. При этом появились ранее совершенно неизвестные, новые для территорий постсоветских стран виды миграции — международная (в том числе трудовая), транзитная, незаконная и т.д.²² Кризисная ситуация, затронувшая все сферы жизни общества (политическую, экономическую, социально-культурную), вынудила мигрировать целые социальные группы. Одним из преобладающих направлений стала миграция русскоязычного населения в Российскую Федерацию из новых пограничных с ней стран, особенно из Украины, Беларуси, Казахстана и стран Центральной Азии. В результате XXI век Россия встретила

²¹ Савоскул М.С. Адаптация этнических мигрантов ...

²² Методология и методы изучения миграционных процессов. Междисциплинарное учебное пособие / Под ред. Ж. Зайончковской, И. Молодиковой, В. Мукомя. М., 2007.

в статусе страны, входящей в число мировых лидеров по числу принятых международных мигрантов²³, наряду с такими странами, как США, Саудовская Аравия, Германия.

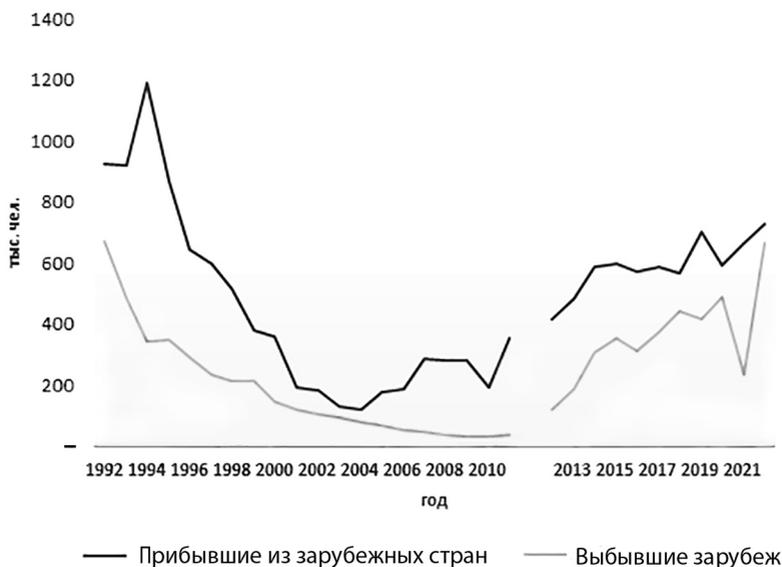

Рис. 1. Динамика внешних миграционных процессов в России в постсоветский период (1992–2021 гг.). Составлено по данным Росстата²⁴

Последовавший постсоветский период, в который бывшие республики СССР вступили полноправными участниками глобальных миграционных процессов, определил новые динамические тренды миграций в Россию (рис. 1). С 1994 г. вынужденная миграция, основанная преимущественно на этнических факторах, начинает дополняться, а впоследствии практически полностью замещается экономически обусловленными миграционными процессами — главным

²³ World Population Prospects 2022: Summary of Results // United Nations. Department of Economic and Social Affairs. Population Division. 2022. — URL: <https://population.un.org/wpp/> (дата обращения 02.08.2023).

²⁴ Для построения долгосрочных динамических рядов в данной работе используются данные Росстата [<https://rosstat.gov.ru/folder/12781>]. Однако для выявления внутривосточных особенностей используются данные МВД. Миграционные показатели указанных структур отличаются друг от друга (и зачастую довольно существенно) по причине использования различных первичных данных (Росстат собирает данные о миграции на основе информации, полученной от органов записи актов гражданского состояния, а МВД — на основе данных, полученных от подразделений по миграционному учету), а также разнице в критериях определения мигрантов.

образом, потоками трудовой миграции, которые довольно скоро приобретают поистине грандиозные масштабы.

Начало 2000-х гг. было отмечено наиболее низкой миграционной активностью за рассматриваемый период — как входящей, так и исходящей. Однако начиная с 2004 г. наблюдается смена понижательного миграционного тренда на заметное (более чем в два раза) увеличение числа приезжающих в Россию из-за рубежа: от 120–130 тыс. чел. в 2003–2004 г. до 280–290 тыс. чел. в 2007–2009 гг.

Финансово-экономический кризис в России 2009–2010 гг. закономерно отразился в том числе на миграционной привлекательности страны для иностранных граждан. В 2010 г. было зафиксировано резкое снижение числа прибывающих в РФ мигрантов до показателей 2006 г., что составило 190 тыс. чел. Но уже с 2011 г. начинается новый рост миграционных показателей: поток иммигрантов увеличивается до 356 тыс. чел.

Важно принять во внимание тот факт, что, несмотря на несомненный тренд в сторону увеличения объемов миграции, показатели, отражающие резкие скачки численности прибывающих в Россию в 2007 и 2011 г. частично были обусловлены также спецификой системы учета миграции. До 2007 г. учету в принципе подлежали исключительно те, кто получал регистрацию по месту жительства, что, с точки зрения многих авторов, свидетельствовало о серьезных недостатках действовавшей ранее системы учета²⁵. В свою очередь, принятые в 2007 г. изменения позволили расширить спектр доступных данных и включить в статистику значительное число долговременных мигрантов, в частности тех, кто уже некоторое время находился в стране на тот момент²⁶. Однако и новый подход содержал в себе определенные проблемы и недостатки. Так, системе учета подлежали только мигранты, период проживания которых в России составлял не менее 12 месяцев, что провоцировало существенный недоучет приезжающих и невозможность полноценной их регуляции²⁷.

В свою очередь, в 2011 г. были введены новые изменения, призванные скорректировать работу системы текущего миграционного учета. Перемены были следующими: минимальный срок прожива-

²⁵ Чудиновских О.С. О критическом состоянии учета миграции в России // Вопросы статистики. 2004. № 10. С. 35.

²⁶ Мкртчян Н.В. Половые диспропорции в потоках долговременной миграции в России // Демографическое обозрение. 2021. № 3. С. 8.

²⁷ Кашицкий И.С. Влияние изменений в правилах учета миграции в 2011 г. на оценку интенсивности миграции молодежи: когортно-компонентный анализ // Демографическое обозрение. 2017. № 1. С. 83.

ния в стране для получения признания в качестве постоянного переселенца, ранее составлявший 12 месяцев, теперь ограничивался 9 месяцами. Учитываться стало проживание не только по месту жительства, но и по месту пребывания²⁸. Всё это, разумеется, предсказуемо уточнило статистику в сторону увеличения числа мигрантов в стране²⁹.

При характеристике российских внешних миграций последних 30 лет мы исходим из доказательно фиксируемого исследователями факта превалирования числа прибывших в Россию из зарубежных стран людей над числом выбывших за рубеж нашей страны. Несмотря на то что линии трендов прибытия и выбытия в общих чертах совпадают, сальдо миграции в период 1992–2022 гг. всегда остается положительным. Максимальный миграционный прирост ожидаемо наблюдался в ранний постсоветский период — пик пришелся на 1994 г., когда показатель прибытия достиг 800 тыс. чел. Однако подобное миграционное «сверхвливание» не имело сколь либо серьезных негативных последствий вследствие культурной и ментальной близости абсолютного большинства мигрантов того времени населению России.

С 2012 г. наблюдается значительное увеличение числа прибывших мигрантов, пик которого был достигнут к 2022 г. и составил свыше 730 тыс. чел. Показательно, что выход на траекторию стремительного миграционного «взлета» начался еще в 2019 г. Однако процесс был заторможен искусственно созданными ограничительными мерами, связанными с пандемией COVID-19 (рис. 1). Не будь этого, интенсивность прибытия зарубежных мигрантов в Россию, очевидно, была бы значительно выше, чем мы можем наблюдать.

В отличие от ситуации середины 1990-х гг., мигранты в Россию начала 2020-х гг. — это представители иных социально-культурных парадигм, носители иных систем социальных норм и культурных ценностей. И вливание их в российское общество, адаптация к социально-культурной среде принимающей стороны сопряжены со значительными трудностями, что вызывает серьезную озабоченность. Тем не менее, Россия продолжает оставаться одной из главных стран-реципиентов мигрантов в мире, что во многом объясняется спецификой экономико-политического взаимодействия между Россией и странами ближнего зарубежья.

²⁸ Мкртчян Н.В. Проблемы в статистике внутрироссийской миграции, порожденные изменением методики учета в 2011 г. // Демографическое обозрение. 2020. № 1. С. 83.

²⁹ Кашиницкий И.С. Указ. соч. С. 84.

Историческая география внешних миграций в Россию в последние годы (2016–2022 гг.)

Середина 2010-х гг. становится важной вехой новейшего миграционного периода в Российской Федерации. Это период «водораздела» между типичными для начала 2000-х гг. экономическими миграциями и новой формой внешней иммиграции в РФ, значение которой нам еще предстоит определить, а сущность — осознать. Именно с этого момента происходит качественное изменение природы миграций: главной причиной миграции становятся не только и не столько трудовая деятельность на территории РФ, сколько воссоединение семей³⁰.

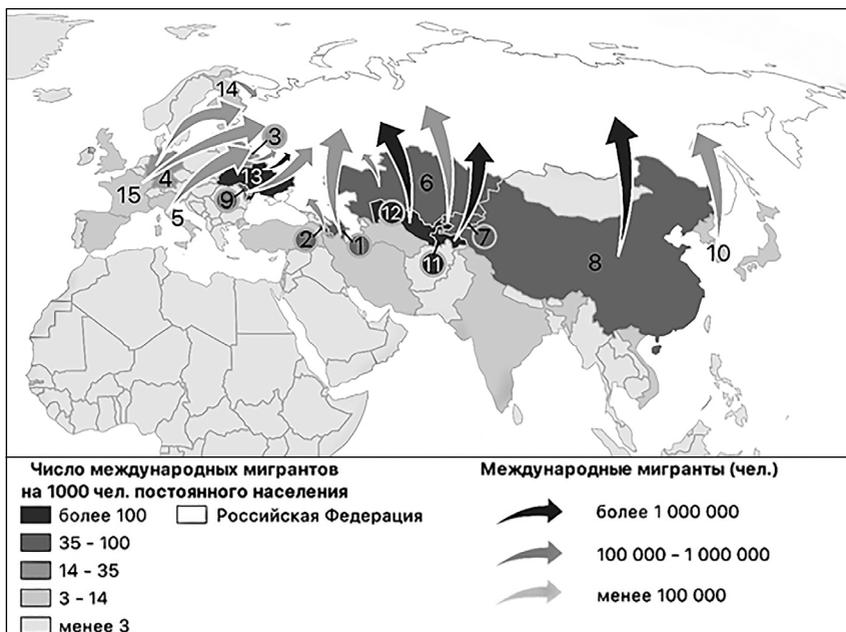

Рис. 2. География миграционного прибытия в Россию из зарубежных стран в 2016 г. Составлено по данным Министерства внутренних дел РФ [<https://мвд.рф/dejatelnost/statistics/migracionnaya>] (дата обращения 09.08.2023)

1. Азербайджан; 2. Армения; 3. Беларусь; 4. Германия; 5. Италия; 6. Казахстан; 7. Киргизия; 8. Китай; 9. Республика Молдова; 10. Республика Корея; 11. Таджикистан; 12. Узбекистан; 13. Украина; 14. Финляндия; 15. Франция (нумерация стран дана в алфавитном порядке, названия стран — в соответствии с сайтом Росстата [<http://rosstat.gov.ru/statistics/incomparision>]; границы государств — по состоянию на декабрь 2016 г.).

³⁰ Сайт Федеральной службы государственной статистики: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781>

Мигранты всё чаще переезжают не в поисках работы или ради повышения качества и уровня жизни, а для воссоединения со своими близкими, уже проживающими в России. Так мы становимся свидетелями перехода от экономической миграции к социальной. Частично это может быть объяснено изменениями, произошедшими в миграционной политике страны, развитием технологий, упрощающих процесс переезда и адаптации на новом месте.

Безусловно, произошедший переход не означает полного отказа от экономической миграции. Однако потенциальные «российские» трудящиеся-неофиты всё чаще сопровождаются своими семьями, что вносит новые элементы в социальную структуру мигрантов, с одной стороны, и требует от государства иных подходов к регулированию миграционных процессов — с другой.

Какова же историко-географическая картина новой внешней миграции в Россию?

Прежде всего, необходимо отметить активную роль РФ в системе глобальных миграций. Достаточно взглянуть на карту, чтобы понять, что наша страна является государством-реципиентом для выходцев из очень большого числа стран (картосхема, рис. 2). Однако нельзя не заметить и того, что в период от распада СССР до текущего момента постепенно произошел миграционный «поворот на восток». Так, к 2016 г. государства Средней Азии обогнали традиционные для России после дезинтеграции СССР страны-доноры: Республику Армению, Республику Беларусь, Грузию и Украину. Безусловным новым лидером уже тогда стал Узбекистан (3,35 млн чел.). И хотя Украина продолжала занимать второе место по числу граждан, поставленных на миграционный учет в России, ее численные миграционные показатели практически сравнялись с аналогичными показателями Таджикистана (1,93 млн чел. и 1,89 млн чел. соответственно).

Характерно, что из-за интенсивных миграционных потоков (свыше 1 млн чел. ежегодно) на три страны-лидера (Узбекистан, Украину и Таджикистан) приходилось свыше 50% всех прибывших мигрантов в 2016 г. Эти же страны сохраняли свое лидерство при оценке миграционного прироста. Несколько иначе выглядит эта тройка лидеров в свете приобретения гражданства РФ: здесь наиболее существенен вклад приехавших из Украины, Казахстана и Узбекистана (рис. 2).

Помимо ближнего зарубежья, важным для формирования новых миграционных потоков в Россию становится китайское направление. В том же 2016 г. на миграционный учет в РФ встало более 1,2 млн граждан Поднебесной.

Страновая мозаика внешних миграций в РФ в 2016 г.³¹

Поставлено на миграционный учет			Снято с миграционного учета		
№	Страна	Численность	№	Страна	Численность
	ВСЕГО по странам	14 337 084		ВСЕГО по странам	9 353 554
1	Узбекистан	3 354 389	1	Узбекистан	2 226 164
2	Украина	1 933 825	2	Украина	1 150 150
3	Таджикистан	1 892 404	3	Таджикистан	1 149 324
4	Китай	1 288 519	4	Китай	995 204
5	Киргизия	826 640	5	Киргизия	388 895
6	Армения	631 746	6	Казахстан	384 921
7	Азербайджан	594 902	7	Азербайджан	370 101
8	Молдова	585 937	8	Армения	349 376
9	Казахстан	545 676	9	Молдова	292 910
10	Беларусь	345 801	10	Беларусь	211 233
Сальдо внешней миграции			Приобретение гражданства РФ		
№	Страна	Численность	№	Страна	Численность
	ВСЕГО по странам	4 983 530		ВСЕГО по странам	265 319
1	Узбекистан	1 128 225	1	Украина	100 696
2	Украина	783 675	2	Казахстан	37 837
3	Таджикистан	743 080	3	Узбекистан	23 216
4	Киргизия	437 745	4	Таджикистан	23 012
5	Китай	293 315	5	Армения	22 264
6	Молдова	293 027	6	Молдова	17 397
7	Армения	282 370	7	Азербайджан	9 885
8	Азербайджан	224 801	8	Киргизия	9 316
9	Казахстан	160 755	9	Беларусь	3 582
10	Беларусь	134 568	10	Грузия	2 623

³¹ Составлено по данным Министерства внутренних дел РФ [<http://мвд.рф/dejatelnost/statistics/migracionnaya>] (дата обращения 15.07.2023).

Данные Министерства внутренних дел Российской Федерации за 2016–2022 гг. также свидетельствуют о сохранении положительного сальдо внешней миграции (рис. 3) и в общих чертах повторяют линии миграционного тренда, основанные на данных Росстата. Наблюдается тот же пик в последний допандемийный 2019 г., резкое падение числа вставших и снявшихся с миграционного учета в связи с общемировым локдауном, резкое возобновление миграционной активности сразу после открытия государственных границ. По данным МВД, в 2022 г. численность мигрантов, вставших на учет в РФ, приблизилось к экстремуму 2019 г. и составило около 17 млн чел.

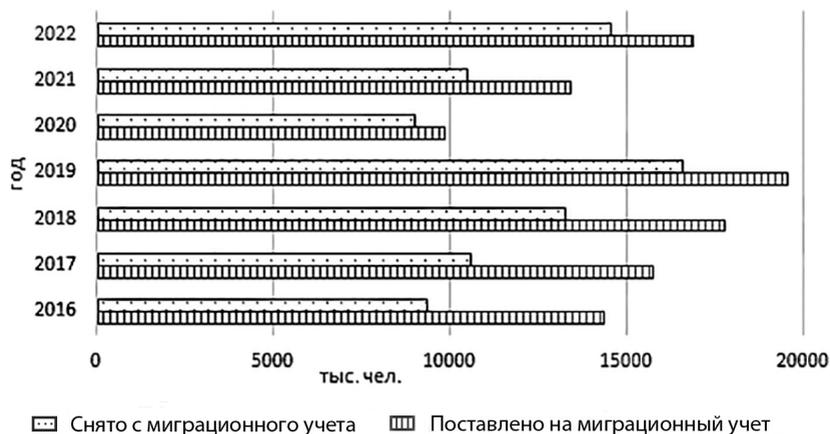

Рис. 3. Особенности миграционной ситуации в РФ в период 2016–2022 гг. Составлено по данным МВД РФ [<https://мвд.рф/dejatelnost/statistics/migracionnaya>] (дата обращения 09.08.2023)

К 2022 г. происходит кардинальное изменение миграционного статуса приезжающих в РФ. Если в 2016 г. наибольшую группу закономерно составляли лица, имеющие действительные разрешения на временное проживание (РВП) (рис. 4), а число получивших гражданство, как и тех, в отношении которых было принято решение о предоставлении вида на жительство (ВНЖ), составляли наименее многочисленные группы, то уже в 2017 г. численность группы РВП соотносима с группой ВНЖ.

Так, с 2020 г. самой многочисленной группой, на которую приходится более 1/3 всех вставших на миграционный учет, становится группа новых граждан РФ из числа недавних мигрантов. Постпандемийный год продемонстрировал новый пик — число иностранных

граждан, получивших российский паспорт, в 2021 г. превысило 700 тыс. человек.

Характерно, что в 2022 г. уже не наблюдается столь бурного роста числа новых россиян. Это объясняется, в том числе, и началом специальной военной операции в феврале указанного года.

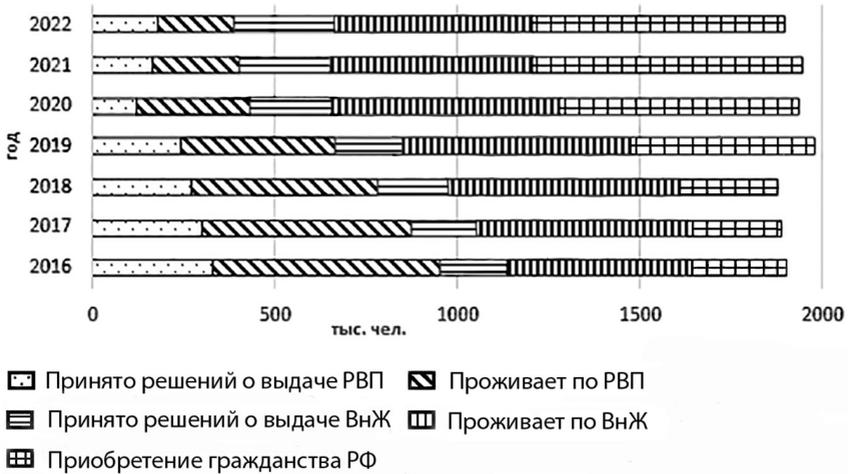

Рис. 4. Миграционный статус приезжающих в РФ иностранных граждан в 2016–2022 гг.

Составлено по данным МВД РФ

[<https://мвд.рф/dejatelnost/statistics/migracionnaya>]
(дата обращения 09.08.2023)

К 2022 г. наблюдается локализация главных потоков миграции из стран ближнего зарубежья. Безусловными лидерами здесь стали три среднеазиатские государства: Узбекистан, Таджикистан и Киргизия, на которые в совокупности приходится свыше 70% всех лиц, вставших на миграционный учет (табл. 2). Украина, даже учитывая резко изменившуюся социально-политическую конъюнктуру, подстегивающую миграцию из этой страны в РФ, заняла лишь 4-ю строчку рейтинга. С другой стороны, показательно расширение географии прибытия мигрантов в Россию: на авансцену выходят страны не только ближнего, но и дальнего зарубежья. Помимо уже ставшего традиционным Китая, мы видим усиление интенсивности миграционных потоков из Индии, Египта и Вьетнама (картосхема, рис. 5).

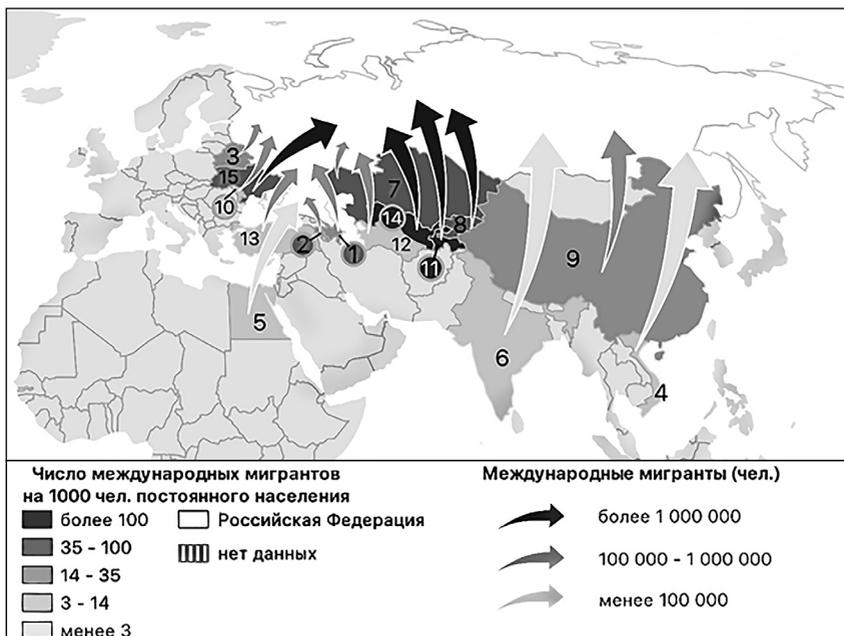

Рис. 5. География миграционного прибытия в Россию из зарубежных стран в 2022 г.

Составлено по данным Министерства внутренних дел РФ [https://мвд.рф/deyatelnost/statistics/migracionnaya] (дата обращения 09.08.2023)

1. Азербайджан; 2. Армения; 3. Беларусь; 4. Вьетнам; 5. Египет; 6. Индия; 7. Казахстан; 8. Киргизия; 9. Китай; 10. Республика Молдова; 11. Таджикистан; 12. Туркмения; 13. Турция; 14. Узбекистан; 15. Украина (нумерация стран дана в алфавитном порядке, названия стран — в соответствии с сайтом Росстата [http://rosstat.gov/statistics/incomparisons]). Статистические данные по Донецкой Народной Республике, Луганской Народной Республике, Запорожской и Херсонской областям РФ приводятся в рамках отдельного исследования.

Лидерами по показателю чистой миграции остаются всё те же страны: Узбекистан, Украина, Таджикистан. Коренным образом изменился набор главных стран, граждане которых получают российское гражданство. Из тройки лидеров вытеснены и Узбекистан, и Киргизия (рис. 5). Их место заняли выходцы из Таджикистана и Армении. Беспрецедентен «прорыв» Таджикистана: за короткий период с 2016 до 2022 г. число граждан этой страны, ставших россиянами, увеличилось в 7,5 раз: с 23 тыс. до 173 тыс. чел.

Страновая мозаика внешних миграций в РФ в 2022 г.³²

Поставлено на миграционный учет			Снято с миграционного учета		
№	Страна	Численность	№	Страна	Численность
	ВСЕГО по странам	16 870 094		ВСЕГО по странам	14 524 958
1	Узбекистан	6 345 614	1	Узбекистан	5 568 596
2	Таджикистан	4 448 261	2	Таджикистан	3 884 593
3	Киргизия	1 184 469	3	Киргизия	1 003 155
4	Украина	1 069 896	4	Украина	831 611
5	Казахстан	591 063	5	Казахстан	509 615
6	Беларусь	552 603	6	Беларусь	480 140
7	Армения	509 812	7	Армения	441 351
8	Азербайджан	492 839	8	Азербайджан	419 458
9	Китай	240 132	9	Китай	209 729
10	Молдова	162 783	10	Молдова	126 140
Сальдо внешней миграции			Приобретение гражданства РФ		
№	Страна	Численность	№	Страна	Численность
	ВСЕГО по странам	2 345 136		ВСЕГО по странам	691 045
1	Узбекистан	777 018	1	Украина	296 901
2	Украина	563 668	2	Таджикистан	173 634
3	Таджикистан	181 314	3	Армения	45 086
4	Киргизия	238 285	4	Казахстан	42 010
5	Китай	81 448	5	Узбекистан	27 220
6	Молдова	72 463	6	Азербайджан	23 688
7	Армения	68 461	7	Киргизия	23 496
8	Азербайджан	73 381	8	Молдова	15 171
9	Казахстан	30 403	9	Беларусь	15 137
10	Беларусь	36 643	10	ДНР	4 894

³² Составлено по данным Министерства внутренних дел РФ [<http://мвд.рф/dejatelnost/statistics/migracionnaya>]

Репрезентативной в означенный период также представляется динамика изменений половозрастного состава мигрантов, прибывавших в Россию. До 2007 г. включительно диспропорция полов среди иммигрантов отражала существующие типичные характеристики репатриационной семейной миграции. При этом надо отметить, что среди прибывающих с территории Украины и из Республики Казахстан эти показатели оставались неизменными и в дальнейшем³³. С 2007 по 2015 г. в потоках трудовой миграции и миграционном обмене со странами Средней Азии и Закавказья фиксируется тотальное преобладание молодых мужчин³⁴.

После 2015 г. эта тенденция снова меняется. Фиксируется возрождение «семейного» тренда³⁵. Однако если ранее, как уже было сказано, подобная статистика свидетельствовала о репатриации в Россию культурно конформного и преимущественного русского населения бывших республик СССР, то теперь главной тенденцией становится семейная миграция нерусского населения в Россию. Так, с 2016 по 2022 г. произошли качественные подвижки в структуре приезжающих: если в допандемийный период большую часть составляли именно трудовые мигранты, то после 2021 г. большая часть мигрантов приезжает в Россию по линии восстановления семей. И самой многочисленной группой становятся лица, получающие гражданство РФ. Меняется и национальная принадлежность новых граждан: как акцентировалось выше, по сравнению с 2016 г. из тройки лидеров вытеснены Узбекистан и Киргизия; их место заняли Таджикистан и Армения.

Всё это доказательно свидетельствует об усилении миграционных потоков в Россию из стран ближнего зарубежья уже с начала 2000-х гг., пик которых (промежуточный) был достигнут в 2022 г. Несмотря на изменение в начале 2020-х гг. внешней конъюнктуры, связанной со специальной военной операцией, Россия продолжает играть активную роль в том числе и в глобальных миграционных процессах, оставаясь одной из лидирующих стран-реципиентов мигрантов в мире и демонстрируя «миграционный поворот на восток»: страны Средней Азии обогнали ранее традиционные страны-доноры, а наибольшее число мигрантов въезжает в Россию (помимо Украины с ее особым статусом) из Таджикистана и из Узбекистана. При этом в 2022 г. к мигрантам из стран ближнего зарубежья в РФ присоединились миграционные потоки из зарубежья дальнего, в первую очередь из Китая, Вьетнама, Индии, Египта.

³³ Мкртчян Н.В. Половые диспропорции в потоках долговременной миграции в России // Демографическое обозрение. 2021. № 3. С. 9.

³⁴ Тюрюканова Е.В. Женщины-мигранты из стран СНГ в России. М., 2011. С. 21.

³⁵ Мкртчян Н.В. Половые диспропорции в потоках ... С. 15.

Значительные изменения за прошедшие десятилетия претерпел в России мигрантский социально-экономический и политико-культурный ландшафт. Тезис об ошибочности патерналистского взгляда на миграцию³⁶, безусловно, был справедлив на этапе трудовой миграции, когда основную массу мигрантов составляли лица трудоспособного возраста. Однако теперь, в условиях «второй волны» внешней миграции, когда в РФ активно мигрируют и пожилые родители трудовых мигрантов, и их неработающие жены с малолетними детьми, складывается прямо противоположная картина. На этой стадии отношения формируются не в системе патернализма (контроля через обеспечение и удовлетворение основных потребностей), а в определенном смысле, потребительского отношения к принимающему обществу (неприятие контроля со стороны принимающего государства, формирование параллельной и недружественной системы при гарантированном получении доступа к ресурсам, предоставляемым государством в виде пособий, льгот и проч.).

Этнические анклавы. Подходы к определению понятия

Говоря о ландшафте миграций, нельзя пройти мимо понятия «этнический анклав» и не коснуться осмысления текущих процессов анклализации пространства.

Исторические особенности формирования и специфика жизнедеятельности анклавных территорий, их демонстрационная этнокультурная спецификация позволяют ряду исследователей относить данный феномен к категории «культурных параллельных пространств» — порождению концепции мультикультурализма. Эмпирические реалии последних десятилетий продемонстрировали несостоятельность анклализации как инструмента адаптации, аккультурации, интеграции мигрантских групп/сообществ. Напротив, они выявили диапазон питательной среды анклавов для упрочения устоявшихся мировоззренческих установок и норм неофитов вопреки численному превосходству принимающего сообщества, простимулировав и укоренив критику мультикультурализма.

В теоретических рассуждениях, питаемых богатыми и многочисленными примерами и фактами, исследователи миграций осмысливают анклав как «пространственный»³⁷ либо как «пространственный и институциональный»³⁸ социальный феномен.

³⁶ Зайончковская Ж.А. Почему России необходима иммиграционная политика. С. 129.

³⁷ Qadeer M., Agrawal S. K., Lovell A. Evolution of Ethnic Enclaves in the Toronto Metropolitan Area, 2001–2006 // Journal of International Migration and Integration = Revue de l'integration et de la migration internationale. 2010. Vol. 11. P. 335.

³⁸ Ibid. P. 317.

В своем первоначальном значении дефиниция «анклав» подразумевает конкретную локальную часть конкретного государства, которая — в прямом смысле — окружена территорией или территориями, другого или других, одного или нескольких государств и не имеет при этом выхода к морю. Очевидно, что значение данного понятия подразумевает возможность географического, пространственного, социального, исторического, правового и др. смысловых наполнений.

Внутри этого явленного широкого сущностного диапазона нам, в контексте изучения миграционных процессов, принципиально важно сосредоточиться на понимании феномена анклава этнического, не теряя при этом связи ни с пространственно-географическим, ни с институционально-социальным³⁹.

Такое видение позволяет, с одной стороны, рассматривать инфраструктуру анклава⁴⁰, т.е. определяемое местоположением его экологическое, экономическое и производственное своеобразие. С другой стороны, оно дает возможность включать в сферу изучения и давать объективную оценку динамике и статике конкретного анклавного сообщества, которое развивается в данных конкретных условиях с изначально заданными групповыми параметрами — этнокультурными, религиозными, конфессиональными, лингвистическими, обычно-правовыми, самоидентификационными и др., в том числе, с сохраняющимися и/или трансформирующимися внутренними и внешними связями этого сообщества с материнским государством.

Такое видение одновременно позволяет, избежав противоречия, изучать анклав и как городские «кварталы, в которых доминирует конкретная этническая группа и присутствуют институты, отражающие характерные культурные ценности и символы»⁴¹.

Определенно, и для ряда случаев может быть бесспорно, и то обстоятельство, что «анклавы являются пространственно сегрегированными сообществами, возникшими вследствие социальных процессов классовой, этнической или расовой дифференциации и кластеризации»⁴².

Постепенно этнические анклав складываются в устойчивые, прочные «четко выраженные географически или пространствен-

³⁹ Ирхин И.В. Национально-этнические анклав в современном мире: природа, инструменты регуляции (публично-правовой аспект). Ч. 1 // Lex Russica. 2021. № 11 (180). С. 42.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Qadeer M., Agrawal S. K., Lovell A. Op. cit. P. 318.

⁴² Ibidem.

но ограниченные этнические центры»⁴³ проживания лиц, которые неразрывно связаны между собой. Среда существования способствует выработке и укоренению среди них общих целей, единых интересов, политических, экономических, культурных, социальных взглядов, в конце концов, общего для всех понимания выгоды, в основе которой — выживание, самовоспроизводство, защита и содействие «собственному экономическому, социальному, политическому и (или) культурному развитию»⁴⁴.

Под этническими анклавами в историографии устойчиво подразумеваются «городские кварталы, в которых мигрантские группы или национальные меньшинства проживают компактно (концентрированно)»⁴⁵, но эта трактовка неразрывна от исторических реалий, другими словами, этнический анклав в первую очередь является частью пространства географического. И здесь конкретная этническая группа или часть определенного этноса получает возможность или дает себе право (не всегда мирным, неконфликтным путем) дистанцироваться от окружающего эту территорию автохтонного большинства⁴⁶ в социальном, этно-культурном, экономическом плане, опираясь на собственный «высокого уровня социальный капитал»⁴⁷.

Этнический анклав возникает, укореняется и может функционировать на таксономических уровнях области, района, поселения, городского квартала и др. При этом в любом случае главной его особенностью является отсутствие институционализации, которое, впрочем, не обязательно осознается как проблема самим населением анклава. Напротив, может сознательно поддерживаться внутренней самоорганизацией и демонстративно проявляемым нежеланием менять сложившийся неформальный статус вплоть до нисхождения до маргинального статус-кво. Это официальное непризнание совокупно и компактно проживающих представителей конкретной этнической группы, социально и экономически развивающейся на террито-

⁴³ Wang W., Zhou S., Fan C. Growth and Decline of Muslim Hui Enclaves in Beijing // *Eurasian Geography and Economics*. 2002. Vol. 43. P. 105.

⁴⁴ Marcuse P. Enclaves Yes, Ghetto No: Segregation and the State // *Desegregating the City. Ghettos, Enclaves, and Inequality* / Ed. by D.P. Varady. Albany, 2005. P. 4.

⁴⁵ Zhou M. Ethnic enclaves and niches. Wiley Online Library. 2013. P. 1. — URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/full/10.1002/9781444351071.wbeghm201> (дата обращения 08.07.2024)

⁴⁶ Lim S., Yi S., Lundy De La Cruz N., Trinh-Shevrin C. Defining Ethnic Enclave and Its Associations with Self-Reported Health Outcomes Among Asian American Adults in New York City // *Journal of Immigrant and Minor Health*. 2017. 19(1). P. 138–146.

⁴⁷ Ethnic Enclaves — Sociology — Oxford Bibliographies. — URL: <https://www.oxfordbibliographies.com/display/document/obo-9780199756384/obo-9780199756384-0257.xml> (дата обращения 02.07.2023).

рии иного численно преобладающего этноса⁴⁸, принято определять как «территориально разобщенный участок какого-либо таксона, не имеющий самостоятельного признания по отношению к окружающей его территории»⁴⁹.

Необходимо отметить, что ряд исследователей считают возможным рассматривать гетто и анклавов в качестве однопорядковых феноменов, а, следовательно, дефиниций, отличающихся друг от друга исключительно уровнем сегрегации либо не имеющих отличий вовсе. Д. Хайберт, известный канадский исследователь, называет «средний уровень сегрегации концентрацией, высокий уровень сегрегации — анклавом, а экстремальный уровень концентрации ... геттоизацией», выделяя при этом «хорошую» (добровольную) и «плохую» (принудительную) сегрегацию⁵⁰.

Распространенным в научной литературе является критический подход к анклавам как факту, явлению. Л.В. Андриченко, И.В. Плюгина, А.А. Джагарян и др., опираясь на широкий эмпирический массив, фиксируют те обстоятельства, благодаря которым «иммигрантские анклавов как своеобразные формы самоорганизации мигрантов способствуют формированию этнических преступных организаций», и именно эта модель существования является для них одной из форм адаптации»⁵¹. Именно с этим связано нежелание, отсутствие стремления к институализации, адаптации, интеграции у жителей анклавов. И именно это предопределяет «недопустимость под видом признания равных прав на пользование городом ... осуществления территориальной сегрегации ... и формирования этнических анклавов, существующих по своим собственным правилам и неподконтрольных публичным властям»⁵².

Обобщая результаты научных изысканий исследователей, сосредоточенных на изучении миграционных процессов во всех их проявлениях, можно предложить следующую версию понятия и концепции национально-этнического анклавов. Этнический анклав — это квазитерриториальное образование, внутри которого сконцентрировано

⁴⁸ Самарина Е.Л. Этнические анклавов и предпринимательская активность выходцев из стран Латинской Америки // *Universum: общественные науки*. 2014. № 2 (3). — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/etnicheskie-anklavov-i-predprinimatelskaya-aktivnost-vyhodtsev-iz-stran-latinskoy-ameriki> (дата обращения 06.08.2023)

⁴⁹ Алаев Э.Б. Социально-экономическая география: Понятийно-терминологический словарь. М., 1983.

⁵⁰ Hiebert D. Ethnocultural Minority Enclaves in Montreal, Toronto and Vancouver // *Montreal Institute for Research on Public Policy*. N 52. 2015. P. 5, 6.

⁵¹ Андриченко Л.В., Плюгина И.В. Миграционное законодательство Российской Федерации: тенденции развития и практика применения. М., 2019.

⁵² Джагарян А.А. Право на город: постановка проблемы // *Конституционное и муниципальное право*. 2012. № 2. С. 53–57.

проживание объединенной по определенному этнокультурному признаку группы людей, сознательно обособляющихся от принимающего общества, системно реализующих практики, характерные для разных компонент своей культуры, не свойственные принимающей стороне. Фундаментальными характеристиками данного явления представляются: социокультурная общность, формирующая единые для локального анклавного сообщества мировоззренческие максимы, в том числе отстраненность — пространственную, культурную, социальную и пр. — от населения принимающего государства; четкая привязка к географическим маркерам локализации; относительная гомогенность гражданской идентичности, правовой культуры; самоидентификация членов анклава как единого целого при широком распространении на территории анклава элементов традиционного образа жизни, характерного для его членов; нежелание институализации; непринятие законов, правил, поведенческих общественных, культурных языковых норм принимающего общества.

Анклавы функционируют по собственным правилам, зачастую либо существующим параллельно, либо лишь отчасти коррелирующим с официальными властными институтами принимающей территории. В силу этого процесс анклавизации в ряде случаев может выступать предпосылкой и питательной средой для формирования преступных сообществ, популяризируя альтернативные формы адаптационных моделей поведения, включающих, среди прочего, игнорирование местного законодательства и групповую ментальность, построенные на противопоставлении себя как членов закрытого, сегрегированного сообщества с особым самолично определенным высоким статусом, и населения принимающей стороны, государства, области, города и т.д., чей статус также самолично определяется ничтожным.

Сама сущность анклава как замкнутого социо-территориального образования предопределяет выработку и цементирование исключительно среди его жителей представлений о тождественности групповых интересов интересам индивидуальным. В то время как любые возможности самоактуализации вне ограниченной территории отменяются, тем самым усиливая стагнационные и сегрегационные аспекты функционирования данного феномена.

К 2022 г. в России начали фиксироваться процессы, демонстрирующие достаточно быстрое оформление этнических анклавов в ряде крупных городов, где уже был замечен существенный рост напряженности на национально-бытовой почве, и среди коренного населения фиксировалась тенденция к переезду в другие районы. К примеру — в Москве, где подобные процессы в первую очередь соотносились

с городским районом Котельники. Исследователи отмечали взаимную отстраненность мигрантов и местного населения, указывая, что «...мигранты тесных связей с другими жителями Котельников не образуют, а круг их общения в городе состоит из тех, с кем они знакомы по стране происхождения, а также из коллег по работе и соседей по квартире, при том что эти два множества часто накладываются. У мужчин-мигрантов, как правило, отсутствует привязанность к месту, что нехарактерно для мигранток-домохозяек, которые формируют что-то вроде “кружков по интересам” с соотечественницами, с которыми знакомятся в Котельниках: вместе гуляют с детьми или ходят за продуктами, иногда присматривают за детьми друг друга»⁵³.

Помимо столицы аналогичные тенденции фиксировались в Екатеринбурге (район Сортировка), Красноярске (район КрасТЭЦ)⁵⁴, Новосибирске (район Хилокского рынка)⁵⁵, в областных поселениях, например киргизская деревня под Тулой⁵⁶.

Изучение этнических анклавов в большинстве случаев подразумевает осмысление их существования в городской среде. Но этническая анклавизация в районах российской сельской местности представляется не менее активной. В близлежащих к столичному региону областях формируется анклавный пояс деревень, в которых селятся мигранты из государств Средней Азии. В частности, деревня Рождествено Тверской области представляет собой пример так называемой «таджикизации», в результате которой произошла смена коренного населения выходцами из Таджикистана. Более половины населения деревни — этнические таджики⁵⁷. Аналогичные примеры есть во Владимирской, Калужской, Ярославской областях⁵⁸.

⁵³ Андреева А., Иванова Н., Варшавер Е. Являются ли Котельники этномиграционным анклавом? Кейс-стади города-спутника Москвы на предмет этномиграционных характеристик его жителей // Городские исследования и практики. 2020. Т. 5. № 4. С. 67.

⁵⁴ Варшавер Е.А., Рочева А.Л., Иванова Н.С., Андреева А.С. Мигранты в российских городах: расселение, концентрация, интеграция. М., 2021. С. 106.

⁵⁵ Коваленок А. Вайлайт Новосибирск: как избежать мигрантских анклавов. — URL: <https://nsk.rbc.ru/nsk/04/08/2023/64cb50d59a7947229fb8179e> (дата обращения: 11.07.2023)

⁵⁶ Снегирев Ю. Киргизский угол: в России появился первый национальный анклав // Российская газета. Федеральный выпуск. 2 июня 2018 г.

⁵⁷ Аронов Н. Деревня Тубетейкино. — URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3534121> (дата обращения: 11.08.2023); Стешин Д. Дружба народов в тверском селе: «Уж лучше мигранты, чем наше Рождествено вымрет?». — URL: <https://www.kr.ru/daily/26795.4/3829624/> (дата обращения: 11.08.2023)

⁵⁸ Является ли этот процесс локальным и индивидуальным выбором/актом или прямым следствием целенаправленной политики переселения таджикских мигрантов — вопрос дискуссионный. В этом плане немаловажной представляется статья: Ульмасов Р. Таджики могут обустроить российскую деревню? Эндшпиль российских деревень // Magister Dixit. 2013. № 4. — URL: <https://cyberleninka.ru/>

Статистические данные за 2016 г. репрезентативно демонстрировали особенность миграционной динамики на территории Российской Федерации. Основная часть миграций на тот момент состояла из граждан СНГ трудоспособного возраста. Однако было заметно снижение их доли в общем миграционном потоке. И если в 2014 и 2015 гг. они составляли 67% и 68% от общего числа прибывших соответственно, в 2016 г. этот показатель был равен лишь 59%. Большинство въезжающих в страну мигрантов имели гражданство Узбекистана и направлялись в Центральный и Приволжский федеральные округа⁵⁹.

После ожидаемого снижения миграционной активности в период пандемии COVID-19, связанного с закрытием государственных границ, в 2022 г. численность потока мигрантов значительно превысил уровень 2019 г., составив, по данным МВД, около 17 млн человек. Наиболее многочисленными группами стали выходцы из Узбекистана (38%), Таджикистана (26%), Киргизии (7%). Изменилась и география прибытия: вместе с Центральным федеральным округом лидерство по числу прибывающих стало принадлежать также Северо-Западному ФО⁶⁰.

Высокая концентрация временных трудовых мигрантов одного конкретного этноса, одной возрастной группы и лиц, относящихся к сходным сферам занятости, неизбежно ведет к «выстраиванию внутри новой, но чуждой социально-культурной среды обитания своей собственной, более привычной и психологически комфортной»⁶¹, т.е. к анклавизации⁶². При этом в ситуации проживания в рамках анклава этническая и культурная идентичность мигранта не подвергается трансформации в соответствии с поведенческими и мировоззренческими нормами, принятыми в принимающем обществе, напротив, консервируется и противопоставляется им⁶³.

article/n/tadzhiiki-mogut-obustroit-rossiyskuyu-derevnyu-endshpil-rossiyskih-dereven (дата обращения 04.07.2023). В ней затрагивается вопрос о закреплении за каждым районом Таджикистана пустующих российских деревень и формирования групп для организованного выезда туда.

⁵⁹ Трушкова Е.А. Феномен этнических анклавов и его отражение в научных исследованиях // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2018. № 3. С. 378.

⁶⁰ Статистические сведения по миграционной ситуации // Сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации. — URL: <https://мвд.рф/dejatelnost/statistics/migracionnaya>

⁶¹ Явкин Н.В. Взаимодействие мигрантов и принимающего сообщества // Традиции и инновации в строительстве и архитектуре: сборник статей. Самара, 2016. С. 32.

⁶² Кузнецов И.М., Мукомель В.И. Адаптационные возможности и сетевые связи мигрантских этнических меньшинств. М., 2005. С. 16.

⁶³ Madiukova S.A., Persidskaia O.A. Ethnic enclaves as a social and territorial phenomenon (based on the city of Novosibirsk) // Журнал Сибирского федерального университета. Сер. Гуманитарные науки. 2017. Т. 10. № 7. С. 994.

Описанные выше процессы представляются потенциальными факторами риска, в первую очередь — в сфере межнациональных отношений и этнического многообразия единого российского сообщества. Увеличение градуса сегрегации и социального отчуждения может перерасти во взаимное отторжение и вражду между жителями анклавов и коренным населением, что, в свою очередь, создает возможности для социальной дестабилизации, а также возникновения угроз территориальной целостности государства.

С учетом актуальных проблем, существующих в миграционной сфере, одним из аспектов ее регуляции представляется совершенствование механизмов противодействия нарушениям действующего миграционного законодательства, борьба с коррупцией и деятельность, направленная на недопущение формирования этнических анклавов.

Именно анклавизация рассматривается как одна из ключевых внутренних экстремистских угроз⁶⁴, являющихся следствием активных миграционных процессов, обесценивающая конструктивные и позитивные последствия трудовой миграции. В связи с этим меры, направленные на нейтрализацию факторов, способствующих формированию этнических анклавов, пространственной и социальной сегрегации российской территории, приобретают особую значимость, становятся одной из ключевых задач российской миграционной политики⁶⁵.

Таким образом, уже к 2022 г. мы стали свидетелями органических изменений динамики и структуры миграционных процессов в России, связанных как с внешними факторами, так и с внутренними процессами, происходящими в стране.

References

Alayev E.B. *Sotsial'no-ekonomicheskaya geografiya. Ponyatiyno-terminologicheskaya slovar'* [Socio-Economic Geography: Conceptual and Terminological Dictionary]. Moscow: Mysl', 1983. 290 p.

Andreeva A., Ivanova N., Varshaver E. *Yavlyayutsya li Kotelniki etnomigratsionnym anklavom? Kejs-stadi goroda-sputnika Moskvy na predmet etnomigratsionnykh kharakteristik yego zhiteley* [Are Kotelniki an Ethnic-Migration Enclave? A Case Study of a Satellite City of Moscow Regarding the Ethnic-Migration Characteristics of its Residents] // *Gorodskiy issledovaniya i praktiki*. 2020. Vol. 5. N 4. P. 54–72.

⁶⁴ Указ Президента РФ от 29.05.2020 № 344 «Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года» // Собрание законодательства РФ. 01.06.2020. № 22. Ст. 3475.

⁶⁵ Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 05.07.2021. № 27 (часть II). Ст. 5351.

Andrichenko L.V., Plyugina I.V. *Migratsionnoye zakonodatel'stvo Rossiyskoy Federatsii: tendentsii razvitiya i praktiki primeneniya* [Migration Legislation of the Russian Federation: Development Trends and Practices]. Moscow: Norma; Infra-M, 2019. 391 p.

Bezhtentsy i vyunuzhdennyye migranty v gosudarstvakh SNG. Kontseptsiya i organizatsionnyye меры po resheniyu problemy mnogostoronnimi usilyami v ramkakh Sodruchestva [Refugees and Forced Migrants in the CIS Countries: Concept and Organizational Measures for Solving the Problem through Multilateral Efforts within the Commonwealth] / A. Anfalov, T. Vasil'yeva, G. Vitkovskaya, et al. Moscow: Kompleks-Progress, 1996. 160 p.

Chudinovskikh O.S. *O ponimanii statistiki migratsii* [On Understanding Migration Statistics] // *Voprosy statistiki*. 2017. N 5. P. 19–27.

Dzhagaryan A.A. *Pravo na gorod: postanovka problemy* [The Right to the City: Problem Statement] // *Konstitutsionnoye i munitsipal'noye pravo*. 2012. N 2. P. 53–57.

Ethnic Enclaves — Sociology — Oxford Bibliographies. — URL: <https://www.oxfordbibliographies.com/display/document/obo-9780199756384/obo-9780199756384-0257.xml>

Florinskaya Yu.F., Mkrtchyan N.V., Kartseva M.A. *Zhenshchiny — nayemnyye rabotnitsy v domokhozyaystvakh Moskvy i Sankt-Peterburga* [Women Hired Workers in Households in Moscow and Saint Petersburg] // *Zhenshchina v rossiyskom obshchestve*. 2022. N 2. P. 87–102.

Florinskaya Yu.F., Tyuryukanova E.V., Zayonchkovskaya Zh.A. *Trudovaya migratsiya v Rossiyu: kak dvigat'sya dal'she* [Labor Migration to Russia: How to Move Forward]. Special Report Series. Moscow: MAKS Press, 2011. 52 p.

Hiebert D. *Ethnocultural Minority Enclaves in Montreal, Toronto and Vancouver* // *Montreal Institute for Research on Public Policy*. 2015. N 52. 49 p.

Irkhin I.V. *Natsional'no-etnicheskie anklavy v sovremennom mire: priroda, instrumenty regulyatsii (publichno-pravovoy aspekt)* [National-Ethnic Enclaves in the Modern World: Nature, Regulation Tools (Public-Law Aspect)] Part 1 // *Lex Russica*. 2021. N 11 (180). P. 39–51.

Karachurina L.B. *Demography and Migration in Post-Soviet Countries // What Has Remained of the USSR: Exploring the Erosion of the Post-Soviet Space*. Ch. 7. Helsinki: Finnish Institute of International Affairs, 2019. P. 161–190.

Karachurina L.B., Mkrtchyan N.V., Florinskaya Yu.F., Abylkalikov S.I. *Migratsiya naseleniya v Rossii: noveyskiye tendentsii i opyt pokoleniy* [Population Migration in Russia: Recent Trends and Generational Experience] // *Naseleniye Rossii 2019: dvadtsat' sed'moy ezhegodnyy demograficheskiy doklad* [Population of Russia 2019: The Twenty-Seventh Annual Demographic Report] / Ed. by S.V. Zakharov. Ch. 7. Moscow: Izdatel'skiy dom NIU VShE, 2022. P. 276–326.

Kashnitsky I.S. *Vliyaniye izmeneniy v pravilakh ucheta migratsii v 2011 g. na otsenku intensivnosti migratsii molodezhi: kogortno-komponentnyy analiz* [The Impact of Changes in Migration Accounting Rules in 2011 on the Assessment of Youth Migration Intensity: Cohort-Component Analysis] // *Demograficheskoye obozreniye*. 2017. N 1. P. 83–97.

Kuznetsov I.M., Mukomel' V.I. *Adaptatsionnyye vozmozhnosti i setevyye svyazi migrantov etnicheskikh men'shinstv* [Adaptation Opportunities and Network Connections of Ethnic Migrant Minorities]. Moscow: Institut Sociologii RAN, 2005. 50 p.

Lim S., Yi S., Lundy De La Cruz N., Trinh-Shevrin Ch. *Defining Ethnic Enclave and Its Associations with Self-Reported Health Outcomes Among Asian American Adults in New York City* // *Journal of Immigrant and Minor Health*. 2017. 19 (1). P. 138–146.

Madiukova S.A., Persidskaia O.A. *Ethnic Enclaves as a Social and Territorial Phenomenon (Based on the City of Novosibirsk)* // *Zhurnal Sibirskogo federal'nogo universiteta. Series "Gumanitarnye nauki"*. 2017. Vol. 10. N 7. P. 983–994.

Marcuse P. *Enclaves Yes, Ghetto No: Segregation and the State* // *Desegregating the City. Ghettos, Enclaves, and Inequality* / Ed. by D.P. Varady. Albany: State University of New York Press, 2005. P. 15–30.

Metodologiya i metody izucheniya migratsionnykh protsessov. Mezhdistsiplinarnoye uchebnoye posobiye [Methodology and Methods of Studying Migration Processes: An Interdisciplinary Textbook] / Ed. by Zh.A. Zayonchkovskaya, I.N. Molodikova, V.I. Mukomel'. Moscow: Adamant; Center Migrationnykh Issledovaniy, 2007. 370 p.

Migratsii i novyye diaspori v postsovetsskikh gosudarstvakh = Migrations and New Diasporas in the Post-Soviet States / V.A. Tishkov, O.D. Komarova, S.S. Savoskul, et al.; ed. by V.A. Tishkov. Moscow: Institut ethnologii i antropologii RAN, 1996. 238 p.

Migratsiya: bedstviye ili blago? Materialy kruglogo stola po problemam vynuzhdennoy migratsii v Rossii [Migration: Disaster or Benefit? Materials of the Round Table on Issues of Forced Migration in Russia] / L.I. Grafova, V.A. Tishkov, Yu.D. Anchabadze, et al.; ed. by E.I. Filippova. Moscow: Institut ethnologii i antropologii RAN, 1996. 68 p.

Migratsiya v Rossii. 2000–2012. Khrestomatiya [Migration in Russia. 2000–2012. A Reader] In 3 vols. / Compiled by N.V. Mkrtychyan, E.V. Tyuryukanova; ed. by Zh.A. Zayonchkovskaya. Vol. 1. In 3 parts. *Migratsionnyye protsessy i aktual'nyye voprosy migratsii* [Migration Processes and Current Migration Issues]. Moscow: Spetskniga, 2013. 880, 960, 928 p.

Mkrtychyan N.V. *Polovyye disproportsii v potokakh dolgovremennoy migratsii v Rossii* [Gender Disparities in Long-Term Migration Flows in Russia] // *Demograficheskoye obozreniye*. 2021. N 3. P. 6–19.

Mkrtychyan N.V. *Problemy v statistike vnutrirossiyskoy migratsii, porozhdyonnyye izmeneniyem metodiki ucheta v 2011 g.* [Problems in Russian Internal Migration Statistics Caused by Changes in Accounting Methodology in 2011] // *Demograficheskoye obozreniye*. 2020. N 1. P. 83–99.

Mkrtychyan N.V., Florinskaya Yu.F. *Trudovaya migratsiya v Rossii: mezhdunarodnyy i vnutrenniy aspekty* [Labor Migration in Russia: International and Domestic Aspects] // *Zhurnal Novoy ekonomicheskoy assotsiatsii*. 2018. N 1. P. 186–193.

Mukomel' V.I. *Adaptatsiya i integratsiya migrantov v Rossii* [Adaptation and Integration of Migrants in Russia] // *Migratsiya v Rossii. 2000–2012: khrestomatiya* [Migration in Russia. 2000–2012: A Reader]. In 3 vols. Vol. I. Part 2. Moscow: Spetskniga, 2013. P. 692–700.

Mukomel' V.I. *Demograficheskiye posledstviya etnicheskikh i regional'nykh konfliktov v SNG* [Demographic Consequences of Ethnic and Regional Conflicts in the CIS] // *Naseleniye i obshchestvo*. 1997. N 27. P. 1–4.

Mukomel' V.I. *Pravovyye osnovy i praktika regulirovaniya migratsii v sub'yektakh Federatsii* [Legal Foundations and Practices of Migration Regulation in the Subjects of the Federation] // *Migratsiya*. 1997. N 3 (4). P. 15–25.

Mukomel' V., Kuznetsov I., Charnyy S. *Predotvrashcheniye regional'nykh etnicheskikh konfliktov v Rossiyskoy Federatsii* [Prevention of Regional Ethnic Conflicts in the Russian Federation]. Moscow: Academia, 2007. 28 p.

Perevedentsev V.I. *Migratsiya naseleniya i demograficheskoye budushcheye Rossii: nauchno-analiticheskiy doklad* [Population Migration and the Demographic Future of Russia: Scientific and Analytical Report]. Moscow: [s. n.], 2003. 60 p.

Perevedentsev V.I. *Migratsiya naseleniya v SNG: opyt prognoza* [Population Migration in the CIS: Forecast Experience] // *Polis. Politicheskije issledovaniya*. 1993. N 2. P. 69–79.

Perevedentsev V.I. *Migratsiya v ritme vremeni: sbornik statey* [Migration in the Rhythm of Time: A Collection of Articles]. Moscow: MAKS Press, 2010. 79 p. (Series “*Migratsionnyy barometr v Rossiyskoy Federatsii*” [Migration Barometer in the Russian Federation]).

Qadeer M., Agrawal S.K., Lovell A. *Evolution of Ethnic Enclaves in the Toronto Metropolitan Area, 2001–2006* // *Journal of International Migration and Integration = Revue de l'integration et de la migration internationale*. 2010. Vol. 11. P. 313–339.

Samarina E.L. *Etnicheskiye anklavy i predprinimatel'skaya aktivnost' vykhodtsev iz stran Latinskoj Ameriki* [Ethnic Enclaves and Entrepreneurial Activity of Natives from Latin American Countries] // *Universum: obshchestvennyye nauki*. 2014. N 2 (3). — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/etnicheskie-anklavy-i-predprinimatel'skaya-aktivnost-vyhodtsev-iz-stran-latinskoj-ameriki>

Savoskul M.S. *Adaptatsiya etnicheskikh migrantov v regionakh Rossii* [Adaptation of Ethnic Migrants in Russia's Regions] // *Vestnik Moskovskogo universiteta*. Series 5. *Geografiya*. 2012. N 2. P. 59–64.

Savoskul M.S. *Formirovaniye i evolyutsiya rossiysko-germanskoj transnatsional'noy migratsionnoy sistemy: avtoreferat dissertatsii na soiskaniye uchenoy stepeni doktora geograficheskikh nauk* [Formation and Evolution of the Russian-German Transnational Migration System: Abstract of the Dissertation for the Degree of Doctor in Geography]. Moscow: MGU, 2016. 22 p.

Savoskul M.S. *Teoreticheskiye i metodicheskiye podkhody k izucheniyu mezhdunarodnoy migratsii naseleniya v geografii i smezhnykh naukakh* [Theoretical and Methodological Approaches to Studying International Migration of the Population in Geography and Related Sciences] // *Teoreticheskiye i metodicheskiye podkhody v ekonomicheskoy i sotsial'noy geografii: sbornik statey* [Theoretical and Methodological Approaches in Economic and Social Geography: A Collection of Articles] / Ed. by V.L. Baburin, M.S. Savoskul. Moscow: Geographicheskij Fakultet MGU imeni M.V. Lomonosova, 2019. P. 115–143.

Tishkov V.A. *Etnichnost' i natsionalizm v postsovet'skom prostranstve* [Ethnicity and Nationalism in the Post-Soviet Space] // *Regional'nyye problemy mezhnatsional'nykh otnosheniy v Rossii* [Regional Problems of Interethnic Relations in Russia]. Omsk: Omich, 1993. P. 265–277.

Tishkov V.A. *Postsovet'skiye migratsii* [Post-Soviet Migrations] // *Byulleten' Seti etnologicheskogo monitoringa i rannego preduprezhdeniya konfliktov*. 1995. N 5. P. 3–6.

Trushkova E.A. *Fenomen etnicheskikh anklavov i yego otrazheniye v nauchnykh issledovaniyakh* [The Phenomenon of Ethnic Enclaves and Its Reflection in Scientific Research] // *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Sociologiya*. 2018. N 3. P. 377–392.

Tyuryukanova E.V. *Zhenshchiny-migranty iz stran SNG v Rossii* [Women Migrants from the CIS Countries in Russia]. Moscow: MAKS Press, 2011. 118 p.

Varshaver E.A., Rocheva A.L., Ivanova N.S. *Integratsiya migrantov vtorogo pokoleniya v vozraste 18–35 let v Rossii: rezul'taty issledovatel'skogo proekta* [Integration of Second-Generation Migrants Aged 18–35 in Russia: Research Project Results] // *Monitoring*. 2019. N 2 (150). P. 318–364.

Varshaver E.A., Rocheva A.L., Ivanova N.S., Andreeva A.S. *Migranty v rossiyskikh gorodakh: rasseleniye, kontsentratsiya, integratsiya* [Migrants in Russian Cities: Settlement, Concentration, Integration]. Moscow: Izdatel'skiy dom "Delo" RANHiGS, 2021. 226 p.

Vendina O.I., Panin A.N., Tikunov V.S. *Sotsial'noye prostranstvo Moskvy: osobennosti i struktura* [The Social Space of Moscow: Features and Structure] // *Izvestiya Rossiyskoy akademii nauk. Seriya geograficheskaya*. 2019. N 6. P. 3–17.

Vishnevsky A.G., Denisenko M.B., Mkrtchyan N.V., Karachurina L.B., Chudinovskikh O.S. *O kriticheskom sostoyanii ucheta migratsii v Rossii* [On the Critical State of Migration Accounting in Russia] // *Voprosy statistiki*. 2004. N 10. P. 27–36.

Vynuzhdennyye migranty i gosudarstvo [Forced Migrants and the State] / Ed. by V.A. Tishkov. Moscow: Institut ethnologii i antropologii imeni N.N. Miklukho-Maklaya RAN, 1998. 420 p.

Wang W., Zhou S., Fan C. *Growth and Decline of Muslim Hui Enclaves in Beijing // Eurasian Geography and Economics*. 2002. Vol. 43. P. 104–122.

World Population Prospects 2022: Summary of Results // United Nations. Department of Economic and Social Affairs. Population Division. 2022. — URL: <https://population.un.org/wpp/>

Yavkin N.V. *Vzaimodeystviye migrantov i prinyimayushchego soobshchestva* [Interaction of Migrants and the Host Community] // *Traditsii i innovatsii v stroitel'stve i arkhitekture: sbornik statey* [Traditions and Innovations in Construction and Architecture: A Collection of Articles]. Samara: Samarskiy gosudarstvennyy arkhitecturno-stroitel'nyy universitet, 2016. P. 30–34.

Yerokhina E.A. *Etnicheskiye rynki i ikh rol' v transformatsii gorodskogo prostranstva (na primere Novosibirsk)* [Ethnic Markets and Their Role in the Transformation of Urban Space (Novosibirsk Case)] // *Sibirskiy filosofskiy zhurnal*. 2017. Vol. 15. N 4. P. 173–182.

Zayonchkovskaya Zh.A. *Migratsiya naseleniya kak indikator sotsial'noy situatsii v postsovetском prostranstve* [Population Migration as an Indicator of the Social Situation in the Post-Soviet Space] // *Problemy prognozirovaniya*. 1997. N 3. P. 119–128.

Zayonchkovskaya Zh.A. *Migratsiya naseleniya SSSR i Rossii v XX veke: evolyutsiya skvoz' kataklizmy* [Population Migration in the USSR and Russia in the 20th Century: Evolution through Cataclysms] // *Problemy prognozirovaniya*. 2000. N 4. P. 1–15.

Zayonchkovskaya Zh.A. *Pochemu Rossii neobkhodima immigratsionnaya politika* [Why Russia Needs an Immigration Policy] // *Metodologiya i metody izucheniya migratsionnykh protsessov: mezhdistsiplinarnoe uchebnoye posobiye* [Methodology and Methods of Studying Migration Processes: An Interdisciplinary Textbook]. Moscow: Adamant, 2007. P. 114–141.

Zayonchkovskaya Zh.A. *SNG cherez prizmu migratsiy* [The CIS through the Prism of Migrations] // *Migratsiya*. 1998. N 3–4. P. 4–10.

Zhou M. *Ethnic Enclaves and Niches*. Wiley Online Library. 2013. — URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/full/10.1002/9781444351071.wbghm201>

Поступила в редакцию
15 сентября 2023 г.

DOI: 10.55959/MSU0130-0083-8-2024-65-2-152-178

Е.А. Шинаков, Н.Г. Рябчевский, С.А. Иванчей

**АРХЕОЛОГО–НУМИЗМАТИЧЕСКИЕ
СВИДЕТЕЛЬСТВА СОБЫТИЙ ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ
XIV В. НА ЮГЕ КАРАЧЕВСКОГО КНЯЖЕСТВА
(БАССЕЙН Р. НАВЛЯ)**

E.A. Shinakov, N.G. Ryabchevskii, S.A. Ivanchei

**ARCHAEOLOGICAL AND NUMISMATIC TRACES
OF EVENTS OF THE LAST THIRD OF THE 14th CENTURY
IN THE SOUTH OF THE PRINCIPALITY OF KARACHEV
(NAVLYA RIVER BASIN)**

Аннотация. XIV–XV века являются самыми «темными» в археологии средневековой Руси. Водораздел бассейнов Десны и Оки, на границах современной Брянской и Орловской областей, — один из самых слабоизу-

Шинаков Евгений Александрович, доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории, руководитель Научно-образовательного центра археолого-этнологических исследований Брянского государственного университета имени И.Г. Петровского

Shinakov Evgeniy Aleksandrovich, Doctor in History, Professor, Department of National History, Head, Research and Educational Center for Archaeological and Ethnological Studies, Bryansk I.G. Petrovsky State University

shinakov@mail.ru

ORCID: 0000-0002-7151-9948

Рябчевский Николай Геннадиевич, младший научный сотрудник Научно-образовательного центра археолого-этнологических исследований Брянского государственного университета имени И.Г. Петровского

Ryabchevskii Nikolay Gennadiyevich, Junior Research Fellow, Research and Educational Center for Archaeological and Ethnological Studies, Bryansk I.G. Petrovsky State University

NikkiGun@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-2775-4246

Иванчей Сергей Александрович, студент направления «Теология» факультета истории и международных отношений Брянского государственного университета имени И.Г. Петровского

Ivanchei Sergey Aleksandrovich, Student, Theology program, Faculty of History and International Relations, Bryansk I.G. Petrovsky State University

sergey.ivanchei@gmail.com

ORCID: 0009-0003-6236-4213

ченных в плане политической истории регионов. В указанные столетия он находился на пограничье Брянского, Карачевского и самого южного из Верховских — Новосильского — княжества, «зажатых» между Московским, Литовским, Рязанским великими княжествами и Золотой Ордой. Новые археологические и нумизматические находки, сделанные экспедицией Брянского государственного университета имени И.Г. Петровского, с одной стороны, материально иллюстрируют военно-политические события последней трети XIV в., с другой — контаминация находок с конкретными событиями позволяет уточнить датировку различных типов предметов религиозного культа, воинского снаряжения, денежно-весового обращения. Базовыми датируемыми находками (кроме керамики) на Навлинском поселении являются колесцовая шпора типа VIII (по О. Двуреченскому, 2014) и энколпион из медного сплава с изображением архангела Сихаила и Св. Сисиния, представляющий собой двойную переотливку с оригинала. Шпора относится к типу, характерному для периода перехода от кольчатых доспехов к пластинчатым, когда в Европе преобладали доспехи комбинированные. На основе аналогов из Польши, Чехии, Галицкой земли навлинский экземпляр можно датировать второй половиной XIV — началом XV в. Энколпион может датироваться примерно этим же временем. В данном межграничном регионе в конце XIV — начале XV в. происходило много военных событий, которые могли вызвать попадание в культурный слой достаточно ценных и целых предметов. С этими событиями связаны и другие находки колесцовых, но чаще — более поздних типов шпор, схожих энколпионов и иконок на всем Юго-Востоке Руси, включая Посеймье и Попселье. Но для навлинских находок хронологию можно сократить до конца XIV в. благодаря найденному также на Навле кладу джучидских дирхемов — дангов, а также кладов и отдельных монет северской чеканки.

Ключевые слова: «темные века», археологические свидетельства, Десна, Ока, Навля, Карачев, Новосиль, монетный клад, воинское снаряжение, энколпион.

Abstract. The 14th and 15th centuries are considered the “darkest” period in the archaeology of medieval Rus’. The watershed of the Desna and Oka river basins, located at the borders of the modern Bryansk and Oryol regions, is one of the least studied areas in terms of political history. During these centuries, it was situated at the frontier of the principalities of Bryansk, Karachev and Novosil’ (the southernmost on the Upper Oka), which were “squeezed” between the Grand Duchies of Moscow, Lithuania, Ryazan’, and the Golden Horde. New archaeological and numismatic findings made by the expedition of Bryansk State University provide material evidence of the military-political events of the last third of the 14th century. Additionally, the correlation of these findings with specific events allows for more precise dating of various types of religious artifacts, military equipment, and monetary and weight items. Key dating finds (apart from ceramics) at the Navlya settlement include a rowel spur of type VIII (according to O. Dvurechenskiy, 2014) and a copper alloy encolpion depicting the Archangel Sachiel and Saint Sisinnius. This encolpion is a double recast from the original. The spur belongs to a type characteristic of the transition period from chain mail to plate armor, a time when combined armor prevailed in Europe. Based on ana-

logs from Poland, Czechia and Galicia, the Navlya specimen can be dated from the second half of the 14th century to the early 15th century. The encolpion can be dated to approximately the same time. In this border region, many military events occurred in the late 14th and early 15th centuries, which could have resulted in the deposition of valuable and intact items in the cultural layer. These events are also associated with other finds of rowel spurs, but more frequently of later types, as well as similar encolpia and icons throughout the Southeast of Rus', including the Seim and Psel regions. However, for the Navlya finds, the chronology can be narrowed to the end of the 14th century, thanks to the discovery of a hoard of Jochid dirhams (dang coins), as well as hoards and individual coins of Severskaya minting at the Navlya.

Keywords: Dark Ages, archaeological traces, Desna, Oka, Navlya, Karachev, Novosil', coin hoard, military equipment, encolpion.

* * *

Река Навля, левый приток Средней Десны, имеет исток в Орловской области. Всего 5 км отделяют его от истока р. Глинка, притока р. Цон, впадающей в Оку чуть южнее Орла. В связи с этим еще в так называемый позднеримский период и эпоху Великого переселения народов (конец II — начало VII в. н.э.) здесь проходил своеобразный «мост» между Средним Подесеньем и Верхним Поочьем¹, с избытком находок предметов вооружения и воинского снаряжения, украшений с эмальями тех времён².

Аналогичные категории находок встречаются в бассейне р. Навля и в древнерусский период, но они не маркируют путь вдоль нее, ибо располагаются либо в низовьях, причем на лесистом водоразделе с Десной и Неруссой (Монастырская, Мальцева), либо в верховьях, на брянско-орловском пограничье (Слободка, Лески)³. Раскопки и раз-

¹ Шинаков Е.А. «Мост» между средним Поднепровьем и Поочьем в позднеримское время // Русский сборник. Вып. 8. Т. 1. Брянск, 2016. С. 165–172.

² *Shinakov E.A., Fedosov A. V. Weapons and Armour of Germanic and Nomadic origin in the Middle Desna region (the end of the fourth — the sixth centuries) // Relații interetnice în Transilvania: Militaria Medievalia în Europa Centralăși de Sud-Vest / Pinter Z.K., Nițoi A., Urduzia C. Sibiu, 2018. Fig. 2, 3, 4, 10, 12; Брянский клад украшений с выемчатой эмалью восточноевропейского стиля (III в. н.э.) // Раннеславянский мир. Вып. 18 / Отв. ред. А.М. Обломский. М.; Вологда, 2018; Воронятов С.В., Шинаков Е.А. Отдельные находки и клады круга выемчатых эмалей в Брянском Подесенье // Германия — Сарматия (Germania — Sarmatia). Вып. III. Сб. науч. ст. по археологии народов Центральной и Восточной Европы / Отв. ред. О. Радюш. М., 2020. С. 80–114; Шинаков Е.А., Чубур А.А. Лунницы круга «варварских выемчатых эмалей» в среднесинском регионе // Германия — Сарматия. (Germania — Sarmatia). Вып. III. С. 116–127; Рябчевский Н.Г. Находки восточноевропейских выемчатых эмалей на территории Брянской области (материалы к своду) // Германия — Сарматия (Germania — Sarmatia). Вып. III. С. 128–153.*

³ Шинаков Е.А., Миненко В.В., Грачев С.Ю., Пискунов В.О., Соболев А.В., Чубур А.А. Средневековые копья Среднего Подесенья (VI–XV вв.) // Русский сборник. Вып. 5. Труды кафедры отечественной истории и средневековья Брянского гос.

ведки 2021 г. на Средней и Верхней Навле позволили выявить ряд предметов воинского снаряжения, религиозного культа, денежного обращения с большей долей достоверности относящихся к XIV в. и, соответственно, датирующие и те памятники и культурные напластования, в контексте которых они были выявлены (рис. 1). Период же конца XIII–XV вв. «заслуженно» считается (а часто и является) наименее изученным в русской средневековой археологии. Для некоторых регионов — Курского Посеймья, например, это послужило поводом для выводов о значительном или даже полном запустении их в этот период⁴. Для Брянского Подесенья этот вывод, после начала системного археологического изучения его Средневековья, абсолютно неадекватен, ибо по археологическим данным плотность населения здесь увеличивается именно во второй половине XIII–XIV вв.⁵

В этой связи находки сразу нескольких артефактов, наиболее вероятно относящих к XIV — первой половине XV в., на восточной окраине Среднего Подесенья, на его стыке с Верхним Поочьем, причем за один полевой сезон, представляют несомненный интерес и существенно дополняют и уточняют уже сложившуюся картину. Следует отметить прежде всего шпору, относящуюся к развитию типа V («колёсиковые») по А.Н. Кирпичникову (рис. 2:1). Длина шпору от основания до держателя — 12 см, вместе с держателем — 16 см. Дужки прямые, с небольшим (5 мм высоты) примерно от середины до расстояния в 1,5 см до основания петель. У держателя дужки имеют круглое сечение диаметром до 10 мм, затем диаметр сечения плавно уменьшается и становится овальным (7×5 мм). С середины длины дужки плавно трансформируются в овально-прямоугольные в сечении (6,5×5 мм), у основания петель они становятся плоскими (6,5×2 мм). Держатель отходит от «вершины» дужек под углом примерно 45°, имеет круглое сечение диаметром 7 мм, на его конце — шарик того же диаметра с орнаментом в виде двойного пояска из точек. Щель для колесика имеет ширину 1 мм, длину 2,7 см. Высо-

университета им. акад. И.Г. Петровского. Вып. 12. Брянск, 2009. С. 84–97; *Никольская Т.Н.* Городище Слободка XII–XIII вв. К истории древнерусского градостроительства в Земле вятичей. М., 1987. С. 185 (рис. 1).

⁴ *Загоровский В.П.* История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства в XVI веке. Воронеж, 1991. С. 17, 19.

⁵ *Коваленко В.П.* Чернігово-Сіверська земля в середині XIII ст. // Святий князь Михайло Чернігівський та його доба / Від. ред. В.П. Коваленко. Чернігів, 1996. С. 41; *Шинаков Е.А., Гурьянов В.Н.* Вооружение конца XII — начала XIV вв. с территории Среднего Подесенья и кросс-культурные контакты (в свете монгольского нашествия) // *Stratum Plus: Archaeology and Cultural Anthropology*. 2016. № 5. Нашествие. Пределы катастрофы XIII века. СПб.; Кишинев; Одесса; Бухарест, 2016. С. 143–156.

I — места находок шпоров; II — места находок энколпионов и иконок с архангелом Сихаилом и Св. Сисинием; III — возможные места локализации Болдыжа; IV — возможные места локализации Липовичска; V — летописные города; VI — центры княжеств; VII — клады и местонахождения «карачевских» или «северских» монет; VIII — самый восточный (Путылевский) клад монет Киевского княжества Владимира Ольгердовича; IX — клады ордынских дангов XIV в. без иных «примесей»; X — смешанные клады и местонахождения (данги плюс «северские» монеты); XI — граница Карачевского княжества с Брянским и Новосильским (по: С. Кучинский, 1936); XII — южная и юго-восточная границы Карачевского княжества (по: Р.А. Беспалов, 2021; В.Н. Темушев); XIII — граница Брянского княжества с Трубчевским, Новгород-Северским, Рылским (по: С. Кучинский, 1936); XIV — западная и южная границы Новосильского княжества (по: С. Кучинский, 1936; Р.А. Беспалов, 2021; В.Н. Темушев); XV — южная граница Козельского княжества после его выхода из состава Карачевского; XVI — восточная граница Мценского наместничества Витовта на 1408 г. (по: Р.А. Беспалов, 2021; В.Н. Темушев); XVII — граница Великого княжества Литовского и великого княжества Рязанского на середине XV в. (по: М.М. Кром, 2010); XVIII — места зафиксированных письменными или археологическими источниками военных столкновений последней трети XIV — середины XV в.

I — Вщиж; 2 — Наваля; 3 — Лески; 4 — Слободка (Болдыж по Т.Н. Никольской и др.); 5 — Городище Второе (Болдыж по В.В. Зайцеву); 6 — Игрицкое (Лугань); 7 — Старый Город (Липовичск по А.В. Кашкину); 8 — Кармановский лес; 9 — Волокитино; 10 — Городище на Обесте (Липовичск по Е.А. Шинакову); 11 — Вольнице; 12 — Дипино (Липовичск по В.В. Енукову); 13 — Ратское городище; 14 — Каменное; 15 — Ючево; 16 — Курликово поле; 17 — Алексинский клад; 18 — Новосильский клад; клад из с. Высокое Жирятинского р-на.

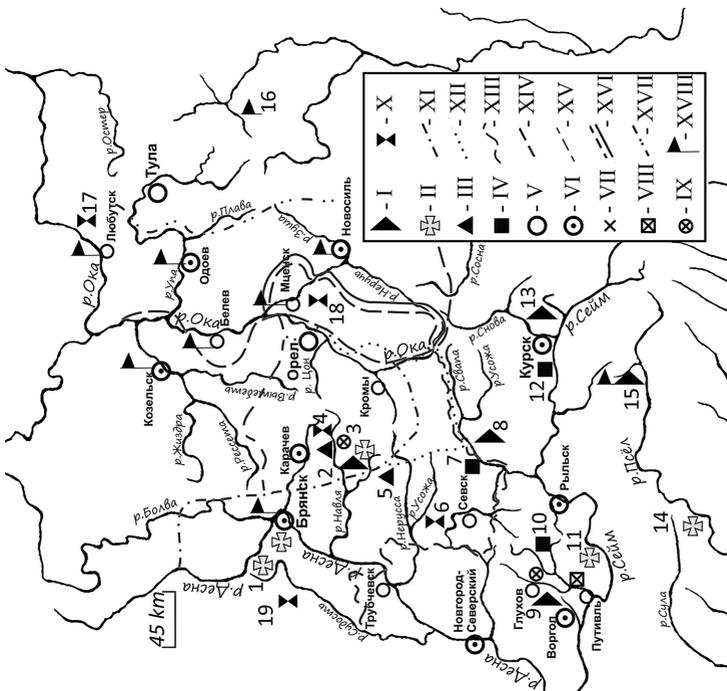

Рис. 1. Карта Среднего Подонья — Верхнего Поочья (Юго-Востока Руси) с датированными находками второй половины XIII — первой половины XV в. (сост. Е.А. Шинаков, комп. обработка Н.Г. Рябчевский)

1 — шпора с Навлинского поселения (фото и прорисовка Н.Г. Рябчевского); 2 — шпора из Кармановского леса (Кур-ская обл., р. Свапа) (по: Стародубцев, Зорин, 2016. С. 128, рис. 2); 3 — шпора с Княжей горы (по: Кирпичников, 1973. Табл XXI: 4-6); 4 — шпора с городища Рагское под Кур-ском. ГИМ. № 76990 (по: Шинаков, 1980. Табл. СXXXV: 79. Рис. Е.А. Шинакова); 5 — шпора «с хоботком» с ан-глийского надгробия 1407 г. (по: Кирпичников, 1973. Рис. 35); 6 — шпора с городища Волокидино под Путивлем (р. Сейм). ГИМ. № Р5/96. Ол. 782 (по: Шинаков, 1980. Табл. СLXVIII:79. Рис. Е.А. Шинакова); 7 — шпоры с поселения Зеленая Липа Черновицкой обл. (по: Возный, 2009. С. 292, рис. 85:б. Фото 62:12-14); 8 — шпора с «крючком» из Ле-чицы, Плоцкое воеводство (Польша). XIII-XIV вв. (по: Nadolski, 1979. Rys. 36).

а-ж. Шпоры 20-х — начала 30-х гг. XV в.
в европейских изобразительных материалах

а — надгробная плита Пакослава Лиса из Мстишова, касте-ляна Краковского, Келецкое воеводство (Польша), 1325 г.; б — надгробие Гюнтера фон Шварцбурга, Франкфурт на Майне, 1349 г.; в — надгробие Иоганна фон Франкенштай-на, Арнсбург, 1365 г.; г — надгробие рыцаря, Линкольншир, Англия, ок. 1420 г.; д — надгробие Джона Девенторпа, Хе-рифордшир, Англия, 1433 г.; е — король польский в тур-нирном одеянии (илл. гербовника 1434-1435 гг., также: Nadolski, 1979. Rys. 3); ж — Св. Георгий с триггиха из Ново-го Сача, ок. 1430-1440 гг. (по: Nadolski, 1990. Rys. 55, 86, 88, 92, 93; Т. III, 77а; прорисовка Е.А. Шинакова).

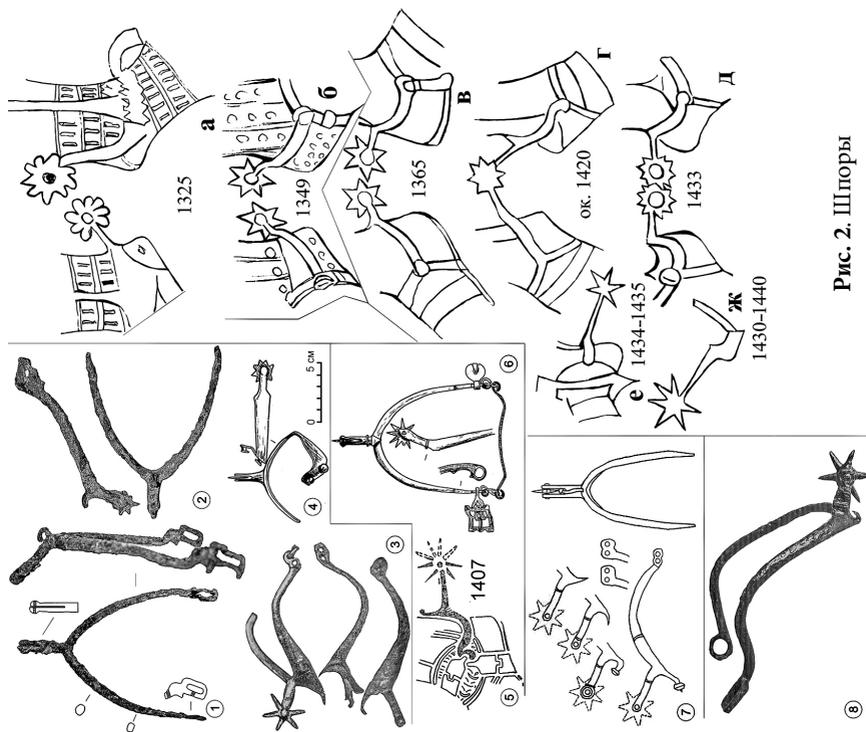

Рис. 2. Шпоры

та крючка 10 мм, толщина в сечении 2,5 мм, ширина у основания, где его конец почти касается держателя, — 12 мм. Петли отделены от дужек уступами высотой 4–7 мм, имеют прямоугольную форму (22×15 мм по внешнему краю) при толщине их контура 2,5 мм и его ширине 3–3,5 мм. Возможно, петли были двойными, но их верхняя часть отломилась.

Не вдаваясь в дискуссию по поводу времени и места возникновения данного типа шпор в целом, отраженной в работе А.Н. Кирпичникова⁶, обращаемся только к их позднему варианту, с ответвлением расширения в виде «хоботка» для лучшего прилегания к ноге⁷. У А.Н. Кирпичникова этот вариант представлен всего тремя экземплярами (табл. XXI: 4, 5, 6) с Княжей горы и хут. Половецкий, причем «хоботок», в отличие от навлинского экземпляра, еще не отогнут.

Специально «колесцовым» шпорам, происходящим из Новгородской, Владимирской и Рязанской земель, посвящена весьма тщательная типология О.В. Двуреченского⁸. Навлинский экземпляр имеет черты как типа VIII, так и типа VII. С первым его сближает бóльшая угловатость и меньшая профилированность горизонтального контура, форма петель, со вторым — короткий (чуть более 4 см) держатель колесика. Но всё же к типу VIII экземпляр ближе, хотя рудиментарно имеет и некоторые признаки типа VII. В данном случае отнесение его к тому или другому типу имеет принципиальное значение. Если тип VII имел во второй половине (или последней трети) XIV в. — первой половине XV в. широкое распространение в Польше, Великом Княжестве Литовском⁹, да и по всей Европе, включая Лондон¹⁰, то шпоры типа VIII «совершенно нехарактерны для материалов всаднической культуры средневековой Западной Евро-

⁶ Кирпичников А.Н. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX–XIII вв. САИ. Вып. Е1–36. Ленинград, 1973. С. 140.

⁷ Там же. С. 67.

⁸ Двуреченский О.В. Колесцовые шпоры, происходящие с территории Новгородской, Владимирской и Рязанской земель второй половины XIII — XVII вв. // Воинские традиции в археологическом контексте: от позднего Латена до позднего Средневековья. Сб. мат. междунар. науч. конф. Тула, 2014. С. 130–149. Отметим, что предположение этого ученого о более раннем (не позднее середины XIII в.), чем тогда считалось в европейской науке, появлении «колесцовых» шпор блестяще подтвердилось, см. например: Clark J., Blanche M.A.E., Egan G. et al. The medieval horse and its equipment. London, 2004.

⁹ Бохан Ю.М. Узброєння населенництва Беларускіх зямель у XIV–XVI стагодзях. Мінск, 2012. С. 223; Пивоваров С.В. Озброєння воіна XIV ст. з Середнього Подністров'я за даними археолгічних розкопок в с. Зелена Липа // Матеріали V Конгресу Міжнародної асоціації українців. Історія. Ч. 1. Чернівці, 2003. С. 120–124.

¹⁰ Clark J. et al. Op. cit. P. 144–147.

пы, не распространены они и на территории Польши и Литвы»¹¹. Ключевым моментом сходства типов VII и VIII и в то же время их отличия от более ранних и более поздних типов колесцовых шпор является наличие на нескольких экземплярах типа VII и на подавляющем большинстве типа VIII «предохранительного отростка», превратившегося в «крючок» и «выполнявшего функции стопора»¹². Автор типологии колесцовых шпор считает, что предохранительный крючок был на тех из них, которые «крепилась к ноге, задняя часть которой не была защищена доспехом». Кроме того, этот «предохранитель» является одним из признаков, которые отсутствуют на шпорах, датирующихся XIII — началом XIV в.¹³ На редких экземплярах типа VI и даже V в «эмбриональном» виде этот отросток (но еще не крючок!) также присутствует, однако тип VI датируется не только XIII, но и XIV, и даже первой половиной XV в.¹⁴

Что же касается представленных у А.Н. Кирпичникова трех экземпляров шпор с «хоботком»¹⁵, то только на одном он слегка изогнут на манер намечающегося крючка (рис. 2:3), и, кроме того, нет доказательств гибели Князей Горы или поселения у хут. Половецкого именно во время Батыева нашествия 1240 г., а не более поздних военных действий, причем не обязательно татарских, а, например, литовских. С другой стороны, тип VIII целиком датируется в рамках первой половины XV в. Возможно, именно в периодах наибольшего распространения двух типов звёздчатых шпор с предохранительными отростками и крючками и назначением крючков крепить шпоры на ногах, тыльная часть которых не защищена ножными латами, и кроется причина разницы регионального распространения типов VII и VIII. Рассмотрим некоторые образцы типа VII только с загнутым отростком, «хоботком» (крючком) и только в Восточной и Центральной Европе. В работе Ю.М. Бохана по вооружению Белорусских земель XIV–XVI вв. они отсутствуют, как и любое упоминание о них¹⁶, нет их и в труде А. Новаковского по польскому средневековому вооружению¹⁷. Зато несколько их экземпляров разных вариантов было обнаружено в комплексе поселений в с. Зеленая Липа на правом (южном) берегу р. Днестр в районе Хотина (рис. 2:7). Один из

¹¹ Двуреченский О.В. Указ. соч. С. 136.

¹² Там же. С. 136, 138.

¹³ Там же. С. 136.

¹⁴ Там же. С. 135.

¹⁵ Кирпичников А.Н. Указ. соч. Табл. XXI: 4–6.

¹⁶ Бохан Ю.М. Указ. соч. С. 138–140.

¹⁷ Nowakowski A. *Wojskowość w średniowiecznej Polsce*. Malbork, 2005. S. 124–125.

авторов исследования (И. Возный) относит их к типу V по А.Н. Кирпичникову и датирует в целом второй половиной XIII–XIV в., однако один из вариантов с сохранившимся колесиком относится к 20-м гг. XIV в.¹⁸ Именно в середине XIV в. это поселение и весь верхнеднепровский микрорегион пережили военно-политические коллизии. После падения Галицкого княжества в 1349 г. он оказался на границе Польского королевства и Молдавского воеводства (первоначально в составе Венгрии). Зеленая Липа, скорее всего, относилась к последнему. Шпора подобного типа и варианта (с крючком) (рис. 2:8) из Плоцкого воеводства хранится в Институте истории материальной культуры в Варшаве, где датируется XIII–XIV вв.¹⁹ Шпора XIV в. из Кршивоклата находится в Народном музее в Праге²⁰, имеются подобные шпоры и в «Королевской оружейной» г. Лидс (Великобритания), где они датируются 1400-м годом.

И если в целом можно согласиться с А.Н. Кирпичниковым (чему подтверждение, например, — уже упомянутая более поздняя работа Дж. Кларка 2004 г.) относительно более раннего (до середины XIII в.) появления колесниковых шпор и их «движения» с востока на запад, то к шпорам с «хоботком», тем более с крючком, это не относится. Они появляются только в XIV в., возможно — в 20-х его гг. Правда, этому несколько противоречит «кршивоклатский» экземпляр, колесико которого имеет ранний²¹ признак — 6 лучей. Впрочем, в работе этого ученого приводится рисунок подобной же шпоры (с шестью лучами) с английского надгробия начала XIV в.²² С 1325 г. и до конца XIV в. на английских рыцарских надгробиях присутствуют шпоры с числом лучей от 24-х и больше²³, однако с начала XV в. их количество вновь резко сокращается (ср. со шпорами из экспозиции «Королевской оружейной»). Наиболее показательна шпора «нашего» типа и варианта (с загнутым «хоботком») с надгробия 1407 г. (9 лучей). На нем четко виден еще комплексный характер ножных лат: сочетание пластинчатых и кольчужных (рис. 2:5).

Судя по различным изобразительным материалам (рис. 2: а, б, в, г, д, е, ж) шпоры, похожие на тип VII (по О. Двуреченскому) или

¹⁸ *Возний І.* Историко-культурний розвиток населення межиріччя верхнього Сірету та середнього Дністра в X–XIVст. Ч. 2. Матеріальна, духовна культура та соціально-історичний розвиток. Київ; Чернівці, 2009. С. 292, рис. 85:6; фото 62:12–14.

¹⁹ *Nadolski A.* Broń i strój rycerstwa polskiego w średniowieczu. Wrocław etc., 1979. Рыс. 36.

²⁰ *Šnajdrova E.* Arma ofensiva et defensiva. Historické zbraně a zbroj ze sbírky Národního muzea. Praha, 2014. S. 35, č. H2-748, okr. Č. 13.

²¹ *Кирпичников А. Н.* Указ. соч. С. 68.

²² Там же. Рис. 35.

²³ Там же.

тип III, вариант 1 (с изогнутой, круглой в сечении, дужкой)²⁴ еще встречаются в 20-е — максимум начале 30-х гг. XV в.²⁵ В 1430-е — 1440-е гг. на всех изобразительных материалах начинают господствовать шпоры с длинным прямым держателем, или находящимся в одной плоскости с широкой плоской дужкой, или, позднее, с середины XV в., резко отклоненной вверх²⁶. На их колесиках вновь 6–8 лучей. Вероятно, их распространение связано с появлением первого целиком пластинчатого готического доспеха с цельнометаллическими ножными латами и — иногда — с использованием конских лат. Понятно, что именно с этого момента пути развития шпор на «западе» — частично включая и Великое княжество Литовское — и «востоке» (татарско-русском) Европы разошлись, чему доказательством служит как раз появление на «востоке» типа VIII, на «западе» полностью отсутствующего. Впрочем, появиться он мог и значительно ранее этой «точки бифуркации» 20-х гг. XV в., включая как вариант тип VII с загнутым «хоботком» или крючком, так и менее профилированный тип VIII, но с еще коротким шипом. В частности, территориально ближайшая к навлинской случайная находка последнего отмечена в 75 км к югу, в урочище Кармановский лес на левом берегу р. Свапы в Железногорском районе Курской обл. (рис. 2:2). Авторы исследования относят ее к типу VII по О.В. Двуреченскому (что не бесспорно хотя бы из-за формы дужек) и датируют поэтому XIV веком²⁷. Шпора из Кармановского леса маркирует границу Карачевского (или в разное время и у разных историков — Брянского) княжества с более южными землями, лежавшими за Свапой (рис. 1). Их политическая принадлежность неоднократно менялась на протяжении второй половины XIII — XV в., пока после 1500 г. не закрепилась за Московским княжеством, превратившемся в Россию.

Новые находки, введенные в научный оборот курскими археологами, позволяют скорректировать сделанные ранее (в том числе и одним из авторов данной статьи) выводы о полном запустении Юго-Востока Руси в конце XIII — XV вв. после «Ахматовой замятни» 1283–1284 гг. (или, по мнению В.А. Кучкина, в 1290 г.²⁸, что не ме-

²⁴ Nowakowski A. Op. cit. Rys. 96.

²⁵ Nadolski A. Op. cit. Rys. 92, 93.

²⁶ Nadolski A. Op. cit. Tab. III, XVIII, XIX. Rys.73, 77a, 79; Nowakowski A. Op. cit. Rys. 97, 98.

²⁷ Стародубцев Г.Ю., Зорин А.В. Период XIV–XV вв. в новых пунктах в Курской области // Русский сборник. Вып. 8. Т. 1 / Гл. ред. Е.А. Шинаков. Брянск, 2016. С. 128. Рис. 2.

²⁸ Кучкин В.А. Летописные рассказы о слободах баскака Ахмата // Средневековая Русь. Вып. 1 / Отв. ред. А.А. Горский. М., 1997. С. 5–57.

няет сути дела). Клады и отдельные местонахождения монет разных типов, датирующихся не ранее середины 30-х гг. XIV в. и не позднее середины XV в., и иных синхронных им артефактов, позволяет говорить об активной экономической жизни в регионе в этот период и в то же время — о периодических конфликтах, скорее всего, контаминированных с изменениями в политической ситуации. Об этом свидетельствуют монеты, имевшие хождение, причем часто одновременно, в Золотой Орде и Великом княжестве Литовском, а также у их местных вассалов — Киевском княжестве Владимира Ольгердовича (1377–1394)²⁹ и Рыльском Александра Патрикеевича (1386–1393)³⁰.

С учетом данных нумизматики и письменных источников, этот регион с середины 30-х гг. до середины 60-х гг. XIV в. входил непосредственно в состав Курской и Еголдаевской тьмы Золотой Орды³¹. После сражения на Синих Водах и до укрепления власти Витовта и ослабления Орды после похода Тимура, с середины 60-х до середины 90-х гг. XIV в., имел место своеобразный период двоевластия, выразившийся, например, в использовании киевским князем Владимиром Ольгердовичем ордынских дирхемов с надчеканкой литовских «колюмн»³². Об этом же свидетельствуют и монеты конца 70-х — 80-х гг. XIV в. брянского, новгород-северского и стародубского Гедеминовичей, а также карачевских Рюриковичей (Святослав Титович, зять Ольгерда и его сын Мстислав) 90-х гг. XIV в., частично копировавших джучидские дирхемы³³. В приложении к договору Свидригайло с Тевтонским орденом 1432 г. «Курские земли» обозначены как принадлежащие непосредственно великому князю Литовскому Свидригайло, шпор этого периода там не найдено. А вот и «Курская тьма» или ее предшественник «Ахматовы слободы», и западная (путивльская часть) Рыльского княжества представлены каждая своим типом шпор.

²⁹ Козубовський Г.А. Київське князівство при Володимирі Ольгердовичі за пам'ятками нумізматики // Старожитності Південної Русі. Матеріали історико-археологічного семінару «Чернігів і його округа в IX–XIII ст.» / Від. ред. П.П. Толочко. Чернігів, 1993. С. 131.

³⁰ Стародубцев Г.Ю., Зорин А.В. Указ. соч. С. 127.

³¹ Русина Е.Е. Яголдай, Яголдаевичи, Яголдаева «тьма» // Славяне и их соседи. Вып. 10. Славяне и кочевой мир. М., 2001. С. 144–152; Полюхов С.В. «Список городов Свидригайла». Датировка и публикация // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2014. № 4(38). С. 120.

³² Козубовський Г.А. Указ. соч. Рис.1.

³³ Зайцев В.В. Монеты Карачевского княжества // Русский сборник. Вып. 5. Труды кафедры отечественной истории и средневековья Брянского гос. университета им. акад. И.Г. Петровского. Вып. 12. Брянск, 2009. С. 103–109.

Типологически более ранний из них, близкий к типу VIII по О. Двуреченскому, но отличный от него отсутствием «хоботка» или крючка и наличием особого, более позднего, типа петель и креплений (рис. 2:6) обнаружен на городище Волокитино близ Путивля³⁴. Вторая встречена на Ратском городище к востоку от Курска, в золотоордынском его слое³⁵, которое В.В. Енуков отождествляет с одной из «Ахматовых слобод»³⁶. Она имеет плоскую дужку шириной 8–12 мм и особое крепление в виде цилиндрических с расплющенной верхушкой штырьков (рис. 2:4). Оба экземпляра отличаются очень короткими держателями (2,7 и 2 см) и малым (9–10) количеством зубцов. Они отсутствуют в классификациях А.Н. Кирпичникова, О.В. Двуреченского, А. Новаковского. Вариант из Волокитино близок к типу VIII по Двуреченскому, но к ранним экземплярам, из-за короткого держателя. Малое количество зубцов характерно либо для начала XIV в., либо — XV в., однако первый период в регионе не представлен. Широкая плоская дужка появляется на европейских шпорах в 30-е — 40-е гг. XV в., тогда же исчезает и ее изгиб в горизонтальной плоскости. Петли и крепления (пряжки) волокитинской шпору похожи на эти же элементы типа VIб, который О. Двуреченский датирует серединой XIV — XV вв.³⁷ Что касается ратского экземпляра, то он близок (но не идентичен по деталям) очень редкому (4 известных автору классификации экземпляра) типу IX, который по слою Великого Новгорода датируется XIV–XV вв.³⁸ Впрочем, единственное сохранившееся колесико типа IX имеет абсолютно другой тип и технику изготовления, чем волокитинский экземпляр, который к тому же имеет абсолютно иной способ крепления.

В любом случае, датировка этих шпор служит дополнительным подтверждением тезиса Г.Ю. Стародубцева и А.В. Зорина о том, что начало повторного запустения Юго-Востока Руси относится к середине XV в. и связано с междоусобными войнами в Великом княжестве Литовском³⁹. Добавим: и с началом борьбы вначале Витовта, а после его смерти — Москвы за эти земли. И то, и другое провоциро-

³⁴ *Шинаков Е.А.* Население междуречья Десны и Ворсклы в конце X — первой половине XIII века. Дисс. ... канд. ист. наук. М., 1980. Табл. CLXVIII:79. С. 161.

³⁵ Там же. Табл. CXXXV:79. С. 122.

³⁶ *Енуков В.В.* К вопросу о локализации древнего Липецка // Роль ранних міських центрів в становленні Київської Русі / Від. ред. О.П. Моця. Суми, 1993. С. 30–33.

³⁷ *Двуреченский О.В.* Указ. соч. С. 133.

³⁸ Там же. С. 137.

³⁹ *Стародубцев Г.Ю., Зорин А.В.* Указ. соч. С. 128–129.

вало также вновь участвовавшие татарские походы (как «заказные», так и самостоятельные) в Подесенье, Посеймье. Поочье. Впрочем, кармановский и навлинский экземпляры типологически чуть более ранние, и их «выпадение» может быть связано с несколько более ранними событиями. Возможно, с теми же, что и две шпоры из захоронения под разрушенным валом городища «Царский дворец» в Гочевском комплексе на р. Псёл, которые занимают особое место в характеристике воинской культуры Юго-Востока Руси того времени. Дело в том, что шпоры относятся к типу IV по А.Н. Кирпичникову, с очень сильно изогнутыми дужками и простым многогранным шипом без колесика. Исследователь считал его верхней датой середины XIII в., но даже если «растянуть» ее на весь XIII в., то позднее такой тип не встречается нигде.

В то же время возникновение кладбища на данном объекте его исследователи датируют не ранее конца 60-х — начала 70-х гг. XIV в. и связывают с началом строительства оборонительных сооружений литовского времени⁴⁰. Не доверять их мнению оснований нет — ими тщательно раскопано свыше 150 захоронений. В итоге возникает 100-летняя лакуна, ибо вряд ли возможно допустить копирование как минимум морально устаревшего снаряжения в новой военной атмосфере. Поэтому скорее надо не передатировать шпоры либо захоронение, а попробовать найти объяснение этому исключительно факту.

Шпоры положены в погребение отдельно, явно в знак особого уважения к погибшему в возрасте 20–25 лет при отражении неожиданного нападения (по мнению исследователей) «рыцарю»⁴¹. Возможно, речь идет о командире литовского отряда, отправленного строить крепость на вновь присоединенных территориях. С учетом эпохи, когда только часть литовских воинов были христианами, подобный заупокойный дар вполне мог иметь место. С другой стороны, шпоры могли быть статусной вещью, передаваемой по наследству, а на этом всаднике генеалого-наследственная линия прервалась.

Энколпион типа VII 4 (по классификации Г.Ф. Корзухиной и А.А. Песковой)⁴², найденный в слое селища на окраине пос. Навля,

⁴⁰ Стародубцев Г.Ю., Зорин А.В. Три группы погребений с городища Царский Дворец: предварительное сообщение // Русский сборник. Вып. 10 / Гл. ред. Е.А. Шинаков. Брянск, 2021. С. 87–94.

⁴¹ Там же. С. 98.

⁴² Корзухина Г.Ф., Пескова А.А. Древнерусские энколпионы. Нагрудные кресты-реликвии X–XIII вв. СПб., 2003. С. 432.

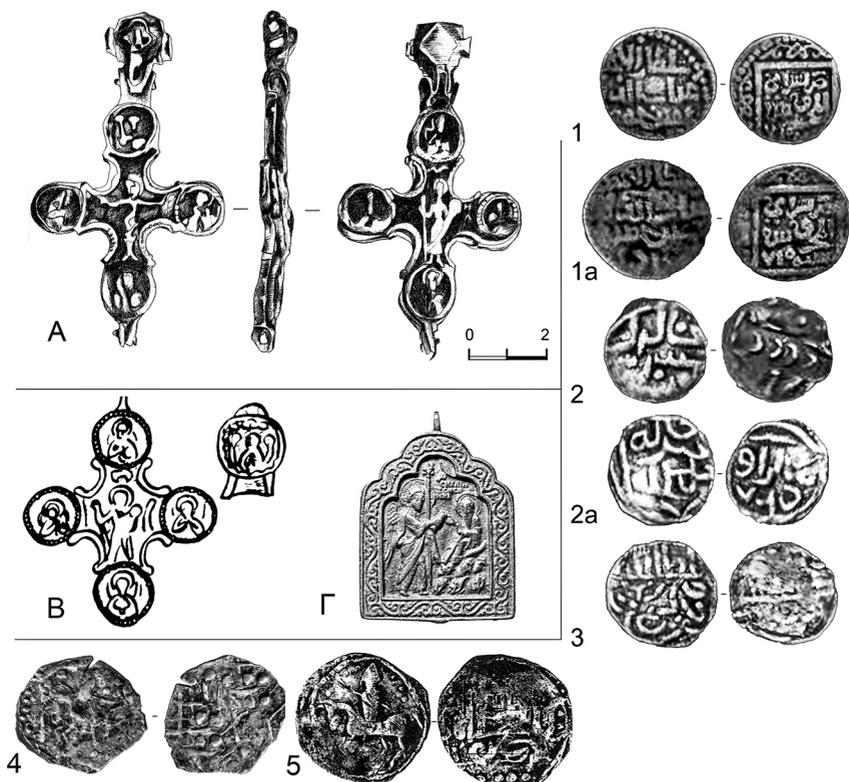

Рис. 3. Энколпионы и монеты

А — энколпион с Навлинского поселения, медно-оловянистый сплав (прорисовка Е.А. Шинакова и А. Курченко по фото Н.Г. Рябчевского); В — энколпион с поселения на дуне Стан-II у с. Волинцево (р. Сейм, Сумская обл.), медный сплав (по: Березовец, 1953. Л. 22–26; Шинаков, 1980б. Табл. СХП:38. Рис. Е.А. Шинакова); Г — иконка с изображением архангела Сихаила и Св. Сисиния с вала городища Каменное (р. Псел, Сумская обл.), медно-оловянистый сплав (по: Сухобоков, 2012. Фото 14)

1–3 — Джучидские дирхемы (данги) из клада у с. Лески (верховье р. Навля, Брянская обл.). 1, 1а — Токта, чекан Сарая-ал-Махруса, 710 г.х. (1310/1311); 2 — Абдаллах, чекан Орду Муаззам, 766 г.х. (1364/1365); 2а — Абдаллах, чекан Азак, 765 г.х. (1363/1364); 3 — подражание (местное?) дангу Джанибека (Гюлистан) (фото Е.А. Шинакова)

4 — монета, подражание дангу (со всадником) карачевского или «северского» чекана конца XIV в. Посад городища Слободка на р. Навля (по: Зайцев, 2009. Рис. 10).

5 — монета, подражание дангу (со всадником) карачевского или «северского» чекана конца XIV в. Новосильский «клад» (по: Зайцев, 2009. Рис. 7).

имеет традиционную, распространенную еще с XII в, форму равноконечного креста со скрученными за счет оформления в виде медальонов концами лучей (рис. 3:А). Не редким является и основное изображение на оборотной стороне энколпиона — распятый Иисус Христос. На четких изображениях иногда под поперечной перекладиной читается надпись «Царь славы», либо «ic xc». Однако на навлинском экземпляре изображение настолько нечеткое, что какая-либо надпись не прослеживается. А.А. Пескова считает его результатом неоднократной переотливки. Несмотря на это, исследователь считает возможным проследить наличие предстоящих на основном изображении оборотной стороны энколпиона, а в медальонах — архангелов.

Что касается лицевой стороны складня, то изображение на нем и более позднее, и более редкое. Это стоящий в полный рост архангел Сихаил. В совместной с Г.Ф. Корзухиной работе А.А. Пескова отмечает наличие 19 энколпионов с таким изображением на Руси и одного в Польше, имеющих четкие данные об их местонахождении, и еще шести — с неизвестным происхождением⁴³. Сюда можно добавить еще один экземпляр из Вщижа⁴⁴. Хотя от него сохранилась лишь одна из створок — с Распятием, однако, по квалифицированному мнению А.А. Песковой, он явно относится к типу с изображением архангела Сихаила, а не Богородицы, например, на лицевой стороне (любезное устное сообщение, за что авторы выражают А.А. Песковой большую признательность).

Архангел Сихаил является персонажем апокрифическим, он не входит в число пяти архангелов Священного Писания (Михаил, Гавриил, Рафаил, Уриил, Салафиил) и еще трех (Иегудиил, Варахиил, Иеремиил) из книги пророка Ездры⁴⁵, но относится к сорока мученикам севастийским⁴⁶. Тем не менее, он был популярен у русских и, по мнению некоторых исследователей, в Болгарии (откуда и пришел на Русь), в качестве целителя, излечивающего от лихорадки — трясовицы⁴⁷. Отмечается, что широкое использование апокрифических сюжетов на энколпионах (и не только) фиксируется уже в XIV–XV вв.,

⁴³ Корзухина Г.Ф., Пескова А.А. Указ. соч. С. 218–220.

⁴⁴ Асташова Н.И., Петрова Л.А., Сарачева Т.Г. Кресты-энколпионы из собрания Государственного исторического музея. М., 2013. С. 261, №222.

⁴⁵ Архимандрит Никифор. Иллюстрированная полная популярная Библейская энциклопедия. М., 1891. С. 62–63.

⁴⁶ Познанский Н.Ф. Сисиниева легенда — оберег и сродные ей амулеты и заговоры // Живая старина. 1912. Вып. 1.

⁴⁷ Там же; Калинин И.П. Церковно-народный месяцеслов на Руси. М., 1990. С. 103.

хотя могло появиться и чуть ранее⁴⁸. Данная датировка находит подтверждение и в том, что аналогичная композиция представлена и на более позднем (XIV–XV вв.) по форме типе энколпионов, встречаемых в том числе и в Золотой Орде⁴⁹. Поскольку изображения на данном типе энколпионов (с крестовидными медальонами на концах лучей) сохранились лучше, в частности, сопровождаясь надписями в медальонах, они также помогают более четко раскрыть семантику изображений и на медальонах. В частности, можно описать состав изображений на одном из энколпионов этого типа, найденном в Новгороде Великом в слое рубежа XIV–XV вв. Рядом с Распятием — предстоящие Богоматерь и Иоанн Богослов, в верхнем медальоне — Михаил Архангел без надписи, но с присущими ему атрибутами — мериллом и зеркалом. На трех остальных медальонах надписи есть: на нижнем — архангел Гавриил, на боковых — два апостола, Матфей и Павел. На другой стороне энколпиона — изображение архангела с мериллом и зеркалом и надписью «Сихаиль». В верхнем медальоне — Св. Николай, в нижнем — неатрибутированный (надпись не читается) святой с Евангелием в левой руке, в боковых — два святых целителя, Пантелеймон и Сисиний⁵⁰.

Последние два изображения особенно важны, ибо хотя и косвенно, но достаточно явно подтверждают целительскую или здравоохранительную функцию и основной фигуры — архангела Сихаила. «Такой подбор святых, несомненно, акцентирует внимание на целительной силе этих энколпионов»⁵¹. Важной является идея о типологических истоках энколпионов типа VII. 4, так и с крестовидными медальонами и архангелом Сихаилом, энколпионах типа VII.1 с надписью «Святая Богородица, помогает». В этой связи представляется неслучайной находка на одном и том же участке вала городища у с. Каменное на р. Псёл как энколпиона типа VII.1, так и бронзовой литой иконки с изображением Св. Сисиния перед архангелом Сихаилом (рис. 3:Г). При этом интересно, что на той стороне энколпиона, где изображено Распятие, помещены медальоны в том числе и со Св. Николаем и Св. Григорием Богословом⁵². Св. Нико-

⁴⁸ Корзухина Г.Ф., Пескова А.А. Указ. соч. С. 218.

⁴⁹ Седова М.В. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.). М., 1981. С. 59. Рис. 19: 1, 2; Полубояринова М.Д. Русские вещи на территории Золотой Орды // Советская археология. 1972. № 3. Рис. 2: 4.

⁵⁰ Седова М.В. Указ. соч. С. 59. Рис. 19: 1, 2.

⁵¹ Корзухина Г.Ф., Пескова А.А. Указ. соч. С. 218.

⁵² Сухобоков О.В. «Земля незнаема»: население бассейна среднего Псла в X–XIII вв. по материалам роменско-древнерусского комплекса у с. Каменное. Киев, 2012. С. 244.

лай имеется и на хорошо сохранившемся энколпионе из Новгорода Великого, причем в паре с неизвестным святым с книгой, которым вполне мог быть и Григорий Богослов. Другое дело, что их изображение в медальонах были помещены на той стороне, где была фигура Св. Сисиния, а не Распятие.

На иконке из Каменного изображен святой целитель Сисиний, принимающий свиток из правой руки стоящего перед ним архангела Сихаила. В левой руке архангела зажат посох длиной существенно выше самого Сихаила, и, возможно, с витой рукоятью. Посох увенчан крестом сложной формы: крест Иоанна Иерусалимского на фоне андреевского. На новгородском же энколпионе представлены «мерило» и «зерцало»⁵³, которые, впрочем, также именуются как «жезл» и «сфера»⁵⁴.

Энколпион, иконка и еще два культовых предмета найдены на одном участке вала, что позволило его исследователю О.В. Сухобокову высказать предположение, что они «выпали» (не исключено — в составе поспешно зарытого клада) в момент последнего штурма и гибели крепости⁵⁵. Учитывая военную ситуацию на Юго-Востоке Руси в XIII в., это событие не могло произойти ранее 1238–1239 г., когда Батый в перерыве между «северным» и «южным» походами обратил внимание и на Чернигово-Северские и Переяславльские земли. Верхняя же дата гибели — 1283/1284 гг.⁵⁶, время «Ахматовой замятни», после которой население в значительной степени покинуло Юго-Восток. Княжеские столы в Курске, Рильске, Ворголе, Липовичске были ликвидированы, и просто некому было содержать гарнизон пограничной крепости. Датировке «выпадения» и энколпиона и иконки серединой XIII в. в широком смысле слова не противоречит и остальной материал археологического комплекса⁵⁷. Авторы базовой монографии-каталога древнерусских энколпионов считают возможным датировать их «Богородичный» тип «в широких рамках первой половины XIII в.»⁵⁸. Что касается бронзовой иконки с Сихаилом и Сисинием, то к моменту подготовки монографии (до 2008 г.) ее аналогий древнерусского времени автору раскопок археологического комплекса в Каменном известно не было, за исключением каменного экземпляра из Северно-Восточной Руси, датированного

⁵³ Седова М.В. Указ. соч. С. 59.

⁵⁴ Корзухина Г.Ф., Пескова А.А. Указ. соч. С. 218.

⁵⁵ Сухобоков О.В. Указ. соч. С. 243–244.

⁵⁶ Имеется и точка зрения о чуть более поздней (1290 г.) датировке этих событий (Кучкин В.А. Указ. соч.), но для целей данной статьи это значения не имеет.

⁵⁷ Сухобоков О.В. Указ. соч. С. 248–249.

⁵⁸ Корзухина Г.Ф., Пескова А.А. Указ. соч. С.194.

1415 годом⁵⁹. С тех пор найдена при раскопках посада средневекового Брянска на Петровской горе по крайней мере одна иконка из медного сплава с аналогичным сюжетом: архангел Сихаил, явившийся Св. Сисинию⁶⁰. Однако найдена она не в закрытом комплексе (которых немало было обнаружено на двух раскопках общей площадью более 400 кв. м), а в весьма спрессованном, тонком и местами перетолженном культурном слое XII–XVI вв.

Самый ранний энколпион со Св. Сисинием, найденный на расстоянии примерно 100 км от комплекса в с. Каменное, и в 200 — от пос. Навля, обнаружен на дюнном поселении Стан-II в пойме Сейма, в 4-х км от с. Волынцево, где находится домонгольское городище Курган. Само поселение Стан-II, судя по керамике, относится уже к послемонгольскому периоду второй половины XIII–XIV вв.⁶¹ В этом энколпионе слились форма и часть изображения типа VII.1 (рис. 3:В) с семантикой иконки из Каменного. И это неудивительно, ибо и Каменное, и Волынцево относились к сопредельным регионам: Каменное — либо к зоне влияния Курского Посеймья⁶², либо к волости Путивля⁶³; к последней, безусловно, относилось Волынцево. Если данный регион был одним из центров формирования энколпионов данного типа во второй половине XIII в., то вполне понятно и их более позднее появление на Навле, куда переселялось население из постоянно разоряемого Посеймья (и Курского, и Путивльского). Достаточно вспомнить «Ахматову замятню».

Крупнейший современный специалист по русским средневековым энколпионам А.А. Пескова, считая навлинский экземпляр «отливкой с отливки» (авторы выражают ей за это определение сердечную благодарность), наиболее вероятной датой его изготовления считает конец XIV — начало XV в. Исторически это период перехода Подесенья под власть Великого княжества Литовского и Русского. Данное событие включило бассейн Навли в одно государственное образование с Мстиславлем, ставшим «литовским» еще в

⁵⁹ Сухобоков О.В. Указ. соч. С. 248.

⁶⁰ Гурьянов В.Н., Шинаков Е.А., Чубур А.А., Рябчевский Н.Г. Охранные раскопки на Петровской горе в Брянске // Археологические исследования в Центральном Черноземье. 2017. Липецк; Воронеж, 2018. С. 24. Рис. 3:Б.

⁶¹ Березовец Д.Т. Деснинско-Сейменская экспедиция 1953 г. // Архив ИА АН УССР. Д. №1953/86. Л. 22–26; Шинаков Е.А. Население междуречья... С. 158.

⁶² Енуков В.В. Указ. соч. Карта на вкладке; Шинаков Е.А. Еще раз об «альтернативном» восточнославянском предгосударственном образовании X в. (по данным археологии и нумизматики) // Верхнедонской археологический сборник. Вып. 8. К 60-летию юбилею А.М. Обломского / Отв. ред. А.Н. Бессуднов. Липецк, 2017. С. 193–208. Рис. 2.

⁶³ Сухобоков О.В. Указ. соч. С. 299.

1356 г. А именно в этом городе была найдена четверть (5 экземпляров) всех энколпионов этого типа, имеющих достоверную локализацию и датировку отдельных экземпляров от XIII до XV в. включительно⁶⁴.

Хотя на территории Великого княжества этого периода (либо чуть более раннего) найдено 5 экземпляров данного типа, однако все — в разных пунктах (Киев (?), Переяславль, Житомир, Волынцево). Еще больше их территориальный разброс на великорусском Севере: 6 пунктов от Новгорода Великого до Вятской земли. Есть они и на русско-литовском пограничье в широком смысле — Серенск, Калуга, Перемышль Московский. В итоге, если не местом соединения формы и сюжета, то местом наиболее устойчивого производства энколпионов с архангелом Сихаилом представляется на данный момент Мстиславльское княжество, и именно оттуда энколпион мог попасть в Навлинское поселение в рамках одного государства. Конечно, расстояние от Мстиславля до Навли велико, но его можно было бы «сократить» за счет промежуточной находки во Вщиже оборотной створки энколпиона (с Распятием)⁶⁵, на лицевой стороне которого с большой долей вероятности мог быть изображен архангел Сихаил, если бы этот город не погиб в 1238 г. Впрочем, можно поставить вопрос и по-иному: створка энколпиона XIV–XV вв. (а именно так ее датируют и авторы публикации⁶⁶, и А.А. Пескова (любезное устное сообщение)) позволяет предположить, что после монгольского разгрома жизнь на Вщиже через какое-то время возобновилась, возможно, в меньшем масштабе и в другой ипостаси — «перевалочного пункта» на смоленско-брянской границе, например. Явно ранний (из-за малой длины шипа) вариант шпору типа VIII также не противоречит дате конца XIV — начала XV в. Характерен и регион его появления: стык земель литовско-русских, московско-русских и собственно ордынских.

Поскольку случайностью утеря таких крупных и довольно ценных предметов, как шпора и целый энколпион, быть не могла, тем более вряд ли их выкинули «за ненадобностью», их выпадение в землю могло быть связано с какими-либо экстраординарными событиями в регионе. Таковые во второй половине XIV в. начинаются после сражения на Синих Водах в конце 1362 г. с последующим процессом перехода земель Подесенья под власть Великого княжества Литовского и Русского. Борьба Ольгерда за Брянск началась рань-

⁶⁴ Корзухина Г.Ф., Пескова А.А. Указ. соч. С. 219.

⁶⁵ Асташова Н.И., Петрова Л.А., Сарачева Т.Г. Указ. соч. № 222.

⁶⁶ Там же. С. 261.

ше, во время его похода на Смоленск и Брянск в 1356 г. (тогда был присоединен Мстиславль), но увенчалась ли она успехом — единого мнения нет⁶⁷. Далее последовал первый поход Дмитрия Ивановича Московского на Калугу, Брянск и Мценск зимой 1369/1370 г., сопровождавшийся заменой одного новосильского князя на другого, разорение в 1375 г. Новосиль союзником Ольгерда Мамаем, вызвавшее перенос сторонником Москвы Романом Новосильским столицы княжества в более северный Одоев. Эти события проходили «на фоне» процесса борьбы за ликвидацию расположенного чуть восточнее Тульского баскачества Тайдулы⁶⁸. Через несколько лет (зима 1379/1380 г.) состоялся второй поход Дмитрия Московского в Подесенье. Куликовская битва могла оказать влияние на ситуацию в регионе только потому, что по северной его части проходили войска Ягайло, двигавшиеся на помощь Мамаю, но достигшие лишь окрестностей Одоева в междуречье Оки и Плавы. Этот путь, однако, проходил значительно севернее р. Навля. На середину 90-х гг. XIV в. приходится деятельность Витовта по ликвидации независимости части Верховских княжеств, а также Карачевского⁶⁹, правда, неизвестно, сопровождалась ли она военными действиями.

В 1396 г. Тимур, преследуя Тохтамыш, не дошел до Подесенья более чем 100 км, остановившись у сожженного им Ельца. В 1399 г. на Ворскле погибли несколько придеснинских русско-литовских князей, в том числе Дмитрий Ольгердович Брянско-Трубчевский, герой Куликовской битвы, но татары преследовали бегущие войска Витовта не в направлении Подесенья. Зато в 1408 г. их путь вполне мог проходить по водоразделу Десны и Оки, так как их целью (достигнутой) был Брянск, находившийся в тылу литовских войск, противостоящих москвичам в районе Козельска («первое стояние на Угре»). Этот татарский отряд напал на русско-литовские земли «по заказу» Василия I Дмитриевича Московского и вполне мог опустошить территории вдоль дороги на Брянск. Во время этой же войны Витовт сжег столицу Новосильского княжества Одоев и захватил Мценск (1407 г.).

В 1444 г. татарский набег на Брянск по приказу уже нового московского князя Василия II повторился, но он явно не затронул более

⁶⁷ *Щинаков Е.А.* О времени и процессе включения Брянска в состав Великого Княжества Литовского // *Studia internationalia: Материалы V междунар. науч. конф. «Западный регион России в международных отношениях X–XX вв.»*. Брянск, 2016. С. 41–56.

⁶⁸ *Майоров А.А.* К вопросу о Тульском баскачестве на землях северо-восточной части Черниговского княжества XIII–XIV вв. // *Золотоордынское обозрение*. 2020. Т. 8. № 1. С. 67–86.

⁶⁹ *Тихомиров М.Н.* Указ. соч. С. 85–88, 95.

южных регионов, так как, во-первых, это были «служилые татары», т.е. действовавшие с территории Московского княжества, с северо-востока. Во-вторых, удар на Брянск был «точечным», потому что этот же отряд должен был еще напасть на Вязьму и даже Смоленск. Ранее, в 1422 г. татары Кудайдата «самостоятельно» осаждали Одоев, на помощь князю которого пришел Витовт, а в 1437 г. хан Улу-Мухаммед, бежав из Крыма, на время обосновался около Белева, выбирая дальнейший путь. Но после победы над московскими воеводами он пошел на северо-восток, на Казань. Впрочем, затронуть бассейн Навли хан мог еще по пути из Крыма на Белев. Последний до середины XV в. поход через Подесенье совершал стародубский князь Юрий Лугвеньевич, поднявший в 1449 г. мятеж против Казимира IV и захвативший Киев. Не в силах его удержать, он через Брянск и, соответственно, Подесенье бежал в Москву. Но вряд ли можно предположить, что во время бегства он занимался попутно грабежами и разорением местных земель. Другое дело, что в этом же году «карательный» поход на юго-восток совершил Казимир IV. Во всяком случае, именно с ним с наибольшей долей вероятности связывает гибель литовской крепости на городище «Царский дворец» в Гочево на р. Псел Г. Стародубцев (устное сообщение).

С каким именно критическим событием из вышеперечисленных можно соотнести «выпадение» шпоры и энколпиона на поселении у Навли? Возможно, ответить на этот вопрос может помочь клад джучидских дирхемов-дангов, найденный также в бассейне р. Навля, в 17 км к востоку от исследуемого поселения. Это расстояние гораздо меньше дневного перехода войска, не говоря уже о кавалерийском рейде или набеге.

В кладе 80 монет, обрезанных в кружок, причем некоторые — неоднократно. Клад исследован (правда, пока без взвешивания монет) Е.Ю. Гончаровым и В.П. Лебедевым, за что авторы выражают им свою сердечную признательность. В клад входят данги одиннадцати ханов, начиная от Токты (1310/1311 г.) до Абдаллаха (1364/1365 г.), чеканенные на пяти монетных дворах Золотой Орды. Каждый из этих двух хронологически «крайних» ханов представлен двумя монетами, но есть также данги Узбека, Джанибека, Бердибека, Кулпы, Науруза, Хызра, Тимур-Ходжи, Ордумелика, Кильдибека (определения Е. Гончарова) (рис. 3:1,1а, 2, 2а, 3).

По последней монете Абдаллаха «выпадение» комплекса можно было бы отнести к концу 60-х гг. XIV в., однако составленная В.П. Лебедевым на основе выборки из 50 наиболее хорошо сохранившихся дирхемов хроно-гистограмма позволяет допустить возможность

обращения монет данного комплекса и в 70-е гг. XIV в., во всяком случае — в их первой половине. В кладе абсолютно отсутствуют вышеупомянутые киевские и местные «удельные» денги, начиная с монет Дмитрия Ольгердовича Брянско-Трубчевского, чеканка которых началась ранее всего — в середине 70-х гг. XIV в.⁷⁰, и встречено лишь одно местное подражание дирхему Джанибека чеканки Гюлистана (рис. 16:3). В итоге наиболее вероятными событиями, повлиявшими как на «выпадение» клада в Лесках, так и на то, что хозяин не смог его достать, представляются либо первый поход Дмитрия Ивановича Московского в Подесенье зимой 1369/1370 гг. и возможная реакция литовцев на него, либо события первой половины 70-х гг. XIV в., связанные с процессом ликвидации баскачества Тайдулы, либо набег татар на Новосильское княжество в 1375 г. Вряд ли причины «утери» шпоры и энколпиона на Навлинском поселении, находящемся всего в 17 км от селища Лески, были иными, хотя полностью такую возможность исключать нельзя. Характерно, что буквально рядом с кладом в Лесках, на посаде городища Слободка (Болдыж) найдено местное подражание дангу, но с изображением всадника (рис. 3:4), которое В.В. Зайцев считал монетой Карачевского княжества, причем по степени «грубости» — возможно даже ее дериватом самого конца XIV в. (вплоть до 1399–1400 гг.). Аналогичная монета обнаружена и на торговом поселении Лугань на карачево-брянской границе в бассейне Неруссы⁷¹, по другую сторону карачево-новосильской границы — в Алексине, а также между Новосилем и Мценском, на поселении с кладом ордынских дангов⁷². Эти монеты — с более четкими изображениями (рис. 3:5), и, как считает В.В. Зайцев, их чеканка должна была прекратиться в середине 90-х гг. XIV в. В этой связи особенно интересен самый западный клад, содержащий «карачевскую» монету — у с. Высокое в верховьях Судости, на территории Брянского княжества. Самая поздняя датированная монета в этом кладе — данг Тохтамыша чеканки 1391 г. в Сарае, причем и «карачевская» денга, и сарайский данг имеют один вес — 1,01 г⁷³, что предполагает практическую

⁷⁰ Зайцев В.В. Монеты Дмитрия Ольгердовича Брянского // Нумизматика. 2010. № 1.

⁷¹ Зайцев В.В. Монеты Карачевского княжества.

⁷² Там же. Рис. 7, 10, 11.

⁷³ Грачев С.Ю., Пискунов В.О. Монетное обращение восточной части Великого княжества Литовского. Конец XIV— начало XV веков // Русское наследие в странах Восточной и Центральной Европы. Материалы Межгосуд. конф. 5–8 июля 2010 г. (г. Брянск), приуроченной к 600-летию битвы при Грюнвальде / Под ред. А.В. Антюхова, О.В. Беловой, С.И. Михальченко, В.Я. Петрухина, А.А. Чубура, Е.А. Шинакова. Брянск, 2010. С. 409–411.

одновременность их чеканки. Впрочем, позднее, не меняя указаний на время их чеканки, этот же ученый «расширил» ареал их обращения, называя «северскими» подражаниями «с княжеским знаком», а местом первоначальной чеканки обозначил Трубчевск до гибели Дмитрия Ольгердовича в сражении на Ворскле⁷⁴.

Впрочем, сути дела это не меняет: в конце XIV — начале XV в. Деснинско-Окское междуречье, юг Карачевского княжества, да и весь Юго-Восток Руси представляются достаточно населенным регионом с активной торгово-экономической деятельностью, а также бурной военно-политической историей⁷⁵.

References

Astashova N.I., Petrova L.A., Saracheva T.G. *Kresty-enkolpiony iz sobraniya Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeyya* [Encolpion Crosses from the Collection of the State Historical Museum]. Moscow: RIP-kholding, 2013. 320 p.

Bespalov R.A. *Istoriya Novosil'sko-Odoevskoy zemli do nachala XVI veka v kontekste mezhdunarodnykh otnosheniy v Vostochnoy Evrope* [The History of the Novosil-Odoev Land Until the Beginning of the 16th Century in the Context of International Relations in Eastern Europe]. Moscow; Saint Petersburg: Nestor-Istoriya, 2021. 692 p.

Bokhan Yu.M. *Uzbraenne naseľnitstva Belaruskikh zyamel' u XIV–XVI stogodzyakh* [The Armament of the Population of Belarusian Lands from the 14th through the 16th Century]. Minsk: Vydavetstva Belarus', 2012. 152 p.

Bryanskiy klad ukrasheniy s vyemchatoy emalyu vostochnoevropeyskogo stilya (III v. n.e.) [Bryansk Hoard of Jewelry with Champlevé Enamel in Eastern European Style (Third Century C.E.)] // *Ranneslavianskiy mir* [The Early Slavic World]. Issue 18 / Ed. by A.M. Oblomskiy. Moscow; Vologda: Institut arkhologii RAN, 2018. 561 p.

Clark J., Ellis Blanche M.A., Egan G., Griffiths N., Rackham J.D., Spenser B., Wrangle A. *The Medieval Horse and Its Equipment, c. 1150–1450*. London: Boydell & Brewer Ltd., 2004. 202 p.

Dvurechensky O.V. *Kolestsovyye shporgy, proiskhodyashchiye s territorii Novgorodskoy, Vladimirskey i Ryazanskoy zemel' vtoroy poloviny XIII–XVII vv.* [Rowel Spurs from the Territories of Novgorod, Vladimir, and Ryazan Lands from the Second Half of the 13th through the 17th Century] // *Voinskiye traditsii v arkhologicheskom kontekste: ot pozdnego latena do pozdnego srednevekov'ya* [Military Traditions in Archaeological Context: From Late La Tène to Late Middle Ages]. Tula: GVI i PMZ “Kulikovo pole”, 2014. P. 130–149.

Grachev S.Yu., Piskunov V.O. *Monetnoe obrashchenie vostochnoi chasti Velikogo knyazhestva Litovskogo. Konets XIV — nachalo XV vekov* [Monetary Circulation in the Eastern Part of the Grand Duchy of Lithuania. Late 14th and Early 15th Centuries] //

⁷⁴ Зайцев В.В. «Северские» монеты с «княжеским знаком», 80-е гг. XIV в. // Нумизматика. 2011. № 1. С.16–22.

⁷⁵ Закрепление власти Литвы на Юго-Востоке Руси не было в интересах ни Москвы, ни Орды. Именно концом 60-х — началом 70-х гг. XIV в. один из авторов раскопок датирует первую группу захоронений на «литовском» городище «Царский дворец» в Гочево, связывая ее с попыткой помешать строительству пограничной цитадели (Стародубцев Г.Ю. Находка погребения всадника на Царском Дворце // Русский сборник. Вып. 10 / Гл. ред. Е.А. Шинаков. Брянск, 2021. С. 95 – 98).

Russkoe nasledie v stranakh Vostochnoy i Tsentral'noy Evropy. Materialy Mezhgosudarstvennoy konferentsii, 5–8 iyulya 2010 g. (g. Bryansk), priurochennoy k 600-letiyu bitvy pri Grunvalde [Russian Heritage in the Countries of Eastern and Central Europe. Proceedings of the Interstate Conference, 5–8 July 2010 (Bryansk), Dedicated to the 600th Anniversary of the Battle of Grunwald] / Ed. by A.V. Antyukhov, O.V. Belova, S.I. Mikhalchenko, V.Ya. Petruhin, A.A. Chubur, E.A. Shinakov. Bryansk: Fond “Russkiy mir”; RIO BGU, 2010. P. 409–411.

Gur'yanov V.N., Shinakov E.A., Chubur A.A., Ryabchevskiy N.G. *Okhrannyye raskopki na Petrovskoy gore v Bryanske* [Rescue Excavations on Petrovskaya Gora in Bryansk] // *Arkheologicheskie issledovaniya v Tsentral'nom Chernozem'e, 2017* [Archaeological Research in the Central Black Earth Region, 2017]. Lipetsk; Voronezh: Novyy vzglyad, 2018. P. 22–25.

Kalinskiy I.P. *Tserkovno-narodnyy mesyatseslov na Rusi* [The Church-Popular Calendar in Rus']. Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1990. 237 p.

Kirpichnikov A.N. *Snaryazheniye vsadnika i verkhovogo konya na Rusi IX–XIII vv.* [The Equipment of the Rider and Riding Horse in Rus' from the 9th through the 13th Century] / *Svod arkheologicheskikh istochnikov*. Issue E1–36. Leningrad: Nauka, 1973. 140 p.

Korzukhina G.F., Peskova A.A. *Drevnerusskiye enkolpiony. Nagrudnye kresty-relikvarii X–XIII vv.* [Old Russian Encolpions. Chest Crosses-Relics from the 10th through the 13th Centuries] / *Trudy Instituta istorii material'noy kul'tury RAN* [Proceedings of the Institute of the History of Material Culture of RAS]. Vol. VII. Saint Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie, 2003. 432 p.

Kovalenko V.P. *Chernigovo-Severskaya zemlya v seredine XIII st.* [The Chernigov-Severskaya Land in the Mid-13th Century] // *Svyatyy knyaz' Mikhailo Chernigovskiy ta yoho doba* [Saint Prince Mikhail of Chernigov and His Era] / Ed. by V.P. Kovalenko. Chernigov: Sivers'ka dumka, 1996. P. 36–41.

Kozubovskiy G.A. *Kiivs'ke knyazivstvo pri Volodimiri Olgerdovichi za pam'yatkami numizmatiki* [The Kyiv Principality During the Reign of Volodymyr Olgerdovich according to Numismatic Sources] // *Starozhitnosti Pivdennoi Rusi. Materialy istoriko-arkheologichnogo seminaru “Chernigiv i yoho okruha v IX–XIII st.”* [Antiquities of Southern Rus'. Proceedings of the Historical and Archaeological Seminar “Chernigov and Its Surroundings from the 9th through the 13th Century”] / Ed. by P.P. Tolochko. Chernigov: Sivers'ka dumka, 1993. P. 131–137.

Krom M.M. *Mezh Rus'yu i Litvoy. Pogranichnye zemli v sisteme russko-litovskikh otnosheniy kontsa XV — pervoy treti XVI v.* [Between Rus' and Lithuania. Borderlands in the System of Russo-Lithuanian Relations in the Late 15th and the First Third of the 16th Century]. 2nd ed., revised and expanded. Moscow: Kvadriga, 2010. 319 p.

Kuchkin V.A. *Letopisnye rasskazy o slobodakh baskaka Akhmat* [Chronicle Stories About the Settlements of Baskak Akhmat] // *Srednevekovaya Rus'* [Medieval Rus']. Issue I / Ed. by A.A. Gorskiy. Moscow: Rossiyskoye universitetskoye izdatel'stvo, 1997. P. 5–57.

Kuczynsky S.M. *Ziemie czernihowsko-siewierskie pod rzadami Litwy* [The Chernigov-Severskiye Lands under the Rule of Lithuania] // *Pratsi Ukrains'koho naukovoho instytutu*. Vol. XXXIII. Warsaw: Funduszu Kultury Narodowej, 1936. 408 p.

Mayorov A.A. *K voprosu o Tul'skom baskachestve na zemlyakh severo-vostochnoy chasti Chernigovskogo knyazhestva XIII–XIV vv.* [On the Tula Baskachestvo in the Northeastern Part of the Chernigov Principality in the 13th and 14th Centuries] // *Zolotoordynskoye obozrenie*. 2020. Vol. 8. N 1. P. 6–86.

Nadolski A. *Broń i strój rycerstwa polskiego w średniowieczu* [Weapons and Attire of Polish Knights in the Middle Ages]. Wrocław etc.: Ossolineum, 1979. 180 p.

Nadolski A. *Uzbrojenie w Polsce średniowiecznej 1350–1450* [Armaments in Medieval Poland 1350–1450]. Łódź: Polska Akademia Nauk, 1990. 532 p.

Nikolskaya T.N. *Gorodishche Slobodka XII–XIII vv. K istorii drevnerusskogo gradostroitel'stva v Zemle vyatichey* [The Slobodka Settlement in the 12th and 13th Centuries. On the History of Old Russian Urban Planning in the Vyatichi Land]. Moscow: Nauka, 1987. 185 p.

Nowakowski A. *Wojskowość w średniowiecznej Polsce* [Military in Medieval Poland]. Malbork: Muzeum Zamkowe w Malborku, 2005. 266 p.

Pivovarov S.V. *Ozbroyennyya voyna XIV st. z Serednoho Podnistrov'ya za danymy arkhelohichnykh rozkopok v s. Zelena Lypa* [The Armament of a 14th Century Warrior from the Middle Dniester Based on Archaeological Excavations in the Village of Zelena Lypa] // *Materialy V Kongresu Mizhnarodnoyi asotsiatsiyi ukrajinistiv. Istoriya* [The Acta of the 5th Congress of the International Association of the Ukrainians. History]. Part 1. Chernivtsi: Ruta, 2003. P. 120–124.

Polekhov S.V. “*Spisok gorodov Svidrigayla*”. *Datirovka i publikatsiya* [The “List of Towns of Svidrigailo”. Dating and Publication] // *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki*. 2014. N 4 (38). P. 11–25.

Poluboyarinova M.D. *Russkiye veshchi na territorii Zolotoy Ordy* [Russian Artifacts on the Territory of the Golden Horde] // *Sovetskaya arkheologiya*. 1972. N 3. P. 164–187.

Poznanskiy N.F. *Sisiniyeva legenda — obereg i srodnye yey amulety i zagovory* [The Sisinius Legend, Amulet and Related Charms and Spells] // *Zhivaya starina*. 1912. Issue 1. P. 95–116.

Rusina E.E. *Jagoldai, Jagoldaevichi, Jagoldaeva “rma”* [Jagoldai, Jagoldaevichi, Jagoldai Tyumen] // *Slavyane i ikh sosed'i* [Slavs and Their Neighbors]. Issue 10. Moscow: Nauka, 2001. P. 144–152.

Ryabchevskii N.G. *Nakhodki vostochnoevropeyskikh vyemchatykh emaley na territorii Bryanskoj oblasti (materialy k svodu)* [Findings of Eastern European Champlevé Enamels in the Bryansk Region (Material for a Corpus)] // *Germaniya — Sarmatiya / Germania — Sarmatia*. Issue III. *Sbornik nauchnykh statey po arkheologii narodov Tsentral'noy i Vostochnoy Evropy* [Collection of Scientific Articles on the Archaeology of the Peoples of Central and Eastern Europe] / Ed. by O. Radyush. Moscow: Institut arkheologii RAN, 2020. P. 128–153.

Sedova M.V. *Yuvelirnye izdeliya drevnego Novgoroda (X–XV vv.)* [Jewelry of Ancient Novgorod (from the 10th through the 15th Century)]. Moscow: Nauka, 1981. 196 p.

Shinakov E.A. *Eshche raz ob “al'ternativnom” vostochno-slavyanskom predgosudarstvennom obrazovanii X v. (po dannym arkheologii i numizmatiki)* [Once Again on the “Alternative” East Slavic Pre-State Formation of the 10th Century (Based on Archaeological and Numismatic Data)] // *Verkhnedonskoy arkheologicheskij sbornik* [Upper Don Archaeological Collection]. Issue 8 / Ed. by A.N. Bessudnov. Lipetsk; Saint Petersburg: LGPU, 2017. P. 193–208.

Shinakov E.A. “*Most*” *mezhdru srednim Podneprov'em i Poochem v pozdnerimskoye vremya* [A “Bridge” Between the Middle Dnieper and Oka Regions in Late Roman Times] // *Russkiy sbornik* [Russian Collection]. Issue 8. Vol. 1 / Ed. by E.A. Shinakov. Bryansk: RIO BGU, 2016. P. 165–172.

Shinakov E.A. *Naselenie mezhdurech'ya Desny i Vorskly v kontse X — pervoy polovine XIII veka: diss. ... kandidata istoricheskikh nauk* [The Population of the Desna and Vorskla Interfluvium from the Late 10th through the Early 13th Century: PhD Candidate in History Diss.]. Moscow: MGU, 1980. 238 p.

Shinakov E.A. *O vremeni i protsesse vklyucheniya Bryanska v sostav Velikogo knyazhestva Litovskogo* [On the Time and Process of Bryansk's Incorporation into the Grand Duchy of Lithuania] // *Studia internationalia. Materialy V mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii "Zapadnyy region Rossii v mezhdunarodnykh otnosheniyyakh X–XX vv."* [*Studia internationalia*. Proceedings of the 5th International Scientific Conference "Western Region of Russia in International Relations from the Tenth through the Twentieth Century"]. Bryansk: RIO BGU, 2016. P. 41–56.

Shinakov E.A., Chubur A.A. *Lunnitsy kruga "varvarkikh vyemchatykh emaley" v srednedesninskom regione* [Lunulae of the "Barbarian Champlévé Enamels" Circle in the Middle Desna Region] // *Germaniya — Sarmatiya / Germania — Sarmatia*. Issue III. *Sbornik nauchnykh statey po arkheologii narodov Tsentral'noy i Vostochnoy Evropy* [Collection of Scientific Articles on the Archaeology of the Peoples of Central and Eastern Europe] / Ed. by O. Radyush. Moscow: Institut arkheologii RAN, 2020. P. 116–127.

Shinakov E., Fedosov A. *Weapons and Armour of Germanic and Nomadic Origin in the Middle Desna Region (the End of the Fourth — the Sixth Centuries) // Relații interetnice în Transilvania: Militaria Medievală în Europa Centrală și de Sud-Vest* [Interethnic Relations in Transylvania: Medieval Military in Central and Southwestern Europe] / Zeno Karl Pinter, Anca Nițoi, Claudia Urduzia. Sibiu: Astra Museum, 2018. P. 17–31.

Shinakov E.A., Gur'yanov V.N. *Vooruzhenie kontsa XII — nachala XIV vv. s territorii Srednego Podeseniya i kross-kul'turnye kontakty (v svete mongol'skogo nashestviya)* [The Armament from the Late 12th through the Early 14th Century from the Territory of the Middle Desna and Cross-Cultural Contacts (In Light of the Mongol Invasion)] // *Stratum Plus. Arkheologiya i kul'turnaya antropologiya*. 2016. N 5. *Nashestvie. Predely katastrofy XIII veka*. [The Invasion. The Extent of the 13th Century Catastrophe]. P. 143–156.

Shinakov E.A., Minenko V.V., Grachev S.Yu., Piskunov V.O., Sobolev A.V., Chubur A.A. *Srednevekovye kop'ya Srednego Podeseniya (VI–XV vv.)* [Medieval Spears of the Middle Desna (from the 6th through the 15th Century)] // *Russkiy sbornik* [Russian Collection]. Issue 5. *Trudy kafedry otechestvennoy istorii i srednevekov'ya Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta imeni akademika I.G. Petrovskogo* [Proceedings of the Department of National History and Medieval Studies of Bryansk I.G. Petrovsky State University]. Issue 12. Bryansk: Kursiv, 2009. P. 84–97.

Šnajdrova E. *Arma ofensiva et defensiva. Historické zbraně a zbroj ze sbírky Národního muzea* [Historical Weapons and Armor from the Collection of the National Museum]. Praha: Národní muzeum, 2014. 106 p.

Starodubtsev G.Yu. *Nakhodka pogrebeniya vsadnika na Tsarskom Dvortse* [The Discovery of a Rider's Burial at Tsarskiy Dvoretz] // *Russkiy sbornik* [Russian Collection]. Issue 10 / Ed. by E.A. Shinakov. Bryansk: RISO BGU; IP Khudovets R.G., 2021. P. 95–98.

Starodubtsev G.Yu., Zorin A.V. *Period XIV–XV vv. v novykh punktakh v Kurskoy oblasti* [The 14th and 15th Centuries in New Sites in the Kursk Region] // *Russkiy sbornik* [Russian Collection]. Issue 8. Vol. 1 / Ed. by E.A. Shinakov. Bryansk: RIO BGU, 2016. P. 124–129.

Starodubtsev G.Yu., Zorin A.V. *Tri gruppy pogrebeniy s gorodishcha Tsarskiy Dvoret: predvaritel'noe soobshchenie* [Three Groups of Burials from the Tsarskiy Dvoret Site: Preliminary Report] // *Russkiy sbornik* [Russian Collection]. Issue 10 / Ed. by E.A. Shinakov. Bryansk: RISO BGU; IP Khudovets R.G., 2021. P. 87–94.

Sukhobokov O.V. *“Zemlya neznyayema”*: naselenie basseyna srednego Psla v X–XIII vv. po materialam romensko-drevnerusskogo kompleksa u s. Kamennoe [“The Unknown Land”: The Population of the Middle Psel Basin from the 10th through the 13th Century Based on Materials from the Romensko-Old Russian Complex Near the Village of Kamennoe]. Kyiv: Agrar Media Grupp, 2012. 375 p.

Tikhomirov M.N. *Russkoe letopisanie* [Russian Chronicles]. Moscow: Nauka, 1979. 383 p.

Voronyatov S.V., Shinakov E.A. *Otdel'nye nakhodki i klady kruga vyemchatykh emaley v Bryanskom Podeseñe* [Individual Finds and Hoards of the Champlévé Enamel Circle in the Bryansk Podeseñe] // *Germaniya – Sarmatiya / Germania – Sarmatia*. Issue III. *Sbornik nauchnykh statey po arkhologii narodov Tsentral'noy i Vostochnoy Evropy* [Collection of Scientific Articles on the Archaeology of the Peoples of Central and Eastern Europe] / Ed. by O. Radyush. Moscow: Institut arkhologii RAN, 2020. P. 80–114.

Voronyatov S.V., Stolyarova T.V. *Glazhevskaya kolleksiya: istoriya izucheniya i analiz sostava* [The Glazhevskaya Collection: History of Study and Composition Analysis] // *Germaniya – Sarmatiya / Germania – Sarmatia*. Issue III. *Sbornik nauchnykh statey po arkhologii narodov Tsentral'noy i Vostochnoy Evropy* [Collection of Scientific Articles on the Archaeology of the Peoples of Central and Eastern Europe] / Ed. by O. Radyush. Moscow: Institut arkhologii RAN, 2020. P. 64–79.

Vozniy I. *Istoryko-kul'turniy rozvytok naseleñnyya mezhyrichchya verkhñoho Siretu ta seredñoho Dnistra v X–XIV st.* [Historical and Cultural Development of the Population of the Interfluvium of the Upper Siret and Middle Dniester from the 10th through the 14th Century]. Part 2. Kyiv; Chernivtsi: Zoloti lytavry, 2009. 568 p.

Yenukov V.V. *K voprosu o lokalizatsii drevnego Lipetska* [On the Localization of Ancient Lipetsk] // *Rol' rannikh miskikh tsentrov v stanovlenii Kyivskoi Rusi* [The Role of Early Urban Centers in the Formation of Kievan Rus'] / Ed. by O.P. Motsya. Sumy: Administratsiya Sumskoy oblasti, 1993. P. 30–33.

Yenukov V.V. *Slavyane do Ryurikovichy* [Slavs Before the Rurik Dynasty] / Series “*Kurskiy kray*” [“Kursk Region”]. Vol. III. Kursk: Uchitel', 2005. 353 p.

Zagorovskiy V.P. *Istoriya vkhodzheniya Tsentral'nogo Chernozem'ya v sostav Rossiyskogo gosudarstva v XVI veke* [The History of the Incorporation of Central Black Earth Region into the Russian State in the 16th Century]. Voronezh: Izdatel'stvo Voronezhskogo universiteta, 1991. 269 p.

Zaytsev V.V. *Monety Dmitriya Olgerdovicha Bryanskogo* [Coins of Dimitri of Bryansk, son of Olgerd] // *Numizmatika*. 2010. N 1. P. 10–13.

Zaytsev V.V. *Monety Karachevskogo knyazhestva* [Coins of the Karachev Principality] // *Russkiy sbornik* [Russian Collection]. Issue 5. *Trudy kafedry otechestvennoy istorii i srednevekov'ya Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta imeni akademika I.G. Petrovskogo* [Proceedings of the Department of National History and Medieval Studies of Bryansk I.G. Petrovsky State University]. Issue 12. Bryansk: Kursiv, 2009. P. 103–109.

Zaytsev V.V. “Severskiye” monety s “knyazheskim znakom”, 80-e gg. XIV v. [“Severskiye” Coins with a “Princely Sign”, 1380s] // *Numizmatika*. 2011. N 1. P. 16–22.

Поступила в редакцию
16 сентября 2023 г.

DOI: 10.55959/MSU0130-0083-8-2024-65-2-179-192

М.А. Башкирова

**ОБРАЗ КРЕПОСТИ В РУССКОЙ АРХИТЕКТУРЕ
ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XVIII В.: ИСТОРИЯ ВОПРОСА
И ПРОБЛЕМА МЕТОДА**

М.А. Bashkirova

**THE IMAGE OF FORTRESS IN RUSSIAN ARCHITECTURE
OF THE LAST THIRD OF THE 18th CENTURY:
THE HISTORIOGRAPHICAL REVIEW
AND THE PROBLEM OF METHOD**

Аннотация. Образ крепости в архитектуре появляется в Новое время, когда конструктивные элементы и объемно-пространственные схемы, характерные для оборонительных сооружений, оказываются включенными в произведения гражданского зодчества, утратив свой первоначальный функциональный смысл, но при этом сохранив отчетливые черты прототипа. В отечественной историографии сложилось представление о тождественности архитектурных воспроизведений образа крепости и неоготического стиля последней трети XVIII в. Оно формировалось постепенно, вырастая из образных сравнений дореволюционных эссеистов и советских искусствоведов. Периодически повторяясь, эти сравнения, тем не менее, не становились предметом исследовательской рефлексии, так как фокус внимания был нацелен преимущественно на проблемы стиля. Наравне с устойчивой ассоциацией «замка» и «готичности» возник еще один топос — истолкование образа крепости в русской неоготике XVIII в. как мемориала русско-турецких войн, привнесший в историю вопроса стереотип об ориенталистской подоплеке некоторых построек. Отмеченные общепринятые концепции при более внимательном рассмотрении оказываются неприменимыми к целому ряду памятников: образ крепости появился в русской архитектуре еще до турецких кампаний и увлечения неоготикой Екатерины II, а вполне классицистические сооружения, наделенные чертами замка, строились параллельно с эталонными памятниками русской неоготики. Осозна-

Башкирова Мария Андреевна, аспирант кафедры истории отечественного искусства исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова

Bashkirova Mariya Andreevna, Postgraduate Student, Department of the History of Russian Art, Faculty of History, Moscow Lomonosov State University

MariyaMasha@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-3634-0491

ние предельности изучения стиля так или иначе приводило исследователей к проблематике архитектурной образности. Интерпретация образа открывала новые пути, иную «оптику», позволившую выявить связи отдельных памятников с европейским архитектурным контекстом и объяснить генезис их форм, а также реконструировать стоящие за ними идейные программы. Анализ историографии и современного состояния вопроса позволяет не только констатировать существование образа крепости как явления в архитектуре, располагавшегося вне стилей и присущего разным национальным школам, но использовать его как некий конструкт, который откроет путь для концептуализации целого круга хронологически и морфологически близких сооружений в русской архитектуре последней трети XVIII в.

Ключевые слова: историография русской архитектуры, интерпретация образа, неоготика, замковый стиль, русская усадебная архитектура, иконография архитектуры.

Abstract. The image of the fortress in architecture emerged in the Early Modern period when the constructive elements and volumetric-spatial schemes typical of defensive structures were incorporated into civil architecture. These structures lost their original functional meaning but retained distinctive features of their prototypes. In Russian historiography, there is a perception of the identity between architectural representations of the fortress image and the Neo-Gothic style of the last third of the 18th century. This view developed gradually, stemming from metaphorical comparisons made by pre-revolutionary essayists and Soviet art historians. Although these comparisons were periodically repeated, they did not become the focus of research reflection, as the attention was primarily directed towards stylistic issues. Alongside the enduring association of “castle” and “Gothicism”, another topos emerged, the interpretation of the fortress image in the 18th-century Russian Neo-Gothic as a memorial to the Russo-Turkish wars. This topos introduced a stereotype about the Orientalist background of certain buildings. Upon closer examination, these accepted concepts prove inapplicable to several monuments: the fortress image appeared in Russian architecture before the Turkish campaigns and Catherine the Great’s fascination with Neo-Gothic, and classical-style buildings featuring castle-like elements were constructed alongside exemplary Russian Neo-Gothic monuments. The recognition of the limitations of studying style led researchers to the issue of architectural imagery. The interpretation of the image opened new avenues and perspectives, allowing the identification of connections between individual monuments and the European architectural context, explaining the genesis of their forms, and reconstructing the underlying ideological programs. Analyzing historiography and the current state of the issue not only confirms the existence of the fortress image as a phenomenon in architecture, existing outside of styles and inherent to various national schools, but also allows it to be used as a construct to conceptualize a whole range of chronologically and morphologically related buildings in Russian architecture of the last third of the 18th century.

Keywords: historiography of Russian architecture, image interpretation, Neo-Gothic, castle style, Russian estate architecture, architectural iconography.

С середины XVIII в. в русской гражданской и церковной архитектуре стали появляться постройки, обладающие чертами крепости. Современниками они могли быть зафиксированы под названием «замка» или же позднее сопоставлены с крепостной архитектурой мемуаристами и исследователями. Все эти сооружения не образуют по-настоящему цельную группу с точки зрения развития архитектурных форм. Подражание крепостной архитектуре проявилось в них через воспроизведение характерных композиционных и объемно-пространственных решений, а также путем наделения этих сооружений конвенциональными смыслами крепости как символа, которые включали тему средневекового замка, мемориала военной славы, темницы и, позднее, национальной старины¹.

В отечественной историографии не существует специального исследования, в котором была бы поставлена и решена проблема образа крепости в архитектуре эпохи Просвещения. Речь идет не о «потешных» крепостях или же архитектурной теории самой фортификации, но об особом художественном явлении — абстрактной крепости (шато, средневековом замке, руине замка), становящейся темой для гражданского или церковного архитектурного сооружения. Несмотря на то что «замковые» черты в архитектурных произведениях последней трети XVIII в. не раз отмечались как современниками, так и исследователями, ни предпосылки для их возникновения, ни сами механизмы подобного мимезиса не были систематически изучены. Спорадически в научной литературе возникают (зачастую на правах эпитета) сопоставление с крепостной архитектурой тех или иных сооружений, снабженных имитацией башен и зубцов. В то же время «общим местом» почти каждого краеведческого очерка (а порой и музейного каталога), в котором упоминается усадебный ансамбль с башнями и/или готическим декором последней трети XVIII в., стал его семантический анализ в контексте коммеморации русско-турецких войн екатерининского времени.

В целом, крепость как источник вдохновения для архитектурного творчества до конца не проблематизирована и в зарубежной науке: граница, разделяющая *tower house* или укрепленное палаццо с постройками, в которых черты крепости присутствуют не в качестве дани традиции и рудимента, остается чрезвычайно зыбкой. Образу крепости позволяют актуализироваться лишь в контексте неоготического стиля — подразумевается, что раз сложившийся к

¹ См.: Башкирова М. А. Образ крепости и его русские архитектурные воплощения во второй половине XVIII века // Русское искусство. III. Мимезис и утопия / Под ред. А.П. Салиенко, В.В. Седова. СПб., 2022. С. 42.

1740-м гг. литературный канон *gothic fiction* созвучен архитектурной моде, то эти тексты образуют для нее некую «теоретическую базу», в результате стиль будто узурпирует тему. Между тем барочные и классицистические ее воплощения остаются вне фокуса внимания исследователей, потому что не укладываются в схему, построенную на средневекистских концептах XVIII в.

Образ крепости был не единичным феноменом художественной фантазии, но выражением если и не стройной системы, то закономерности в интенциях заказчика. Эта закономерность существует глубже истории стилей и не приурочена к одному из них. Сам по себе термин «готический», перешедший из текстов XVIII в. в искусствоведческий дискурс, потребовал множества теоретических работ, нацеленных на его определение и осмысление, и в итоге оказался настолько условным, что самой точной (или, по крайней мере, объясняющей все его особенности, не отрицая при этом какой-либо одной, «выпадающей» из теоретической модели и тем самым разрушающей ее) оказалась «апофатическая» дефиниция «неклассический»². Однако строительная практика показывает, что крепостные черты могли быть приданы сооружению с регулярным планом и классической ордерной декорацией. Тенденция представлять в образе замка особняк, храм, здания присутственных мест и т.п. невоенные сооружения действительно «концентрируется» в последней трети XVIII в. Но восходит она к предыдущему столетию, когда крепостная башня утратила оборонительную функцию, став символом, а область эфемерной архитектуры городского праздника наполнилась изображениями крепостей как новым изобразительным мотивом.

Образ старинной крепости как феномен русской архитектуры последней трети XVIII в. «растворен» в различных публикациях, посвященных русской неоготике. В настоящей статье исследуется история изучения различных архитектурных воспроизведений образа крепости, относящихся к последней трети XVIII в., и те пути, которыми следовали историки архитектуры, анализируя это явление.

Первым мысль о влиянии фортификации на формы «готического» подмосковного усадебного ансамбля екатерининского времени осторожно высказал В.В. Згура в статье «Новые памятники псевдоготики» 1927 г.³, которая была посвящена подмосковному имению П.И. Панина Михалково. В той же статье им впервые в истории

² Кириченко Е.И. Неклассические тенденции в русской архитектуре эпохи классицизма // Матвей Федорович Казаков и архитектура классицизма. М., 1996. С. 142–162.

³ Згура В.В. Новые памятники псевдоготики // Сборник общества изучения русской усадьбы. 1927. № 1. С. 1–4.

изучения вопроса было выдвинуто предположение о связи между военной карьерой владельца имения и появлением крепостных черт в заказанных им постройках, которое со временем развилось в общепринятую концепцию изучения и других памятников этого круга. Свое предположение он подкрепил беглым указанием на орнаменты с полумесяцем (впрочем, оговорив, что это наблюдение лишь «отчасти» может его аргументировать).

Отметим, что самым ранним из известных источников, в котором содержатся сведения о неких архитектурных копиях турецких крепостей в имении того или иного генерала, прославившегося в турецких кампаниях последней трети XVIII в., является путевой дневник английского пастора У. Кокса, однозначно описавшего виденные им парковые павильоны в усадьбе Васильевское на Воробьевых горах, принадлежавшей князю В.М. Долгорукову-Крымскому, как архитектурные «трофеи»⁴. И, хотя сегодня хорошо изучен феномен экзотических стилей — «спутников» европейского неоклассицизма⁵, это представление настолько устойчиво, что даже в последних публикациях встречаются предположения об ориентальных влияниях на архитектуру екатерининского времени: к примеру, в качестве источника вдохновения «замка» в Островках (являвшегося русской репликой Струберри Хилл Хаус Горация Уолпола близ Лондона) назван дворец Топкапы в Стамбуле⁶.

В 1920-е гг. в работах Н.А. Кожина⁷ была развита гипотеза о «почвенных» основах «Екатерининской псевдо-готике»⁸ и принят сравнительный анализ некоторых «готических» построек 1770–1780-х гг., в том числе и служебных корпусов в имении А.П. Ермолова Красное, с образцами стиля в Царицыно и Царском Селе. Заслуживает внимание то обстоятельство, что Кожин упомянул несохранившуюся ограду двора в имении Красное, оснащенную подобием кордегардий в виде зубчатых башен. Однако трактовал он их исключительно с позиций формального метода искусствознания —

⁴ “I particularly remarked those of Yenikale, Keretch, and Precop”. — *Coxe W. Travels into Poland, Russia, Sweden, and Denmark. Interspersed with historical relations and political inquiries.* London, 1784. P. 345.

⁵ *Борисова Е.А. Ранний романтизм и русская архитектура // Мир искусств. Альманах.* 1991. С. 378.

⁶ *Орехова Е.М. «Великолепные чертоги...» Резиденции Г.А. Потемкина в Петербурге и окрестностях // «Это сам Потемкин!» К 280-летию Светлейшего князя Г.А. Потемкина-Таврического.* СПб., 2020. С. 126.

⁷ *Кожин Н.А. Основы русской псевдо-готике XVIII в. Село Знаменки Тамбовской губернии.* Л., 1924; *Он же. Основы русской псевдо-готике XVIII века. Село Красное Рязанской губернии.* Л., 1927.

⁸ Доклад архитектора и историка С.А. Гамбурцева упомянут И.Е. Бондаренко (см.: *Бондаренко И.Е. Архитектор Матвей Федорович Казаков.* М., 1912. С. 15).

как пример принципа «глубинности». Проблема образности архитектуры для Кожина не существовала. Между тем именно в таком скрупулезном анализе формы потенциально содержался выход на закономерности представления о крепости, которые позволяли зрителю опознать ее образ в сооружении, не имевшем ровно никакой оборонительной функции: мотив угловой башни, или пары башен, фланкирующих арку, как архитектурных паттернов, выражающих идею замкнутости, ограждения.

Следует отметить, что черты замка в усадебной и придворной архитектуре упоминали еще дореволюционные знатоки русского XVIII в. — но только для того, чтобы описать специфику плана и объемно-пространственное решение той или иной постройки. Тем не менее назвать крепостную архитектуру полноценным источником для того или иного ансамбля они не решались.

Так, Н.Н. Врангель в своем эссе «Помещичья Россия» кратко упомянул побочную линию развития русской архитектуры во второй половине XVIII в. — «экзотического» характера⁹. Интересно, что Врангель избрал в качестве примеров всего три постройки — дворцы в Чесме, Островках и Вишенках, аттестовав их как «тип “готики Louis XVI”». Характерно, что, переходя к памятникам эпохи романтизма, он применяет такие определения, как «рыцарский стиль» и «подобие замков феодальных». Врангель сосредоточен на проблеме стиля названных сооружений исключительно с позиции знатока эпохи и эссеиста: образ замка — только эстетическое переживание, которое к тому же, по собственному признанию автора, плохо встраивается в составленный им образ «русского дворянского гнезда»¹⁰.

Еще один исследователь русского XVIII в., А.Е. Бондаренко, выпустивший до революции книгу, посвященную М.Ф. Казакову, в том числе его «готическим» постройкам и в частности Петровскому подъездному дворцу¹¹, также полностью проигнорировал возможность проанализировать необычное объемно-пространственное решение этого сооружения в контексте реминисценций крепостной архитектуры и вместо этого сосредоточился на его стиле.

Историк русской архитектуры Г.К. Лукомский предпринял попытку систематизировать все постройки согласно их назначению — «типу», которому обычно соответствует тот или иной стиль. Как и Врангель, он «канонизирует» классицистический образ русской усадьбы. Неминуемо столкнувшись на этом пути с необходимостью

⁹ Врангель Н.Н. Венок мертвым. СПб., 1913. С. 51.

¹⁰ Там же. С. 51–52.

¹¹ Бондаренко И.Е. Указ. соч. С. 15–17.

объяснить исключение из выведенного им правила в виде «готических» ансамблей, Лукомский дополняет его: «усадьбы ... в стиле Казаковской Екатерининской готики — могут быть очень типичны для строительства русской провинции»¹². В качестве удачного примера неклассической усадьбы он приводит Вишенки графа П.А. Румянцева-Задунайского вблизи Чернигова, причем называет ее главный дом «дворцом (в замковом стиле)»¹³. Но в то же время декоративные башни парковой ограды в подмосковной усадьбе Бибиковых Гребнево (близкие царицынской «готике») в его статье, напечатанной в журнале «Столица и усадьба» в 1917 г., названы «павильончиками»¹⁴. Годом ранее неизвестный корреспондент этого же журнала, описывая «Круглый двор» в малороссийском имении Тростянец, отмечал, что это сооружение «представляет собой точно маленькую крепость с четырьмя башнями по углам и воротами по середине»¹⁵. Для истории вопроса важно, что параллели с замками были проведены, но они не привели к поиску дальнейших путей интерпретации. В сущности, до 1920-х гг. в русской историографии сравнение с формами крепостной архитектуры скорее отражало интуицию эссеиста, а не конкретную художественно-историческую ситуацию.

Методологическим рубежом, который мог бы открыть новый этап в изучении русской архитектуры XVIII в., стало исследование Е.А. Тартаковской, посвященное Чесменскому (Кекерекексинскому) дворцу Екатерины II. Наравне со стремлением показать это произведение Фельтена в контексте западноевропейских памятников, составлявших его архитектурный «бэкграунд», в нем содержался семантический анализ этого проекта как оригинальной репрезентации легитимности царствования. Тартаковской была открыта такая черта, как программность этого архитектурного заказа, уравновесившая стилистические изыскания формальной школы¹⁶. В статье, вышедшей, как и «Новые памятники псевдоготики» В.В. Згура, в 1927 г., были подробно рассмотрены композиционные особенности «увеселительного замка», очерчен круг наиболее вероятных английских образцов и впервые в истории изучения русской «неоготики» XVIII в. со всей определенностью высказаны наблюдения над ху-

¹² Лукомский Г.К. Памятники старинной архитектуры России в типах художественного строительства. Часть I. Петроград, 1916. С. 362.

¹³ Там же. С. 361.

¹⁴ Лукомский Г.К. Гребнево // Столица и усадьба. 1917. № 75. С. 8.

¹⁵ Тростянец // Столица и усадьба. 1916. № 54. С. 5.

¹⁶ Тартаковская Е.А. Чесменский дворец // Изобразительное искусство. Л., 1927. С. 171–193.

дожественным языком этой архитектуры и — что особенно ценно с точки зрения методологии — механизмом их восприятия современниками, даже наиболее искусственным из которых «достаточно было видеть зубчатые башни, стрельчатые окна и ров с подъемными мостами, чтобы в восторге воскликнуть: “echt gothisch”, “altväterlich” [нем.: *настоящая готика, старина*]»¹⁷.

Таким образом, как и В.В. Згура, Е.А. Тартаковская во второй половине 1920-х гг. пришла к выводу, что желание русского заказчика последней трети XVIII в. имитировать собирательный образ условной крепости можно попытаться трактовать через его биографию и, соответственно, индивидуальные установки — будь то честолюбие военачальника или необходимость обоснования прав на престол.

Как было показано выше, в русской историографии определение «замковый стиль» применительно к неклассицистическим усадебным постройкам встречалось и в дореволюционных сочинениях Г.К. Лукомского, оно означало подражание формам замка и являлось весьма размытым. Однако в английской историографии это определение к 1920-м гг. приобрело более весомый статус термина, обозначающего целое направление. Представляется действительно важным событием публикация в 1922 г. исследования творчества братьев Адам английского историка архитектуры Артура Болтона, в котором глава, посвященная их собственному варианту “Gothic taste”, была названа “Castle style”¹⁸. Если для Г.К. Лукомского «замковый стиль» стоял в одном ряду с «китайским», «мавританским» и прочими «экзотическими» стилями, служа более точному описанию облика того или иного здания, то Болтон вводит словосочетание “castle style” как понятие, обозначающее целый ряд проектов (castellar house), созданных в мастерской Адамов на протяжении 1760–1790-х гг., в которых развивался новый национальный «большой» стиль, синтезировавший неоготику и классическую ордерную систему. Неизвестно, была ли книга А. Болтона доступна в России, или же В.В. Згура и Е.А. Тартаковская независимо от нее в середине 1920-х гг. сделали в своих научных изысканиях акцент на интерпретации «готических» сооружений как воплощенных фантазиях о взятых крепостях и древних замках, а не на проблемах исключительно готического стиля.

Новой важной вехой в истории вопроса явилась статья Т.А. Каздан, которая была опубликована в 1961 г.: в ней исследовался тот

¹⁷ Там же. С. 180.

¹⁸ Bolton A. T. The architecture of Robert & James Adam (1758–1794). Vol. 2. London, 1922. P. 88–98.

самый дворец в «замковом стиле», по выражению Лукомского, в усадьбе Вишенки, принадлежавшей П.А. Румянцеву-Задунайскому¹⁹. В этой работе автор, касаясь проблемы стиля «дворца-замка», характеризует его как «романтический», противоположенный «классическому», не без основания, не уводя свое исследование в проблематику «готического» стиля. Т.А. Каждан первой указала на возможную связь с проектами загородных домов, созданных Р. Адамом, подкрепив их документами, обнаруженными ею в архиве Румянцева-Задунайского. Однако такой подход, взвешенно сочетающий архивные изыскания с наблюдениями над архитектурными формами, не повлиял на магистральную линию изучения этого круга памятников.

За редким исключением сравнение того или иного памятника с крепостью встречается в искусствоведческих описаниях русских неоготических построек в качестве тропа. К примеру, в статье Д.О. Швидковского «Псевдоготика в русской архитектуре 1770–1780-х гг., ее английские источники и западно-европейские аналоги», опубликованной в 2001 г. и подводившей итог научных изысканий в области русской «готики» Просвещения всего предыдущего столетия, вновь встречаем это переплетение строго научного стиля с эвристическим описанием архитектурных форм «Эрмитажной кухни» Нееловых в Царском Селе, «которая приняла образ средневекового укрепления, охранявшего вход в усадьбу. ... [и] воспринималась как часть готического замка и как бы предполагала за ней существование других “рыцарских” построек»²⁰.

В начале 1990-х гг. Л.В. Андреевой был предложен новый подход к интерпретации ансамбля Царицыно. Исследователем были концептуализированы представления о «готике» Просвещения как попытке воссоздания национального стиля — и сделано это было именно через образ крепости. Автор предлагает рассматривать строительство новой резиденции как воплощение древней московской цитадели (которую в предшествующем десятилетии неудачно пытались превратить в подобие русского акрополя) — «Кремленграда»²¹. Эта статья открывает ряд работ 2000–2010-х гг., знаменующих новый этап в исследовании образа крепости екатерининского времени — переход к иконологии архитектуры.

¹⁹ Каждан Т.П. Архитектурные памятники XVIII века в селе Вишенки // Ежегодник Института истории искусств. 1960. С. 149–179.

²⁰ Швидковский Д.М. Псевдоготика в русской архитектуре 1770–1780-х гг., ее английские источники и западноевропейские аналоги // Архитектурное наследство. 2001. № 44. С. 140.

²¹ Андреева Л.В. Царицыно Баженова — императорская подмосковная резиденция. Диалог с древними строениями Московского Кремля // Царицынский научный вестник. 1993. № 1. С. 71.

В 2014 г. была дополнена и переиздана монография М.Н. Соколова «Три пути в рай», в которой на примере Троицкого-Кайнарджи графа П.А. Румянцева-Задунаского и Сабуровской крепости графа М.Ф. Каменского, а также «крепости Бип» Павла I был рассмотрен феномен усадебной военной «мемории» и высказано предположение о возрождении традиции «потешной крепости» в последней трети XVIII в.²² Исследователь сопоставляет русские усадебные «крепости» и их заказчиков с героями английских сатирических романов первой половины XVIII в., в которых были выведены гротескные типы «вояк», удалившихся на покой в собственные поместья, жизнь в которых уподоблена службе гарнизона в военной крепости.

Впервые образ крепости именно как предмет исследования был сформулирован А.А. Ароновой в статье «„Нежная готика“ Василия Баженова и образ крепости в русской культуре XVIII века»²³ 2019 г. В ней автор исследует отражение образа крепости в графике Нового времени, начиная с середины XVII в. и вплоть до середины XVIII в., в галантном жанре аллегорических карт, а также в придворных праздниках елизаветинского времени, и выдвигает предположение о том, что именно это искусство предуготовило идею празднования Кучук-Кайнарджийского мира на Ходынском поле в 1775 г. и кроме того послужило одним из источников формирования «готического языка Просвещения»²⁴. Архитектурное подражание крепости автор постулирует как «семантический признак» «готичности» в целом²⁵.

В том же в 2019 г. была издана книга А.Н. Спащанского, посвященная основанию и развитию ансамбля Гатчины. Автор анализирует своеобразие решения фасадов Большого Гатчинского дворца и предлагает в качестве его иконографических прототипов итальянские укрепленные палаццо²⁶. В этой же главе автор помещает краткий экскурс в историю претворения замковой башни в часть декорации фасада. Не ставя перед собой цель исследования культурологического аспекта феномена образ крепости эпохи Просвещения, он, в сущности, вступает в область иконографии архитектуры и показывает, как потерявшая функциональный смысл башня, «рудимент» не только сохраняется, но и занимает почетное место на глав-

²² Соколов М.Н. Три пути в рай. Природа, религия и искусство в пространстве сада. М., 2014. С. 611–613.

²³ Аронова А.А. «Нежная готика» Василия Баженова и образ крепости в русской культуре XVIII века // Василий Баженов и грекоготический вкус. М., 2019. С. 128–146.

²⁴ Там же. С. 146.

²⁵ Там же. С. 129.

²⁶ Спащанский А.Н. Гатчина во второй половине XVIII века. Рождение резиденции. СПб., 2019. С. 80.

ном фасаде дворца, будучи элементом, демонстрирующим знатность владельца, — «фетишем», вокруг которого разворачивается идейная программа на тему родовитости и приверженности славе предков.

Рассмотренный выше «корпус упоминаний» русского образа крепости, составляя подобие его собственной историографии, являет картину зависимости от проблемы истории стиля: его изучение долгое время определялось формально-стилистическим методом (отметим, что вклад этих работ в атрибуцию и описание памятников невозможно переоценить). Работы Е.А. Тартаковской, позднее Т.А. Каждан, некоторые методологические интуиции В.В. Згуры стали научными «высотами» в историографии. Они задали качественно новые вопросы известным им памятникам: не «как архитектор исполнил заказанный ему проект?», но «что под этим архитектурным “высказыванием” подразумевал заказчик?». Новый этап в историографии образа крепости именно как предмета исследования начался в 1990–2000-е гг., с этого времени исследование стало подразумевать создание авторского нарратива.

Тем не менее, в выстроенной к сегодняшнему дню парадигме изучения образа крепости по-прежнему не осмысленным остается факт существования круга памятников екатерининского (и позднее павловского) времени, планы и объемно-пространственное решение которых отчетливо апеллируют к архитектуре крепостей, будучи при этом лишены «готической» декорации. Эти памятники ставят под сомнение и непреложность ассоциации образа крепости с «готическим вкусом». «Фортеции» как парковые затеи устраивались в подмосковных усадьбах еще до первых «готических» заказов Екатерины II 1770-х гг. (к примеру, несохранившийся охотничий парк «Зверинец» Растрелли). Кроме того, в середине — второй половине XVIII в. строится множество скромных по масштабам и мало-разнообразных по исполнению каменных оград монастырей и церквей, воспроизводящих структуру крепости, с фиктивным башнями и невысокими стенами — круг памятников, никогда не учитывавшийся «всерьез» историками архитектуры. Образ крепости хотя и коррелирует со стилем, но, к примеру, для его «редакции», созданной Горацием Уолполом, образ католического аббатства²⁷ так же значим, как и образ замка. Представление о неоготике как о художественной апелляции к национальной старине «не работает» при анализе «замка» в Островках, выстроенного И.Е. Старовым для князя Потемкина, или здании Кригскомиссариата, одинаково чуждых московской «почвенной» ветви стиля.

²⁷ Haggerty G. E. Queering Horace Walpole // *Studies in English Literature, 1500–1900. Restoration and Eighteenth Century*. 2006. Vol. 46. N 3. P. 558.

Во Франции в 1780-е гг. под влиянием английского пейзажного парка складывается свой образ крепости — с иным, нежели в Англии, пафосом отказа от классицизма: сентименталистский идеал пасторали оборачивался символом бедности — именно она вынуждала дворянина жить в родовом шато, и эта коннотация деревенского образа жизни была очевидна человеку эпохи Людовика XV²⁸. Между тем «Ферма» в Петровско-Разумовском, дома в усадьбах Денежниково, Черемушки и Поливаново отмечены влиянием французской интерпретации образа крепости, которое до сих пор не исследовано.

Почему же этот довольно обширный круг памятников так долго не был рассмотрен вне контекста проблемы стиля?

Этот частный вопрос историографии находит ответ в методологии советских и постсоветских искусствоведов, во многом опиравшихся на сочинения дореволюционных эссеистов. Благодаря этому этапу было сделано очень много: уяснены основные художественные особенности стиля, история возникновения и развитие, а также установлены хронологические границы. Между тем интерпретация образности — область иконологии — оставалась без должного внимания. Возможно, отчасти это объясняется еще одним аспектом — «источниковедческим»: многие памятники были практически неизвестны и не попадали в поле зрения исследователей. Если усадьба Михалково, расположенная в черте Москвы, была специально введена в научный оборот с подзаголовком «Новые памятники псевдо-готики» то иные из многочисленных усадебных и церковных ансамблей в провинции до сих пор не атрибутированы. Проблему представляют датировки — и это касается даже обстоятельств закладки ключевых памятников неоготики, относящихся к числу императорских заказов. В ситуации, когда каждый новый памятник неоготики XVIII в. рассматривался как источник новых сведений о зарождении и развитии неоготического стиля в России, а происхождение стиля и его осмысление современниками все еще порождало дискуссии, сам образ старинной крепости и стоящая за ним идейная программа оказывалось на периферии внимания исследователей.

Объективной проблемой исследований образа крепости русского XVIII в. являлось недостаточное привлечение европейского архитектурного контекста, в котором эстетизация крепости как отдельная тема существовала по меньшей мере с первой трети XVII в. Русские вариации этой темы, будучи из него вырваны, за редким исключением преподносились как некая данность, не имевшая ни

²⁸ Фонвизин Д.И. Письма из Франции к графу П.И. Панину в Москву // Полное собрание сочинений Д.И. Фон Визина. Ч. 2. М., 1830. С. 16.

прототипов, ни параллелей за пределами круга заказов Екатерины II и ее окружения.

Самоценность образа крепости как темы, с наличием в нем целого комплекса представлений, раскрывалась постепенно в работах советских искусствоведов. Этот процесс протекал рывками, переживая периоды методологического регресса, и все еще находится в состоянии становления. На рубеже XX – XXI вв., когда был накоплен и осмыслен материал по истории самих архитектурных памятников, исследования образа крепости постепенно сместились в область иконографии архитектуры. Можно констатировать лакуны в представлениях о европейских влияниях на русские памятники, необходимость расширения круга объектов исследования, а также уточнение тех объемно-пространственных и композиционных паттернов, за счет которых образ мог быть узнан, т.е. теории его формообразования. Дальнейшее развитие темы видится в русле архитектурной семиотики — в изучении крепости как знака и отыскании того значения, которое вкладывалось в то или иное сооружение заказчиком и «считывалось» современниками.

References

Andreeva L.V. *Tsaritsyno Bazhenova — imperatorskaya podmoskovnaya rezidentsiya. Dialog s drevnimi stroeniyami Moskovskogo Kreml'ya* [Bazhenov's Tsaritsyno as Moscow Imperial Suburban Residence. Dialogue with Ancient Structures of the Moscow Kremlin] // *Tsaritsynskiy nauchnyy vestnik*. 1993. N 1. P. 66–74.

Aronova A.A. “*Nezhnaya gotika*” *Vasiliya Bazhenova i obraz kreposti v russkoy kulture XVIII veka* [Vasily Bazhenov's “Tender Gothic” and the Image of the Fortress in the 18th-Century Russian Culture] // *Vasily Bazhenov i grekogoticheskiy vkus* [Vasily Bazhenov and the Greco-Gothic Taste]. Moscow: Gosudarstvennyy institut iskusstvovznaniya, 2019. P. 128–146.

Bolton A.T. *The Architecture of Robert & James Adam (1758–1794)*. Vol. 2. London: Country Life; George Newnes; New York: Charles Scribner's Sons, 1922. P. 88–98.

Bondarenko I.E. *Arkhitektork Matvey Fedorovich Kazakov* [Architect Matvey Fedorovich Kazakov]. Moscow: Moskovskoe arkhitekturnoe obshchestvo, 1912. 45 p.

Borisova E.A. *Ranniy romantizm i russkaya arkhitektura* [Early Romanticism and Russian Architecture] // *Mir iskusstv. Al'manakh* [World of Art. Almanac]. Moscow: GITIS; VNII iskusstvovznaniya, 1991. P. 366–384.

Haggerty G.E. *Queering Horace Walpole* // *Studies in English Literature, 1500–1900. Restoration and Eighteenth Century*. 2006. Vol. 46. N 3. P. 543–556.

Kazhdan T.P. *Arkhitekturnye pamyatniki XVIII veka v sele Vishenki* [Architectural Monuments of the 18th Century in the Village of Vishenki] // *Ezhгодnik Instituta istorii iskusstv* [Yearbook of the Institute of Art History]. 1960. Moscow: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1961. P. 149–179.

Kirichenko E.I. *Neklassicheskie tendentsii v russkoy arkhitekture epokhi klassitsizma* [Non-Classical Trends in Russian Architecture of the Classicism Era] // *Matvey Fedorovich Kazakov i arkhitektura klassitsizma* [Matvey Fedorovich Kazakov and the

Architecture of Classicism]. Moscow: NII teorii arkhitektury i gradostroitel'stva, 1996. P. 142–162.

Kozhin N.A. *Osnovy russkoy psevdogotiki XVIII v. sela Znamenki Tambovskoy gubernii* [Foundations of the 18th-Century Russian Pseudogothic in the Village of Znamenki, Tambov Province]. Leningrad: Tipografiya INTRUD, 1924. 16 p.

Kozhin N.A. *Osnovy russkoy psevdogotiki XVIII veka. Selo Krasnoe Ryazanskoy gubernii* [Foundations of the 18th-Century Russian Pseudogothic. Village of Krasnoe, Ryazan' Province]. Leningrad: Academia, 1927. 40 p.

Lukomskiy G.K. *Grebnevo // Stolitsa i usad'ba*. 1917. N 75. P. 4–8.

Lukomskiy G.K. *Pamyatniki starinnoy arkhitektury Rossii v tipakh khudozhestvennogo stroitel'stva* [Monuments of Ancient Architecture of Russia in the Types of Artistic Construction]. Part I. Petrograd: Shipovnik, 1916. 396 p.

Orehova E.M. “*Velikolepnye chertogi...*” *Rezidentsii G.A. Potemkina v Peterburge i okrestnostyakh* [“Magnificent Palaces...” Residences of G.A. Potemkin in Saint Petersburg and Surroundings] // “*Eto sam Potemkin!*” *K 280-letiyu svetleyshego knyazya G.A. Potemkina-Tavricheskogo* [“This is Potemkin Himself!” On the 280th Anniversary of His Serene Highness Prince G.A. Potemkin-Tavrichesky]. Saint Petersburg: Izdatel'stvo Gosudarstvennogo Ermitazha, 2020. P. 116–131.

Shvidkovskiy D.M. *Psevdogotika v russkoy arkhitekture 1770–1780-kh gg., eye angliyskie istochniki i zapadnoevropeyskie analogi* [Pseudogothic in Russian Architecture in the 1770s–1780s, Its English Sources, and Western European Analogues] // *Arkhitekturnoe nasledstvo*. 2001. N 44. P. 136–146.

Snegirev V.L. *Arkhitekto V.I. Bazhenov: ocherk zhizni i tvorchestva k 200-letiyu so dnya rozhdeniya* [Architect V.I. Bazhenov: An Essay on Life and Work on the 200th Anniversary of His Birth]. Moscow: Izdatel'stvo Vsesoyuznoy akademii arkhitektury, 1937. 186 p.

Sokolov M.N. *Tri puti v ray. Priroda, religiia i iskusstvo v prostranstve sada* [Three Ways to Heaven. Nature, Religion, and Art in the Space of the Garden]. Moscow: Stradiz; Feoriya, 2014. 719 p.

Spashchanskiy A.N. *Gatchina vo vtoroy polovine XVIII veka. Rozhdenie rezidentsii* [Gatchina in the Second Half of the 18th Century. The Birth of the Residence]. Saint Petersburg: Paritet, 2019. 384 p.

Tartakovskaya E.A. *Chesmenskiy dvorets* [Chesme Palace] // *Izobrazitel'noe iskusstvo* [Fine Arts]. Leningrad: Academia, 1927. P. 171–193.

Trostanets // Stolitsa i usad'ba. 1916. N 54. P. 3–6.

Wrangel N.N. *Venok mertvym* [Wreath to the Dead]. Saint Petersburg: Tipografiya “Sirius”, 1913. 187 p.

Zgura V.V. *Novye pamyatniki psevdogotiki* [New Monuments of Pseudogothic] // *Sbornik obshchestva izucheniya russkoy usad'by*. 1927. N 1. P. 1–4.

Поступила в редакцию
3 июня 2023 г.

ВНИМАНИЮ АВТОРОВ

Журнал «Вестник Московского университета. Серия 8. История» публикует статьи и материалы по отечественной и всеобщей истории, истории искусства, источниковедению, историографии и вспомогательным историческим дисциплинам, этнологии, археологии, архивные документы с научными комментариями, информацию о научных мероприятиях с участием сотрудников исторического факультета МГУ.

Страницы журнала открыты для дискуссий, поэтому его содержание может не отражать точку зрения учредителей и редакционной коллегии. Авторы несут ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, имен собственных, географических названий, статистических и иных сведений, а также за использование данных, не предназначенных для открытой печати.

Журнал «Вестник Московского университета. Серия 8. История» выходит один раз в два месяца. При перепечатке материалов журнала в другом издании ссылка на первую публикацию обязательна.

Требования к оформлению статей:

- текстовой редактор: Microsoft Word;
- шрифт: Times New Roman (Times New Roman Cyrillic), 12 кегль;
- полуторный междустрочный интервал (как в тексте, так и в сносках);
- сноски: нумерация сквозная, расположение постраничное, шрифт — 10 кегль, фамилии авторов выделяются курсивом.

Текст представляется в редакцию по электронной почте (scobo_chka2@mail.ru) или на usb-накопителе без компьютерных вирусов.

Объем статьи — не более 32 тыс. знаков с пробелами для аспирантов, не более 60 тыс. знаков с пробелами — для преподавателей и научных сотрудников.

Схемы, рисунки, фотографии и другие изобразительные материалы — в отдельных файлах.

Статья должна содержать:

- аннотацию объемом не менее 250 слов;
- 6–8 ключевых слов или словосочетаний (в словосочетании не должно быть более трех слов);
- сведения об авторе: фамилия, имя, отчество (полностью), ученая степень, ученое звание, полное название научного или учебного учреждения и его структурного подразделения, адрес электронной почты автора, ORCID;
- список литературы, т.е. перечень всех исследований, процитированных и упомянутых в статье, с указанием издательства и количества страниц.

Предлагаемую для публикации статью аспирантам и преподавателям исторического факультета МГУ нужно сопроводить выпиской из протокола заседания кафедры с рекомендацией ее к печати. Редакция организует для всех полученных ею статей двойное «слепое» рецензирование.

Выплата гонорара за публикации не предусматривается.

Плата за публикацию рукописей не взимается.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

БЕЛОУСОВ Лев Сергеевич (главный редактор) — доктор исторических наук, академик РАО, профессор; **АНДРЕЕВ Дмитрий Александрович** (заместитель главного редактора) — кандидат исторических наук; **БОРИСЁНОК Юрий Аркадьевич** (заместитель главного редактора) — кандидат исторических наук; **БОРИСОВ Николай Сергеевич** — доктор исторических наук, профессор; **БОРОДАЕВ Владимир Алексеевич** (ответственный секретарь) — доктор исторических наук, профессор; **БОРОДКИН Леонид Иосифович** — доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, профессор; **ВАНЕЯН Степан Сергеевич** — доктор искусствоведения; **ГОЛИКОВ Андрей Георгиевич** (заместитель главного редактора) — доктор исторических наук, профессор; **ДЕВЯТОВ Сергей Викторович** — доктор исторических наук, профессор; **КАНТОРОВИЧ Анатолий Робертович** — доктор исторических наук; **КАРЕВ Андрей Александрович** — доктор искусствоведения, профессор; **КАРПОВ Сергей Павлович** — доктор исторических наук, академик РАН, профессор; **КОШЕЛЕВА Галина Владимировна** (редактор); **КОШМАН Лидия Васильевна** — доктор исторических наук, главный научный сотрудник; **ЛИТВИНА Наталья Викторовна** — старший научный сотрудник; **МАТВЕЕВ Геннадий Филиппович** — доктор исторических наук, профессор; **МИРОНЕНКО Сергей Владимирович** — доктор исторических наук, профессор; **ОРЛОВ Степан Владимирович** — кандидат экономических наук; **ПИВОВАР Ефим Иосифович** — доктор исторических наук, член-корреспондент РАН, профессор; **ПОДОСИНОВ Александр Васильевич** — доктор исторических наук; **РАЕВСКАЯ Ольга Владимировна** — доктор филологических наук, профессор; **РОГУЛЕВ Юрий Николаевич** — кандидат исторических наук; **САПРЫКИН Сергей Юрьевич** — доктор исторических наук; **СЕДОВ Владимир Валентинович** — доктор искусствоведения, член-корреспондент РАН, профессор; **СИМОНОВ Вениамин Владимирович** — доктор экономических наук, профессор; **СОЛОПОВА Оксана Вячеславовна** — кандидат исторических наук; **ТАЛЫЗИНА Анна Аркадьевна** — кандидат исторических наук; **ФУНК Дмитрий Анатольевич** — доктор исторических наук, профессор

Адрес редакции:

119992, Москва, Ленинские горы, исторический факультет, Е-124

Журнал зарегистрирован в Министерстве печати и информации Российской Федерации. Свидетельство о регистрации № 1554 от 14 февраля 1991 г.

Подписано в печать 10.09.2024. Формат 60×90/16. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 12,25. Уч.-изд. л. 11,39. Тираж 100 экз. Изд. № 12645. Заказ №

Издательство Московского университета.

119991, Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1, стр. 15.

Тел.: (495) 939-32-91; e-mail: secretary@msupress.com

Отдел реализации. Тел.: (495) 939-33-23; e-mail: zakaz@msupress.com

Сайт Издательства МГУ: <http://msupress.com>

Отпечатано в типографии ООО «Паблит». 127214, г. Москва, Полярная ул., д. 31В, стр. 1, Э/ПОМ/К 3/1/1. Тел.: (495) 859-48-62